

*К***РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ** 2021 **ТОМ 6** №1

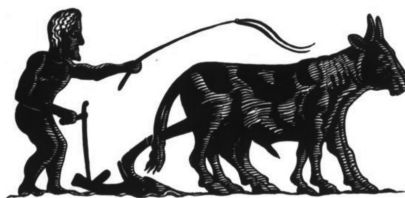
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р.М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е.Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Колхозник». П.Н. Филонов 1931. Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург.

Содержание

Теория

- Чаянов А.В.* Каким будет наше народное хозяйство после войны? 6
Rodoman B. Russian cultural landscape: Theoretical and practical implications of the concept. 13

История

- Merl S.* Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: Internal aspects (1953–1986) 26
Ильиных В.А. Сибирская деревня в период коллективизации: микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области) 71
Нахимовский А.Д. Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке 91

Современность

- Нефедова Т.Г.* Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России 126
Дискуссия по докладу Т.Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России» 154
Кузнецова Е.В. Жизненные циклы экопоселений. 170

Рецензии

- Кондрашин В.В.* Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» 180
Никулина Е.С. Драма деревянного зодчества Заонежья 185

Научная жизнь

- Аверкиева Е.В.* Пора валить в деревню. По материалам круглого стола на форуме «Устойчивое развитие сельских территорий» 189
Гонина Н.В. Аграрное развитие через призму истории 197
Полещук И.К. Современное захватничество: дисперсное лишение прав и «пограничные» земли 203

In memoriam

- Памяти Натальи Тормосовой 206

Russian peasant studies

Vol. 6. 2021. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, (chairman) University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borras Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian
Academy of Sciences
V.A. Il'nykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R.M. Nureev, HSE
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for
Agrarian Issues and Information Science
J.A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow,
Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

<i>Chayanov A.V.</i> What will our national economy be like after the war?	6
<i>Rodoman B.</i> Russian cultural landscape: Theoretical and practical implications of the concept	13

HISTORY

<i>Merl S.</i> Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: Internal aspects (1953–1986)	26
<i>Il'inykh V.A.</i> Siberian village during collectivization: Microhistory (Plotnikovo village in the Novosibirsk district of the Novosibirsk Region)	71
<i>Nakhimovsky A.D.</i> Oral history from below. Materials for the oral history of Russian peasants in the 20th century	91

THE PRESENT TIME

<i>Nefedova N.G.</i> Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia.	126
Discussion of the presentation of T.G. Nefedova “Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia”	154
<i>Kuznetsova E.V.</i> Life cycles of ecovillages.	170

REVIEWS

<i>Kondrashin V.V.</i> Response to the article by M.Yu. Mukhina “A hundred years of the NEP studies. Is it time to make conclusions?”	180
<i>Nikulina E.S.</i> The drama of the wooden architecture in the Onega Region	185

SCIENTIFIC LIFE

<i>Averkova K.V.</i> It's time to go to the village: Materials of the round table at the forum “Sustainable Development of Rural Areas”	189
<i>Gonina N.V.</i> Agrarian development in the historical perspective	197
<i>Poleshchuk I.K.</i> Contemporary grabbing: Dispersed dispossession and ‘liminal’ lands.	203

IN MEMORIAM

Natalia Tormosova	206
-----------------------------	-----

Каким будет наше народное хозяйство после войны?¹

А.В. Чаянов

Публикатор — Владислав Олегович Афанасенков, специалист Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук; младший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: erpaison@gmail.com

Аннотация. Данная статья А.В. Чаянова «Каким будет наше народное хозяйство после войны?» была напечатана в издании Московского союза потребительных обществ «Кооперативный сельский календарь на 1918-й год» (М., 1917. С. 42–44).

Статья представляет интерес, прежде всего, как краткий, яркий публицистический экспресс-прогноз предполагаемых направлений эволюции экономики и общества России в ближайшей и среднесрочной народнохозяйственной перспективе.

Статья носит достаточно полемический политэкономический характер, о чем свидетельствуют размышления Чаянова о трактовках понятий «государственный социализм» и «социализм» вообще, значении «общественного разума» в проводимых и предстоящих реформах, а также чаяновские прогнозы экономического развития России, связанные с такими разнонаправленными экономическими, политическими и социальными факторами как проблема многократно возросшего за время войны российского государственного долга, ослабляющее воздействия инфляции на российскую экономику, предстоящие задачи после окончания мировой войны перевода экономики России на мирные рельсы. Особые надежды в своих позитивных прогнозах Чаянов связывает с пробуждением социальных и производительных сил крестьянства России. Именно благодаря росту культуры, производительности труда, развитию кооперации среди крестьянства Чаянов предполагает возможность нахождения выхода из тупика экономической разрухи конца 1917 года.

И хотя, как показали дальнейшие исторические события, чаяновская вера в «общественный разум» и связанные с ним гуманистические социалистические перспективы развития России не сбылись, тем не менее следует признать, что Чаяновым были системно обозначены ключевые доминанты как революционного, так и эволюционного преобразования огромной крестьянской страны в условиях великих социально-политических потрясений XX века.

Ключевые слова: аграрная реформа, А.В. Чаянов, государственный социализм, кооперация, крестьянство, общественный разум, Первая мировая война, революция.

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-6-12

1. Публикация подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

Тяжелая, изнурительная война до основания потрясла наше народное хозяйство — деньги потеряли свою прежнюю цену, тяжелый продовольственный кризис пронесся над нашей родиной, в стране резкий недостаток топлива, железа, кожи, нет мануфактуры, нет обуви, нет почти ничего.

Производительные силы России оказались недостаточно мощными для того, чтобы выдержать тягость трехлетней войны. Начиная с лета 1915 года русское общество, а под его давлением и старая государственная власть начинают изыскивать способы борьбы с надвинувшимся бедствием.

В этой борьбе с хозяйственной разрухой государственные и общественные учреждения все глубже и глубже вмешиваются в течение хозяйственной жизни, накладывают свои государственно-общественные руки сначала на распределение продуктов первой необходимости среди потребителей, затем ограничивают уровень потребления населения и, наконец, приступают к регулированию самого производства.

Распределение и ограничение потребления продовольственных продуктов по карточкам, объявление всех зерновых хлебов государственной собственностью, введение в жизнь хлебной и сахарной монополии, принудительное установление цен на хлопок, железо, уголь и распределение наличных количеств этих продуктов и, наконец, разработка и установление государственного плана передвижения всех грузов по железным дорогам и водным путям — все это показывает нам, насколько прочно государственная власть взяла в свои руки управление хозяйственной жизнью.

В других воюющих странах государство еще в большей мере вмешалось в упорядочение своей народно-хозяйственной жизни, подчиняя направляющей государственной воле почти все течение ее.

Особенно силен этот государственный нажим в воюющей с нами Германии, находящейся в наиболее тяжелых экономических условиях.

В этой стране, отрезанной от всего мира огнем войны, государство настолько прибрало к рукам всю хозяйственную жизнь, что многие немецкие экономисты и общественные деятели задают себе вопрос — не является ли это военное вмешательство началом государственного социализма².

Однако подобное рассмотрение этого вопроса заставляет их ответить на него отрицательно.

Действительно, в настоящее время государство берет в свои руки распределение всех продуктов первой необходимости, оно распоряжается их производством и передвижением по стране, однако главная основа социалистического строя заключается не только в том, в каких формах организуется производство и распреде-

2. Эджтейн Г. (1917). Война и будущее народного хозяйства / Пер. с нем. М. Розенфельд; с предисл. П.П. Маслова. 2-е изд. М.: Дело.

ление, но также и в том, какие социальные цели преследует эта организация.

Современное нам обобществление торговли и управление некоторых отраслей промышленности имеет единственной целью бороться против голода организацией умеренного потребления, экономным расходованием незначительных наличных запасов продуктов и всячески развивать мощь промышленности, обслуживающей военные нужды.

Совершенно иные задачи будет преследовать обобществление средств производства и новая организация народного хозяйства, построенная на социалистических началах.

Под именем социализма подразумевается такая организация народного хозяйства, при которой использование всех земель, фабрик и других средств производства будет вестись организованным общественным разумом не во имя барышей и прибыли отдельных собственников, а во имя наиболее полного обеспечения средств существования всем трудящимся.

При этой системе ни один человек не будет эксплуатировать другого человека и весь национальный доход будет распределяться не путем ожесточенной борьбы трудящихся и капиталистов между собою, но путем справедливого разделения, организованного государством.

Эти задачи совершенно чужды современной военной организации народного хозяйства.

Поэтому созданный во время войны строй, хотя он и основан на небывалом вмешательстве государства в организацию народно-хозяйственной жизни, не может тем не менее считаться в какой-либо мере строем социалистическим, т.к. он, организуя производство и распределяя продукты первой необходимости, совершенно не затрагивает распределения национального дохода.

Само производство также только разумеется, но отнюдь не ведется организованным общественным разумом.

Однако если военный строй народно-хозяйственной жизни и не является началом социализма, он тем не менее вносит очень много нового в нашу жизнь, не бывшего раньше и, наверное, могущего быть сохраненным и после войны.

Состояние нашей торговли и промышленности до войны было лишено всякого воздействия со стороны общества и государства, каждый мог производить и торговать чем ему угодно. Барыш был единственным двигателем и направителем хозяйственной жизни, а свободная жестокая конкуренция отдельных предпринимателей и торговцев была единственной сдерживающей уздой цены и наживы.

Годы войны заставили государственную власть взяться за упорядочение хозяйственной жизни и попытаться направить ее течение в сторону большего соответствия общегородским нуждам.

Была создана хлебная монополия и ряд других; большое количество различных комитетов взяли на себя организацию отдельных отраслей народного хозяйства.

Комитеты кожаный и хлопчатобумажный, льняной, металлический, по топливу и другие уже теперь далеко вышли за пределы обслуживания военных нужд страны и содержат в своей работе такие задачи, которые и после войны будут иметь огромное народно-хозяйственное значение.

Их работа, это вмешательство организованного общественно-го разума в хозяйственную жизнь и отношения, останется нашему будущему в виде весьма ценного наследства от переживаемой нами тяжелой военной години.

Первым вопросом, в котором это государственное вмешательство должно проявить всю присущую ему мощь, будет организация демобилизации нашего народного хозяйства.

Наша народно-хозяйственная жизнь, застигнутая врасплох войною, постепенно и крайне медленно приспособлялась к военным условиям существования.

И теперь, после трех лет войны, она вся рассчитана на военную работу. Заводы, ранее работавшие швейные машины, ныне выделяют пулеметы, заводы сельскохозяйственных машин сотнями тысяч изготавливают зарядные ящики.

Это приспособление создавалось постепенно годами — по окончании войны оно сразу потеряет свое значение и в один момент, если заводы и фабрики будут вынуждены вернуться к своей нормальной работе.

Целые новые области промышленности, создававшиеся во время войны для обслуживания военных нужд и занимающие сотни тысяч рабочих, теряют основание для своего существования и должны в корне изменить свой строй и направить свою работу на изготовление этих продуктов.

Приспособление промышленности к мирным условиям существования называется в научной литературе «демобилизацией промышленности».

Возможность и способы ее безболезненного осуществления в настоящее время обсуждаются и разрабатываются рядом ученых обществ и общественных организаций, и нет никакого сомнения, что только при твердом и решительном вмешательстве государственной воли демобилизация эта может пройти без крупных потрясений нашего народного хозяйства.

Особенно трудным вопросом в этом деле является вопрос об организации труда. Многие миллионы работников, собранные сейчас под знаменами наших армий, вернутся, после окончания войны, назад на свои старые места и наша промышленность, за три года уже приспособившаяся обходиться без них сама, расшатанная и обессиленная войной, не в силах будет поглотить эти миллионы свободных рабочих рук, и перед организованным общественным разумом встанет задача борьбы с жестокой небывалой безработицей.

По счастью, большинство наших армий состоит из крестьян. Россия — страна крестьянская, и войско русское есть также вой-

ско крестьянское. Поэтому большая часть освобождающихся после окончания войны рабочих рук уйдет в свои крестьянские хозяйства и приложит труд свой к земле.

При этом, однако, надо помнить, что свободных земель у нас в России очень немного. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 года, из каждой сотни десятин посева Европейской России 89 десятин засеивались крестьянами на своей и арендованной земле и только 11 десятин — частновладельческими хозяйствами.

Поэтому передача всех земель в руки крестьянства освободит его от чрезмерных арендных платежей, которые оно уплачивает частным владельцам за 20 миллионов арендуемых у них десятин земли, но может расширить их землепользование всего на 10–15 процентов.

Для устройства нашего земледелия недостаточно одной земельной реформы, необходимо также устроить нашу землю, уничтожить чересполосицу, осушить болота, оросить засушливые места, поднять возможно выше культуру крестьянского хозяйства, снабдить его агрономическими знаниями, дать ему усовершенствованные земледельческие орудия и машины, организовать его в кооперативы, открыть ему дешевый и доступный кредит и, наконец, защитить его интересы на мировом рынке.

Только проведя все вышесказанное в жизнь, мы можем действительно устроить наше земледелие, действительно поставить народный труд, прилагаемый к земле, в наиболее благоприятные для него условия.

И тогда, говоря словами профессора А.И. Чупрова, мы *возрастим два колоса на том месте, где раньше рос один*³.

Эта уверенность не есть только пожелание. Присматриваясь к развитию нашей народно-хозяйственной жизни, мы ясно видим, какое блестящее будущее стоит перед нашим сельским хозяйством.

Цены на продукты земледелия и скотоводства, неуклонно растущие с 1896 года, после войны несомненно удержатся на высоком уровне⁴ и обеспечат земледельцам значительный доход, позволят им повысить их урожайность применением минеральных удобрений и других приемов интенсивного земледелия убыточных при старых ценах.

Изменился сам хозяйствующий человек; война и революция докончили то, что подготавливало кооперативное движение — Крестьянский банк сдвинулся с мертвой точки вековой спячки, и крестья-

3. Источник — фраза короля великанов из «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта: «Всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине большую услугу, чем все политики, взятые вместе»; широко цитировалась российскими учеными-аграрниками. — *Ред.*

4. В действительности окончание Первой мировой войны привело к падению мировых цен на хлеб в 1920–1924 гг. — *Ред.*

янство сделалось восприимчивым ко всякой культурной пропаганде, а в том числе и пропаганде агрономической.

Ожидаемый нами подъем русского сельского хозяйства является главной надеждой нашей в будущих экономических судьбах нашей земледельческой страны.

Трехлетняя война, расшатавшая наш народно-хозяйственный организм, в то же время расшатала и наши государственные финансы, чрезмерные выпуски миллиардов бумажных денег сильно понизили стоимость нашего рубля, а военные расходы увеличили наш государственный долг до 50 миллиардов рублей.

До войны весь наш государственный бюджет составлял 3 миллиарда рублей, теперь эта сумма будет едва достаточной для уплаты процентов по государственным долгам. Перед нами тяжелые годы уплаты по этим долгам. Подходный налог переложит главную часть этих уплат на имущие слои⁵, но все же необходимо отчетливо сознавать, что только развитие производительных сил нашей родины, в частности удвоение или утроение урожаев, сможет без потрясений вывести страну из того экономического тупика, куда она постепенно зашла.

И только самостоятельные усилия всех живых сил нашей родины могут справиться с тяжелым экономическим наследием, оставленным мировой войной.

А.В. Чаянов

Каким будет наше
народное хозяй-
ство после войны?

What will our national economy be like after the war?⁶

A.V. Chayanov

Publisher — *Vladislav O. Afanasev*, Researcher, Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences; Junior Researcher, Research Laboratory of Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: erpaison@gmail.com

Abstract. This article by A.V. Chayanov was published in the edition of the Moscow Union of Consumer Societies "Cooperative Rural Calendar for 1918" (Moscow, 1917, pp. 42–44). The article is of interest mainly as a short, impressive, journalistic, rapid forecast of the possible evolutionary directions of the Russian economy and society in the short-term and mid-term national-economic perspective. This is a polemical political-economic article due to Chayanov's reflections on the interpretation of such concepts as 'state socialism' and 'socialism' in general, on the meaning of 'public reason' in the ongoing and future reforms, and also due to Chayanov's forecasts of the Russian economic development as determined by such multidirectional economic, political and social factors as the state debt that had multiplied during the war, the weakening im-

5. Подходный налог был введен в России с 1917 г., но в условиях революции и Гражданской войны практически не заработал. — *Ред.*

6. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project "The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists' findings through the actualization of their heritage."

pact of inflation on the economy, and the after-war tasks of transferring the economy to a peaceful track. In his positive forecasts, Chayanov put special hopes on the awakening social and productive forces of the Russian peasantry. Chayanov believed that the growth of culture, labor productivity and cooperation among the peasantry would allow to find a way out of the impasse of the 1917 economic devastation. Although, as the later historical events showed, Chayanov's belief in 'public reason' and the corresponding humanistic socialist prospects for Russia did not come true, he systematically identified the key dominants of both revolutionary and evolutionary transformations of the huge peasant country under the great social-political upheavals of the 20th century.

Key words: agrarian reform, A.V. Chayanov, state socialism, cooperation, peasantry, public reason, World War I, revolution

Russian cultural landscape: Theoretical and practical implications of the concept

B. Rodoman

Boris B. Rodoman, DSc (Geography). E-mail: bbrodom@mail.ru

Abstract. The author argues that the precise final definitions (recognized and universal) are often less important for scientists than the key features of the studied phenomena. Therefore, the author suggests to combine different concepts in order to get a working and temporary definition of the cultural landscape. The article presents this term as non-evaluative, mainly typological, non-taxonomic and 'real', which allows to consider its borders with the natural landscape as mobile, conventional and relative due to the fact that both landscapes are affected by human activities. The author describes factors and trends in the development of the cultural landscape, and regionalization as a tool to study and preserve it. The Russian cultural landscape is primarily determined by the interaction of the state with nature due to the obvious shortage of self-organized local communities. The author identifies endogenous (internal) and exogenous (external) factors in the (self)-development of the cultural landscape, which can be either stimulating or hindering. As the main features of the Russian cultural landscape the author considers its historically developed rhythm and ability to self-recover, which differ by country and region. Centuries of the military-colonial despotism and unprecedented centralization of the supreme power have turned the Russian space into a totalitarian landscape with the hypertrophied radial connections and the suppressed peripheral connections, which is embodied in the administrative-territorial division and determined the extraordinary social-economic, geographical, ecological and territorial polarization. The Russian landscape has a very specific feature – the so-called 'inner periphery', or hinterland (relative and ubiquitous): these are territories located closer to the country's cores than to its outskirts but with all negative features of the outskirts. This inner periphery plays an important role in the preservation and development of the natural landscape as a potential basis of the territorial ecological framework, but to ensure such a role we need a comprehensive cultural-historical regionalization.

Key words: landscape, cultural landscape, administrative-territorial division, etatization of landscape, anisotropic landscape, ecological potential of administrative borders, social-economic polarization, hinterland, inner periphery, regionalization, cultural-historical areas.

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-13-25

There is a widespread belief that before any discussions scientists must agree on the terms by providing their precise definitions. This rule is rooted in the geometry of Euclid as an example of an axiomatic scientific discipline. However, in the humanities and sometimes even in the natural sciences this rule does not work, because the features of the studied phenomena are more important than their final dictionary definitions which remain unattainable ideals. Therefore,

to study the cultural landscape, I suggest the *marginal analysis*, i.e., the use of different concepts with the deliberate changes in their volumes and boundaries according to different criteria. Thus, the cultural landscape can be interpreted in different ways depending both on its relationships with such concepts as 'culture' and 'landscape' and on its evaluative or non-evaluative, individual or typological, general or taxonomic, continuous or discrete, universal or specific definitions, and also taking into account different degrees, directions, ways and goals of the cultural landscape's metaphorizing in different scientific disciplines and public discourses.

The concept 'landscape' implicitly used in the article is one of many possible interpretations; thereby, I consider it rather working and temporary than recognized and universal for the professional discourse. I use the term 'cultural landscape' as if I fully understand its content and meaning, but actually I do not care about its clear final definition. I use the term 'cultural landscape' as non-evaluative, mainly typological, non-taxonomic and 'vulgarly real', which is quite similar to the term 'anthropogenic landscape' (Milkov, 1973). I believe that *landscape* (without any adjectives) is a material part of the human environment (space), which consists of solid and liquid earthly bodies, has mainly a multi-layered structure, is observable and includes natural and artificial elements. In the non-evaluative perspective, the cultural landscape (as not opposed to the 'uncultured landscape') developed under the decisive influence of human activities: in this sense, the cultural landscape differs from the natural landscape, but the boundaries between two concepts and two corresponding objects are mobile, conventional and relative. There are very few purely natural landscapes not affected by human activities at least in the distant past; however, when in the mountains or taiga, we see that we did not affect those essential features of the environment that are decisive for our behavior. An intermediate position between the wild nature and the urban environment is taken by suburban, rural, agricultural landscapes together with wastelands and landfills recaptured by flora and fauna.

My descriptions of the Russian cultural landscape follow the classical positivist *real* geography: I do not care about its images in the minds of ignorant people or about myths produced by their absurd representations; I do not consider the cultural landscape as a text and do not study texts about it; I do not understand how the entire cultural landscape on most of the earth's land differs from the natural-anthropogenic landscape in general. Nevertheless, under the contemporary postmodernist trends, I admit that my interpretation of the Russian cultural landscape is personal (based on my experience and impressions rather than scientific sources), and, if accepted by some readers, can turn into a myth. I hope that this clarification will satisfy those readers who believe that there is no objective reality or unconditional truth, but only narratives and discourses.

The cultural landscape seems to be the result of the interaction between society and natural environment, which sounds philosophically attractive but is hardly applicable to the Russian situation. The Russian landscape is primarily the result of the interaction between nature and the state rather than society (Kagansky, 2009). In Russia, there is no society as an actor that opposes the state and enters into contractual relationships with it, and there are very few self-organized local communities that interact with the elected local government and environment deliberately and in solidarity. In Russia, the role of local residents in the development of their native – urban, rural or wild – landscape has steadily declined during the 20th century. All changes in landscape are usually ‘external’ and unexpected – both in their essence and consequences.

Not every change in landscape and society can be called development – on the contrary, there are many external influences that hinder development. The historical changes in the cultural landscape are determined by endogenous (internal) and exogenous (external) factors: ‘internal’ and ‘external’ in the purely geographical, territorial meaning – the former as located within the considered area, and the latter as coming from the outside. One of the internal factors is the smooth and long-term self-development of the cultural landscape, which in the past centuries was almost unobservable during one human life, because such a self-development was the result of the well-known interaction between nature and the specific, limited, relatively small part of society – a group, community or ethnos. In the smooth autonomous evolution of the cultural landscape, there are two mechanisms – quasi-natural selection (according to Darwin) and nomogenesis (Berg, 1922). The selection improves household items, buildings, applied and visual arts, while nomogenesis – transport networks (Rodoman, 2002), which is confirmed by the study of their evolutionary morphology (Tarkhov, 2005).

The ‘natural’, ‘normal’ self-development of the cultural landscape is sooner or later interrupted by external factors, mostly unexpected and violent – natural disasters, conquests, state reforms and reorganizations. For instance, in the 21st century, the countryside of the so-called Central Russia (more precisely, of the western part of its central area) experienced at least 25 terrible shocks: Stolypin reforms, first war with Germany, October Revolution, post-revolutionary devastation, civil war, peasant uprisings, dispossession of *kulaks* and collectivization, second war with Germany, post-war devastation, integration of collective farms, transformation of some of them into state farms, elimination of ‘unpromising’ rural settlements, ‘land reclamation’ (in fact, land deterioration), chemicalization in agriculture, disappearance of country dirt roads, dismantling of narrow-gauge railways, various market reforms, privatization and confusion with

B. Rodoman
Russian cultural
landscape:
Theoretical
and practical
implications of the
concept

property rights, collapse of collective and state farms, collapse of flax growing and grain production, attempts and failure to support private farmers, economic crisis and devastation of the 1990s, development of cottage construction by townspeople, contamination and destruction of old forests, and overgrowing of agricultural lands with forests. The fact that after all these shocks there is still some life in the Russian rural hinterland is a miracle rather than a regularity.

In the southeast of European Russia, not directly affected by the World War II, the devastation of the village was prevented by the attachment of many indigenous non-Russian peoples to their small motherland. There are reasons to believe that the ethnic-confessional heterogeneity of the Volga-Ural Region, officially proved by the presence of ethnic republics in the Russian Federation, together with the patriarchal way of life, family-kinship cooperation and division of labor saved the countryside from complete desolation (Nefedova, 2003).

Thus, under some external factors, the quasi-natural evolution of the cultural landscape can be interrupted, but resumes after the administrative influence ceases and the reform meets the usual and expected fate of its predecessors according to the 'law of Chernomyrdin' ('we wanted the best, but it turned out as always'). After repeated shocks, the continuity of development is broken, most of previous achievements are lost, and much has to be started anew.

Features of the Russian landscape

The Russian landscape is not only a passive victim of the state arbitrariness, but also an avenger. Moscow is unusually lucky – it has never suffered from natural disasters (like destructive earthquakes) other than weather disasters (hurricanes, extreme colds and heats, smoke from fires and floods, although, after the Moscow River was put under control, severe floods as in the first decade of the 20th century are very unlikely today). However, in many other regions the situation is worse: although the inevitable future revenge of nature for unforgivable mistakes is often delayed and not obvious, the epiphany always comes albeit too late. For the construction in deltas and floodplains, on drainage slopes and mountainsides with streams, which were imprudently deprived of forests, and in the seismically hazardous areas people pay with destructions from floods, avalanches, mudflows, landslides and earthquakes. However, these well-known natural disasters are determined by the irrational land use, but I am interested not in the nature's revenge, but in the whole cultural landscape's revenge for our voluntarism. The cultural landscape is responsible for social calamities as a response to the arbitrariness of sovereigns and officials.

Moreover, regions differ by the historically developed landscape *rhythms* (Rodoman, 2002). For instance, in Western Europe this rhythm is more fractional (high-frequency), while in Siberia it is less

fractional (low-frequency) than in the Moscow Region. Under the evolutionary self-development, the anthropogenic superstructure of the cultural landscape harmonizes with its natural basis, but under interventions the resonance is often broken. Thus, the opposition to the traditional landscape led to the failure of three main Russian reforms – of Alexander II, P.A. Stolypin and E.T. Gaidar: these reforms were not completed and turned out to be counterproductive.

The cultural landscape is very inert, which often prevents its deprivation of the ability to self-recover. The location, size and shape of lands hinder changes in their use: in the countryside, the state failed to destroy the peasant-landlord landscape by replacing it with a uniform distribution of small estates and farms in the Western-European way. Contemporary parcels are household and garden plots with cottages, and latifundias are unused fields and wastelands that surround plots and wait for new plowing or construction but are doomed to long desolation due to being too far from cities. Land reforms were disasters for rural residents and inevitably failed, because it is impossible to quickly move fields, gardens and houses. After every reform the country returned to the pre-reform situation that even deteriorated, because the population responded by the revival of archaic practices.

The Soviet rural collectivization turned out to be the third wave of enslavement, and the post-Soviet privatization – the fourth (the first wave ended in the middle of the 17th century, and the second wave began and reached its heights in the 18th century). After the abolition of serfdom, the former landlord peasants and their descendants were relatively free for only 60 years and then became Soviet serfs without passports. Today residents of small towns in Central Russia, of single-industry towns, industrial communities and rural settlements are economically less free than the landlord peasants on quit-rent not to mention the state peasants before 1861. Moreover, in most parts of tsarist Russia, there was no serfdom, while today in Russia nobody can start a ‘small business’ without a powerful administrative-criminal protection.

Nevertheless, not all state attacks on the cultural landscape were destructive. A good example is the unjustly forgotten ‘Great Stalin’s (actually Dokuchaev’s) plan for the transformation of nature’, despite the fact that the field-protective forest belts did not solve their main tasks sufficiently – to protect fields from dry winds and to increase productivity, because these belts were designed as huge rectangles and did not take into account the relief and river networks. This fact was proved by the geographer D.L. Armand (1961), who was a talented engineer and calculated, albeit too late, the parameters of the field-protective forest belts. His work was also forgotten after the political wind from Moscow blew towards northern Kazakhstan – the ‘virgin lands’.

However, albeit in a perverted form, the ‘transformation of nature’ improved the ecological situation in sparsely forested and woodless

areas (which does not apply to the destruction of large rivers by hydraulic power systems and to the transformation of the Volga river into a cascade of 'swamp-reservoirs'). The wide forest belts between fields and along roads improved the landscape and its biodiversity. Today there are no such complex reclamations, and forest belts are cut down and built up with cottages. The Russian quasi-market economy does not seem to possess mechanisms for improving the cultural landscape. I do not think that we need a totalitarian regime to mobilize people for good deeds, because there are successful government programs for the landscape transformation under non-authoritarian regimes (for example, in the Netherlands and Israel).

Trends in the development of the Russian landscape

Centuries of the military-colonial despotism and unprecedented centralization of the supreme power have radically changed the Russian space and turned it into a *totalitarian landscape* (Rodoman, 2002) – a material-spatial embodiment of the service-distribution, command-administrative economy and autocratic-bureaucratic hierarchy, in which radial connections (center-periphery) are hypertrophied, while all peripheral connections are suppressed. I call this striking difference between radial and other connections the *centric anisotropy* (there are many anisotropies typical for the landscape). Radial connections reproduce or reflect the so-called 'vertical of power', while peripheral connections reveal the lack or shortage of cooperation between elements subordinate to the center.

The Russian totalitarian landscape is embodied in the administrative-territorial division which consists of the universal units of social life similar to houses or apartments. There are many types of departmental regionalization (Kordonsky, 2010), but all of them are congruent with the national administrative-territorial division. The cultural landscape is a reflection of relationships between people; therefore, in Russia, the infrastructure, routes of transport and migration, and interpersonal ties reflect primarily the bureaucratic hierarchy (main roads were previously the routes of officials and couriers).

The hopes that after the 1990s political and market reforms the Russian society would quickly move from the inert hierarchical structure to a more flexible network society did not come true. There are developing Internet networks, but in real life centralization and bureaucratization have increased, which leads to the further *etatization* of landscape. The Russian centralized anisotropic landscape is universal and reproduces at all levels of the territorial hierarchy – in regions ('subjects of the Russian Federation'), cities and rural areas.

Due to the continuing concentration of all activities in cities and suburbs and to the relative isolation of regions, whose heads do not

cooperate but only follow instructions from Moscow, there are no local transport routes at the borders of administrative regions and districts, which creates zones of depopulation and economic decline. The higher the taxonomic rank of the administrative region, the wider the zone of desolation along its borders. The widest zone of desolation is along the state borders of the Russian Federation.

There are unused lands on both sides of the border between Russia and the CIS countries, while between Russia and the EU countries – mostly on the Russian side. Such depressive border strips have increased in Russia despite all global trends and dreams about the close regional cooperation and fruitful international cross-border cooperation (Barinov, 2012). However, every cloud has a silver lining: these strips help to preserve the gradually reviving natural landscape, which allows to include them into the *econet* – the global network of specially protected natural areas (in the Internet, the word ‘econet’ often means the ‘ecological Internet’ which has nothing to do with ecology). The spontaneous *econetization* of administrative borders and their significant ecological potential are a unique and specific feature of the post-Soviet space, which does not seem to have analogues outside this space and, therefore, is unknown to Western geography.

The Russian extraordinary social-economic *polarization* (especially property inequalities) has a specific integral part – the geographical, ecological, territorial polarization, i.e., the growing contradictions between the more successful and prosperous urbanized cores of the country and the depressive areas paradoxically located not so much on its geographic outskirts as everywhere inside its cores – in the so-called *glubinka*. This word has already become a scientific term (Russian *Glubinka...*, 2012) and, probably, will take its rightful place in international dictionaries like other ‘primordially Russian’ concepts (*intelligentsia*, *dacha*, *raspoutitsa* – flooded country roads), although *glubinka* is a partial synonym for the term ‘intra-periphery’ (Rodoman, 1987) and ‘inner periphery’ (Kagansky, 2012).

The inner periphery of some centric area consists of territories located closer to its center than to its outskirts; however, these territories have such features of the outskirts as poor transport accessibility, slow development, obvious lags in many social-economic fields, and archaic characteristics of landscape and everyday life. In the simplest and universal (triangular-hexagonal) geometric model of regionalization and communications, the inner periphery is located in the cells of the transport network or, which is the same, at the borders of regional junctions (Rodoman, 1999). However, in real life, the transport factor is often insufficient for the development of intra-periphery, and other factors of internal peripheralization play their role: natural conditions, ethnic composition of the local population, economic-social history of the region. For instance, the largest inner periphery of the Russian Empire developed in the

19th century in the Petersburg-Moscow-Warsaw railway triangle and consisted of the northwestern provinces of Russia and a part of Belarus. Many *uyezd* towns were cut off from railways and fell into decay. In the 20th century, the rare and belated highways played the same role of the ‘destroyer of backwoods’. Most small villages disappeared due to the lack of satisfactory transport routes with the ‘civilized’ outside world.

The key features of the inner periphery, especially important in the specific and unique conditions of Russia, are its relativity and ubiquity: one cannot say for sure and show on the map peripheral and central areas, because such ‘statuses’ of territories depend on the chosen ‘coordinate system’. In Russia, the administrative-territorial division is the main coordinate system; therefore, one can easily find as many types of centrality-peripherality as there are levels in this division: internal periphery of regions, municipal districts, and so on. In addition, there are unofficial, implicit regional junctions such as the latent, non-existent districts that were once official (for example, the Tarsky district in the Omsk Region) or that have never been official but were partly identified as important nodes, for example, in the famous geographical zoning of E.E. Leizerovich (2004). The ubiquity of the inner periphery is determined by its relativity: for almost any geographical point one can find objects for which it will be central or peripheral.

In my works (Rodoman, 2002, 2006), the Russian inner periphery is presented as playing an important role in the preservation and development of the natural landscape without large funding. The traditional economic approach focusing on investment, employment and jobs is irrelevant here, because the wildlife restoration (although not in the best and desired form) goes by itself, and we should not interfere with it. The inner periphery is a potential basis of the territorial *ecological framework* – any artificial secondary colonization of the Russian non-black-earth inner periphery outside the suburban areas will fail. The few remaining permanent native residents of this hinterland, who are truly attached to their small motherland and want to keep their traditional way of life, should be given the *rights of aborigines* regardless of their ethnicity and subsidies for the sake of preserving nature, culture, land, and Russia.

Thus, in the ‘geographically-politically correct perspective’, the Russian inner periphery is not only a sick and decaying land that needs to be cured by the traditional economic methods, but also a concentration of ecological opportunities for the preservation and prosperity of the natural landscape. The discovery of the anisotropic totalitarian landscape, devastated border strips, inner periphery and their ecological potential are important achievements of the Russian social-economic and theoretical geography, which are based on the unbiased study of one’s country, i.e., on the study not focused on some fashionable borrowed concepts.

Regionalization is one of the most important methods in geographical sciences, and plays the same role in geography as periodization in history and classification in zoology and botany. Regionalization allows to define and describe specific areas of land accurately and unambiguously, thus, representing the territory completely, without any gaps. Regionalization is also the highest, synthetic form of thematic mapping (Rodoman, 2007). There are many thematic maps made by the differentiated/qualitative/colored-background method in the natural-geographical sciences: for instance, the natural landscape of the former USSR was studied and depicted on maps. The physical-geographical regionalization can and should serve as a model for the cultural landscape, regionalization, but the question is what should be the territorial units of the cultural landscape regionalization, i.e., what 'natural-cultural territorial complexes' should be taken as 'cells' of the area. Cultural geographers cannot compare with naturalists in the complex taxonomic pyramids; therefore, we should start with the simplest self-evident models such as presenting the cultural landscape as a combination of the well-known *cultural-historical areas* as its primary and largest units.

Ecologists hope to preserve the natural landscape as the *econet* – a continuous network of wide 'green corridors' that cross a densely populated urbanized territory. This is the basis of my conceptual project of the 'polarized biosphere' based on the Russian spatial specifics (Rodoman, 2002). Due to the hyper-centralization of the Russian space, there are still strips of the wilder natural landscape on the borders of regions, republics and their municipal districts – with no cross-border communications or local highways. The borders of the Moscow Region are an obvious exception to this rule due to its being not only one of the core regions at the national/federal level, but also the core of the Russian state; therefore, on the borders of the Moscow Region with the outside world rather interaction than barrier functions prevail. From the outside of the Moscow Region borders, there are concentrations of objects and activities that strive to get closer to the capital but cannot enter the metropolitan area.

The forest-park protective belts grow by themselves on the administrative borders due to the specifics of the administrative-territorial division. The development of the *econet* on the administrative borders is a wonderful, convincing example of the 'sleep-mode' benefits: to achieve a good goal (self-restoration of nature) we need a gracious lack of action instead of purposeful activities.

In Russia, until the World War II, rural settlements location followed the morphological structure of the natural landscape (Solntsev, 1962), which differed by natural area (Gvozdetsky, Zhuchkova, 1963). Thus, on the Moscow Upland, northwest of Moscow, villages were built on moraine hills, while on the erosional plain, south of Moscow, villages were built in the valleys of small rivers. In general, in

B. Rodoman
Russian cultural
landscape:
Theoretical
and practical
implications of the
concept

the Moscow Region, there were areas of different types of rural settlement, which corresponded to natural (physical-geographical) areas of the same size. In the middle of the 20th century, this traditional system of rural settlement was destroyed by the mass distribution of land to the townspeople for gardens that were immediately turned into summer *dacha* villages. Collective, state and forest farms willingly got rid of lands that hindered the achievement of the plan indicators. In the suburbs, the so-called 'garden partnerships' occupied the lands of the ecological framework – forest edges and damp clearings, floodplains, riverheads and high moors. The cottage villages suitable for year-round living, which became widespread at the end of the 20th century, inherited the same ecophobic patterns of location. The townspeople have built up such types of land on which the local peasants had not settled before. The ecological consequences of such settlement patterns were harmful not only for wild flora and fauna, but also for people (destruction of surface and ground water run-offs, pollution and degradation of forests, etc.). Thus, the traditional cultural-historical provinces are destroyed by suburbanization and transformation of the former village into a second place to live for the townspeople, who do not follow many previous patterns of rural construction, do not reproduce the traditional organization of the rural settlement with houses built along the river, do not clean or preserve the old village ponds.

I believe that the cultural-historical regionalization of the cultural landscape, which makes the scientific geography possible. Unfortunately, architects and geographers are not interested in the cultural landscape regionalization, and the corresponding regions disappear – unknown, unexplored and unmapped.

The Latvian Ethnographic Open-Air Museum in Riga is one of the oldest in Europe and copies the Stockholm Skansen Museum in grouping its exhibits according to the historical regions of Latvia – Vidzeme, Kurzeme, Zemgale and Latgale. In Soviet times, Moscow tried to intervene in this non-routine (for the USSR) situation and to change this grouping by the class division, so that the museum would present typical courtyards of the poor, middle peasants and *kulaks*, but I was lucky to see the original regional exposition. The question is whether we can identify historical areas in Russia.

Unlike other European countries, Russia lacks historical provinces (like Normandy and Provence in France, Vidzeme and Kurzeme in Latvia). Russians identify themselves by administrative units (regions, republics) and even name cattle breeds by province (for instance, Yaroslavl and Kostroma breeds). Surprisingly, neighboring Ukraine, quite close to Russia in culture, consists of historical regions (Volyn, Podillia, etc.) that can be the basis of both its possible federal structure (similar to Germany and Austria) and its disintegration (they are presented in Kiev, like in Riga, in the open-air museum). A

similar museum in New Moscow would present the national cultural and natural heritage by administrative region.

Thus, for classifying and making an inventory of the Russian cultural landscape, including the purpose of preserving the national cultural heritage, scientists should identify and model special *cultural-historical areas* that do not necessarily coincide with the administrative or natural divisions. I have repeatedly suggested and described such a model based on three regions of the traditional rural landscape around Moscow, which was almost destroyed by cottage villages (Rodoman, 2011). I believe that each zone should have at least one protected-landscape museum-reserve and be presented by a preserved typical rural area – one village or a bunch of villages with the surrounding land, including forests and reservoirs. Certainly, the key and unique feature of the Russian cultural landscape is the huge role of the authoritarian state in its development: the unilateral influence of the government on landscape and population without any feedback, colonial methods of the multiple development of the same territory, landscape polarization, centric anisotropy of space, growth of the inner periphery, devastation of border strips, and spontaneous restoration of ‘wild nature’. The last three processes can be used to restore the favorable natural landscape and to help Russia to choose the environmental specialization in the global economy. To identify and preserve the samples of the cultural and natural heritage we need a universal scientific regionalization of the cultural landscape.

B. Rodoman

Russian cultural
landscape:
Theoretical
and practical
implications of the
concept

References

- Armand D.L. (1961) *Fiziko-geograficheskie osnovy proektirovaniya seti polezashchitnykh lesnykh polos* [Physical-Geographical Foundations of Designing a Network of Forest Protective Belts], Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Barinov S.L. (2012) *Novoe zapadnoe pogranichie RF: vliyaniye granits na kommunikatsiyu naseleleniya* [The New Western Border Area of the Russian Federation: Influence of Borders on Communication]: Avtoref. diss. k.g.n. Moscow: IG RAN.
- Berg L.S. (1922) *Nomogenez, ili Evolyutsiya na osnove zakonomernostey* [Nomogenesis, or Evolution Based on Regularities], Petrograd: Glz.
- Gvozdetsky N.A., Zhuchkova V.K. (Eds.). (1963) *Fiziko-geograficheskoe rayonirovaniye Nechernozemnogo tsentra* [Physical-Geographical Zoning of the Non-Black-Earth Center], Moscow: Izd-vo MGU.
- Kagansky V.L. (2009) Prirodno-gosudarstvennyy landshtaft Severnoy Evrazii: teoreticheskaya geografiya [Natural-state landscape of Northern Eurasia: theoretical geography]. *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya: traditsii i sovremennost*, Moscow-Smolensk: Oikumen, pp. 78–100.
- Kagansky V.L. (2012) Vnutrennyaya periferiya – novaya rastushchaya zona kulturnogo landshtafta Rossii [Inner periphery – a new increasing zone of the Russian cultural landscape]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no 6.
- Kordonsky S.G. (2010) *Rossiia. Pomestnaya federatsiya* [Russia. Federation of Estates], Moscow: Izd-vo “Evropa”.

- Leizerovich E.E. (2004) *Ekonomicheskie mikrorayony Rossii (setka i tipologiya)* [Economic Micro-Districts of Russia (Grid and Typology)], Moscow: Trilobit.
- Milkov F.N. (1973) *Chelovek i landshafty: ocherki antropogennogo landshaftovedeniya* [Man and Landscapes: Essays on the Anthropogenic Landscape Science], Moscow: Mysl.
- Nefedova T.G. (2003) *Selskaya Rossiya na pereputie: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Rodoman B.B. (1987) *Ekspressny transport, rasselenie i okhrana prirody* [Express transport, resettlement and nature protection]. *Metody izucheniya rasseleniya*, Moscow: IGAN, pp. 44–54.
- Rodoman B.B. (1999) *Territorialnye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoy geografii* [Territorial Areas and Networks. Essays on Theoretical Geography], Smolensk: Oikumena.
- Rodoman B.B. (2002) *Polyarizovannaya biosfera* [Polarized Biosphere], Smolensk: Oikumena.
- Rodoman B.B. (2006) *Ekologicheskaya spetsializatsiya Rossii v globaliziruyushchemsya mire (Proekt nestandartnogo resheniya)* [Environmental specialization of Russia in the globalizing world (A draft of the non-standard solution)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no 2.
- Rodoman B.B. (2007) *Geografiya, rayonirovanie, kartoidy* [Geography, Zoning, Spatial Theoretical Maps], Smolensk: Oikumena.
- Rodoman B.B. (2011) *Traditsionny kulturny landshaft: osnovnye problemy tipologii, rayonirovaniya i voozrazheniya* [Traditional cultural landscape: Main challenges for typology, zoning and imagination]. *Mezhdunarodny zhurnal issledovaniy kultury*, no 4
- Rossiyskaya glubinka – modeli i metody izucheniya* [Russian Glubinka – Models and Methods of Study] (2012), Moscow: IG RAN.
- Solntsev N.A. et al (Eds.) (1962). *Morfologicheskaya struktura geograficheskogo landshaf-ta* [Morphological Structure of the Geographical Landscape], Moscow: Izd-vo MGU.
- Tarkhov S.A. (2005) *Evolutsionnaya morfologiya transportnykh setey* [Evolutionary Morphology of Transport Networks], Smolensk-Moscow: Universum.

Российский культурный ландшафт: теоретические и практические возможности концепции

Борис Борисович Родоман, доктор географических наук. E-mail: bbrodom@mail.ru

Аннотация. Автор полагает, что в науке точные окончательные определения (общепризнанные и универсальные) часто менее важны, чем понимание ключевых характеристик рассматриваемых феноменов. Поэтому для изучения культурного ландшафта автор предлагает сочетать разные понятия, меняя их содержание и концептуальные границы так, чтобы получить рабочее и временное определение культурного ландшафта. В статье этот термин представлен как безоценочный, преимущественно типологический, нетаксономический и «реальный», что позволяет считать его границы с понятием природного ландшафта подвижными, относительными и условными – решающее воздействие на оба ландшафта оказала человеческая деятельность. Автор обозначает факторы и тенденции в развитии культурного ландшафта и предлагает районирование как инструмент его изучения и сохранения. Характер российского культурного ландшафта обусловлен в первую очередь взаимодействием государства с природой – в силу очевидного недостатка самоорганизованных местных сообществ. Автор выделяет эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние) факторы (само)развития культурного ландшафта, которые могут как стимулировать, так и тормозить его. В качестве главных особенностей российского культурного ландшафта в статье представлены его исторически сложившийся ритм и способность к самовосстановлению, которые различаются по странам и регионам. Столетия военно-колониального деспотизма и беспрецедентной централизации верховной власти превратили российское

пространство в тоталитарный ландшафт с гипертрофированными радиальными и подавленными периферийными связями, что воплотилось в административно-территориальном делении страны и обусловило ее чрезмерную социально-экономическую, географическую, экологическую и территориальную поляризацию. Российский ландшафт имеет одну очень особенную черту – так называемую «внутреннюю периферию», или глубинку (относительную и повсеместную): это территории, расположенные ближе к центрам страны, чем к ее окраинам, но обладающие всеми негативными чертами окраин. Внутренняя периферия играет важную роль в сохранении и развитии природного ландшафта, выступая потенциальной опорой территориального экологического каркаса, но для обеспечения этой роли необходимо проводить комплексное культурно-историческое районирование страны.

Ключевые слова: ландшафт, культурный ландшафт, административно-территориальное деление, этатизация ландшафта, анизотропный ландшафт, экологический потенциал административных границ, социально-экономическая поляризация, глубинка, внутренняя периферия, районирование, культурно-исторические области.

B. Rodoman
Russian cultural
landscape:
Theoretical
and practical
implications of the
concept

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: Internal aspects (1953–1986)

S. Merl

Stephan Merl, Dsc (History), Professor, Bielefeld University. Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: stephan.merl@uni-bielefeld.de

Abstract. The author focuses on internal aspects to answer the question why the complex mechanization of agriculture under Khrushchev and Brezhnev failed. The author argues that the command economy did not solve the basic task of ensuring animal production by large farms, because the high-quality equipment to reduce labor input and costs was not provided. Behind the facade of impressive reforms – from the virgin-land program and liquidation of the machine-tractor stations (MTS) to Brezhnev's 1966 promise to speed up mechanization and the Non-Black-Earth program of 1974 – nothing really changed. The basic deficiencies named in 1955 still existed in 1969 and after the establishment of the *Gosagroprom* in 1986: nearly all Soviet machinery was not reliable and was badly done. Thus, the increase in the production of such machinery under Brezhnev was only a waste of resources. Less than 10% of Soviet machines met the world standards. Instead of increasing labor productivity, this machinery caused the farms (and the state) enormous losses. Due to the gaps in mechanization (primarily in transportation and collecting feed) the majority of the agricultural workforce (70% in 1982) was still engaged in manual work. In the late 1960s, the Ministry of Agriculture made alarming reports on the state of the USSR's agriculture to the CC and CM and demanded – again in vain – urgent action and investment to modernize the agricultural machinery industry in order to ensure the world-standard inputs by 1975. The article considers challenges of developing animal husbandry, consequences of such campaigns as the virgin-land program, conversion of collective farms into state farms and liquidation of the MTS, successes and failures of the mass production of highly efficient machinery, proposed alternatives of organizing agricultural work and payment, and the state of agriculture in 1955, 1969 and 1986.

Key words: agricultural modernization, complex mechanization, agricultural machinery industry, efficiency of agrarian production, agricultural labor productivity, socialist competition, Khrushchev, Brezhnev, Khudenko.

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-26-70

Introduction

The article provides archival evidence to the argument that the Soviet complex mechanization after 1953 was a failure (Merl, 2020a) focusing on its internal aspects rather than external factors (Merl, 2020b). To understand this failure, it is necessary to consider the key

challenges of agriculture after Stalin: the need to improve the quality of industrial inputs in agriculture and to develop animal production (underdeveloped and concentrated in private plots) at the large farms. Thus, the article questions the consequences of the political campaigns to 'reform' and 'modernize' agriculture started by Khrushchev and Brezhnev.

The article presents and discusses the data of the USSR Ministry of Agriculture on the state of the Soviet agriculture, often in comparison to Western countries, and on its shortcomings and malfunctions. Some of such reports were prepared on request 'from above'. Many documents contain proposals on what should urgently be done to overcome the known shortcomings and complains about the governing bodies not executing the CC and CM orders. The Ministry was not allowed to blame the economic system and decision making for the defects. The striking finding is that the basic deficiencies named by the Ministry in 1955 and in the late 1960s were the same the *Gosagroprom* mentioned in 1986. Thus, the governing bodies either did not care or could not overcome the known bottlenecks, which caused severe damages to farms and in the end to the state: unreliable, badly done and often defective machinery, lack of high-quality machinery for producing and collecting feed, lack of transport at the farms, lack of materials for constructing barns, stores and stables, excessive fuel consumption by the outdated tractors, excessive need for repair and spare parts, and the extreme turnover of drivers and other specialists for the mechanized agriculture.

The aim to develop animal production at large farms required to significantly increase and mechanize feed production and to provide a lot of agricultural machinery and equipment not produced in the USSR. The first part of the article considers the corresponding issues to understand whether the state provided the necessary support to farms with the required investment. The second part analyzes the meaning of the virgin-land program for agriculture in the short and long run: reduction of the available machinery in the previously main agricultural regions in the mid-1950s, and the start of the permanent redistribution of agricultural machinery, transport and drivers between regions during harvest campaigns. Considering the corn-campaign failure as the necessary new machinery was not provided, the third part focuses on the production of efficient machinery and reasons why its mass production never started or was delayed. The fourth part examines reasons for the failure of the planned relocation of the agricultural research, training and ministries from the 'asphalt' to the state farms in the countryside. The fifth part considers the consequences of the fact that the farms had only defective, not reliable working machines and lacked special machinery and transport. This part mentions harvest losses and fatal accidents, and asks why the industry was not to compensate the farms for the losses caused by the defective machinery. The sixth part considers the reasons for blaming farms for the deficiencies of mechaniza-

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture...

tion and for widening the ‘socialist competition’ awarding increasingly more agricultural workers with honorary titles and money prizes. The seventh part focuses on the alternatives of work organization and payment discussed in the 1960s to increase the efficiency of labor and machinery. The eighth part presents the alarming reports of the Ministry of Agriculture to the CC and the SM from 1969 to 1971, and the measures the Ministry required to improve the quality of industrial inputs in agriculture by 1975 up to the world standard. The concluding part presents the defects of the complex mechanization as stated by the *Gosagroprom* in 1986.

The mid 1950s: animal husbandry at large farms and the lack of state support

Mechanization under Stalin focused on crop production and the use of harvest. Agricultural machinery factories produced mainly tractors, combine harvesters and machinery for field work. The most labor-intensive parts of farming, especially animal husbandry, root cropping and vegetable production were widely provided not by collective or state farms but rather by private plots (Merl, 2020a). Therefore, in 1953, the introduction of animal husbandry at large farms had to start from nothing and became a great challenge: most farms lacked the necessary buildings – stables and feed storage barns, machinery to produce feed and transport to collect it from fields, technology for the labor-intensive animal production – milking implements, technology for feeding, dung collection and watering. Many farms still waited to be electrified, which is a precondition for the large-scale animal production.

Let us consider first the machinery that in the 1950s the Ministry of Agriculture demanded to produce for animal husbandry and whether farms had the investments the governing bodies expected. The desired result – reduction of labor input and costs of animal production – depended primarily on the complex mechanization which did not get the necessary state support. I will discuss reasons for the failure in transforming weak collective farms into state farms, the consequences of the state purchasing prices being lower animal production costs, and the development of the collective farms’ financial situation after the elimination of the MTS.

The CC Plenum in September 1953 stated that there were no machinery systems for complex mechanization. At the beginning of 1955, Matskevich complained to the CM that only 5,600 of the ordered 20,000 silage harvesters were delivered to the farms. Trucks needed to collect the silage – a precondition for harvesting mechanization – were not provided¹. In the summer of 1955, he reported to Khrushchev (and also Saburov and Bulganin) that many Soviet agri-

1. RGAE. F. 7486. D. 7757. L. 75-78.

cultural machines had construction or production defects. The MTS lacked nearly all types of machinery: for feed – including corn production, transportation, lifting implements, for working between the lines, and efficient corn harvesters².

Keeping the collective and state farms' livestock in winter was a permanent challenge due to the lack and low quality of fodder. Every winter animals died due to poor feeding. Many collective farms did not harvest enough fodder, often the straw was not collected from the fields³. On January 25, 1955, the board discussed the lack of machinery to produce hay and to mechanize the labor-intensive animal production⁴. Mechanization of watering for the cattle suffered from the lack of pipes⁵.

On May 6, 1955, Matskevich reported to Khrushchev and Bulganin that the collective farms in their (ordered from above) planning to increase livestock production often forgot about fodder. There were no cultivators or corn harvesters to develop corn production, while the manual harvesting reduced yields significantly. The new combine harvester constructed by Emelyanov would harvest 80% of corn which could be made silage instantly. Matskevich requested optimistically that the Rostov factory would start its production in June 1955. As the farms were in great need for transport during the corn harvest, the *Gosplan* should be instructed to provide in the summer of 1955 50,000 trucks to the MTS per month, and the building industry was to construct storages for silage⁶. None of these requests was executed. On October 21, 1955, Matskevich complained that the *Goskomkomissiya's* (GEK) plan for 1956 did not include the Ministry's requests. There were no grain, corn and silage combine harvesters. Providing only 16,000 corn harvesters would bring the level of the corn harvest mechanization only to 11%⁷. Instead of ordering to construct a special factory for feed-production machinery, the GEK instructed the aviation industry to produce silage harvesters⁸. On September 6, 1956, Volchenko reported that due to the lack of metal the industry reduced the production of deficit agricultural machines (such as corn silage harvesters)⁹.

The clearest consequences of the state's lack of support for introducing animal production at large farms were the severe problems the new state farms faced, when they were created from several small 'economically weak' collective farms. This conversion started in 1954

2. RGAE. F. 7486. D. 7709. L. 171-172.

3. RGAE. F. 7486. D. 6864. L. 53-56, 74-92; D. 7970. L. 203-216, 225-228; D. 8169. L. 20-21.

4. RGAE. F. 7486. D. 7377. L. 1-15.

5. RGAE. F. 7486. D. 8704. L. 110-111.

6. RGAE. F. 7486. D. 7708. L. 252-268.

7. RGAE. F. 7486. D. 7710. L. 100-110, 119-133.

8. RGAE. F. 7486. D. 8003. L. 68-75.

9. RGAE. F. 7486. D. 8003. L. 292-332.

and was based on the ideological expectation that state farms as the 'higher form of property' would radically change the economic production. However, on February 7, 1958, Volchenko reported to the *Gosplan* about the alarming results: while the average milk yield per cow at collective farms grew from 1956 to 1957 by 15% (1858 liters), it fell at state farms (from 2413 to 2358 liters) due to the conversion. The state farms failed to implement their plan of harvesting and delivering agricultural products to the state – they produced only 58% of the required hay and silage, and taking a lot of livestock and poultry from collective farms became a great challenge for the new state farms. The losses of livestock during winter due to poor feeding and costs of animal husbandry increased¹⁰.

In the late 1960s, most state farms made of weak collective farms were in a desperate situation. They urgently needed investments in the construction of such buildings as stables and barns, but the *Gosplan* refused to provide the necessary means. On August 12, 1968, Matskevich and Ezhevsky informed the CC that the planned reduction of the budget for construction would primarily affect the 5,600 state farms poorly equipped with the means of production. Most of them lacked housing and farm buildings. Their economic results did not provide the necessary investment¹¹. On September 6, 1968, the board reviewed the situation of these state farms again. To help them work efficiently, it demanded to provide them with energetic, mineral-fertilizer and material-technical implements in priority order. The *Gosplan* should be instructed to provide additional investments¹².

Chekmenev, the deputy Minister of Agriculture, informed the price commission of the CM Presidium that after the conversion of small collective farms into state farms the share of state farms working with losses increased in 1959. The state prices for meat, milk and wool did not cover production costs for the production was extremely labor-intensive and hardly mechanized. The yields were still low. The state farms' losses from the sales of meat and milk to the state increased from about 1 billion rubles in 1954 to more than 4 billion rubles in 1959¹³. An important reason for such losses was that state farms kept livestock as collective farms. Thus, they strongly suffered from the state-set purchase prices for animal products, which caused losses as the prices did not cover production costs. The slightly higher prices paid to collective farms did not cover their production costs either. On November 29, 1960, Matskevich demanded from the CM to increase the producer prices for animal products¹⁴. As animal production was extremely labor intensive, the only way to cut costs was

10. RGAE. F. 7486. D. 8314. L. 125-168.

11. RGAE. F. 7486. D. 9127. L. 107-115.

12. RGAE. F. 7486. D. 9116. L. 300-306.

13. RGAE. F. 7486. D. 8539. L. 181a-209.

14. RGAE. F. 7486. D. 8540. L. 123-150.

to use efficient machinery for collecting fodder and mechanizing animal production. Some of the needed machines were not produced by the Soviet industry.

Moreover, financially collective farms suffered from arbitrary actions of the local authorities. They wanted 'illegal' deductions from the collective farms' money, as was the situation under Stalin, to finance local needs without the vote of the collective farm members' general assembly. This caused delays and debts in work payments of the collective farm members. On April 17, 1967, Matskevich informed the CC that collective farms had to pay the postmen, the construction of the *rayon* hospitals, sanatoriums, schools and local clubs, in the Odessa Region – an inter-farm cement factory, and in the Khereson Region – a medical institute¹⁵. On August 8, 1969, the CC forbade such 'illegal deductions' from the collective and state farms' funds. On January 18, 1971, Matskevich reported (on the request) to the CC on fulfilling this order, but in some cases such 'deductions' continued. The *Gosbank* did not control the use of the collective farms' finances, which opened the way for illegal deductions¹⁶.

The financial mess with the collective farms under Khrushchev was aggravated by the state's strange fear that 'collective farms would become rich'. Collective farms under Khrushchev were to ensure all their investments by 'profits' from the sales of their production to the state. While the state purchase prices for crop production were quite sufficient after 1953, prices for animal products did not cover the production costs.

When expecting a good harvest in 1958, the governing bodies worried that collective farms would get too high profits due to the 1953-1955 increased producer prices. On August 25-26, 1958, the Ministry's board discussed the lowering of the purchase prices and ordered the republic ministries of agriculture to lower prices for grain, sun flowers, sugar beets and corn in the expected regional harvest, taking into account (sic!) the developing mechanization, improved farm machinery and increased labor productivity¹⁷.

When expecting a good harvest in 1960, the governing bodies again forcibly lowered the agricultural purchase prices. Some regions reacted reluctantly, but nobody dared to oppose Khrushchev openly. On May 21, 1960, Tasenev (the Kazakh CM) informed the USSR CM that although the money income of collective farms in 1959 exceeded that of the previous year, the payment to the farms' members decreased on the average by 17%. The indebtedness of collective farms was also determined by the purchase of the MTS machinery: they owed 0.8 billion rubles to their members for work¹⁸. Only Ukraine protested

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture...

15. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 55-59.

16. RGAE. F. 7486. D. 9274. L. 10-12; D. 9356. L. 18-27.

17. RGAE. F. 7486. D. 8297. L. 107-116.

18. RGAE. F. 7486. D. 8539. L. 131-131a.

and demanded to increase the state prices for grain by 10%: collective farms showed an increase in their indebtedness – only to their members they owed for work 6.8 billion rubles¹⁹.

The governing bodies were much more concerned about the artificial losses of dairy plants due to the state fixed prices than about the losses of collective and state dairy farms²⁰. In 1958, the enforced purchase of the partly defective MTS machinery at the prices of the new one dramatically worsened the financial situation of collective farms and their ability to pay their members for work and to purchase new equipment to raise the work efficiency. The Khrushchev's order demanded to provide money for the MTS machinery as soon as possible, which reflected his need to raise money for his space program and his belief that collective farms got 'high' incomes from selling the 1958 harvest²¹.

On September 23, 1960, Chekmenev (the *Gosplan*) informed the CC Presidium Commission for prices that the liquidation of the MTS under the pressure to purchase their agricultural machinery, changes in the procurement system, and the new state purchase prices for agricultural products significantly worsened the collective farms' economic and financial situation. The producer prices for crop production in 1959 on the average covered 159% of the collective farms' costs, but the prices for animal products – only 80% (beef – 65%, pork – 70%, poultry – 66%, milk – 84%). Regional differences were drastic: the average prices for animal products in Ukraine covered 70% of the production costs, in Middle Asia and Estonia – from 125% to 141%. Costs of many collective farms were very high due to poor mechanization. Therefore, even production of potatoes and vegetables brought many collective farms losses. The permanent pressure on collective farms to sell more animal products to the state was increasing their losses. Due to poor mechanization, the labor inputs required for animal production was higher than at state farms. Collective farms were forced to sell animal products below their costs; thus, they lacked money to buy machinery to increase their production efficiency. The dramatic financial situation of collective farms, which deprived them of necessary investments, becomes evident from the state standard that 45% profitability was needed for accumulation of the state prescribed funds²². Thus, the state paid for the collective farms' animal products hardly half of the price necessary for reproduction!

Chekmenev provided detailed information on the collective farms' financial situation in the late 1950s. In 1959, their incomes increased only by 5.4%, while expenditures for capital investment jumped from 23.9 billion rubles in 1958 to 48.5 billion rubles in 1959 due to the en-

19. RGAE. F. 7486. D. 8539. L. 262-266, 270.

20. RGAE. F. 7486. D. 8185. L. 50-62.

21. RGAE. F. 7486. D. 8297. L. 107-116.

22. RGAE. F. 7486. D. 8540. L. 1-32.

forced purchase of the MTS machinery. These used machines became an additional burden for collective farms which had to cover the extremely high costs for maintaining this equipment. Many collective farms were forced to take long-term state credits, and in the early 1960, more than 10 billion rubles of credits were already overspent. The credit indebtedness of collective farms increased from 32.4 to 50.5 billion rubles in 1959. The average payment per a labor-day decreased in 1959. Under the uniform purchase prices for agricultural products introduced in 1958, the state paid on the average 10% to 15% less to farms, which determined their losses of 4 billion rubles in 1958 and of 9.1 billion rubles in 1959. In 1959, the award of 15% to 25% for selling milk to the state was eliminated. Farms had to spend more money on industrial inputs: tractors, trucks, cars and agricultural machinery's spare parts. Thus, the state increased its income by 4.1 billion rubles in 1959, and with the higher income tax got another 2 billion rubles from collective farms²³. The state's savings and additional incomes meant losses for collective farms – 4.2 billion rubles in 1958, 9.6 billion in 1959 and 10.5 billion in 1960. The total losses of collective farms in three years were 24.3 billion rubles – due to the increase in prices on spare parts – 4.1 billion rubles in 1959 and 1960, increase in the income tax – 2 billion rubles in 1959 and 1960, and the reduced producer prices – 4.2 billion rubles in 1958, 3.5 billion in 1959, and 4.4 billion in 1960²⁴.

Collective farms' profitability varied by republic. Farms specializing in sun flowers, cotton, flax and, in some regions, grain were highly profitable, while animal husbandry and some other crops were unprofitable. On the average, collective farms reached profitability of only 9% (instead of 45% set as a standard), which meant that the average collective farm in the early 1960s could not accumulate resources. Chekmenev asked the CM to instruct the *Gosplan* and the Ministry of Finances to pay special attention to the significant differences in profitability of plant and animal production. Collective farms urgently needed incentives to produce more animal products. Due to the desperate financial situation of many collective farms, the Ministry of Agriculture demanded to reduce the input prices for tractors, cars/trucks and agricultural machines' spare parts, because the set prices endangered the necessary repair work and prevented the farms' accumulation. Collective farms' incomes from animal products were to be exempt from the income tax²⁵.

In their report to Khrushchev from December 24, 1960, 'On urgent measures to increase the USSR agricultural production', Matskevich and others hinted at the desperate financial situation of collective farms. They demanded to increase the state purchase prices

23. RGAE. F. 7486. D. 8540. L. 1-32.

24. RGAE. F. 7486. D. 8541. L. 214-307.

25. RGAE. F. 7486. D. 8540. L. 1-32.

for agricultural products and to reduce the prices of industrial inputs for farms. Collective farms were to be reimbursed for transport costs to deliver their products to the distant state procurement points. Matskevich and others required to increase the state capital investments in agriculture significantly compared to the draft plan, and a third of investments was to be used for constructions²⁶. In 1962, the Economic Commission of the Nationalities Council demanded to strengthen collective and state farms by lowering the prices for tractors, machinery and spare parts, and by reducing the income tax for collective farms selling animal products to the state²⁷.

In 1968, the ‘price scissors’ – artificially low prices for animal products and comparably high prices for industrial inputs – attracted attention again. On July 4, 1969, Matskevich informed the CC that since 1962 the costs of animal products had increased significantly instead of falling (due to the failure of mechanization). The average profitability of animal production reached only 6% at collective and 4% at state farms. Therefore, the Ministry proposed to reorient the system for stimulating crop production to animal products and to introduce 25% surcharges for sales above the plan. The surcharge for milk and regionally for meat was to be increased²⁸.

Thus, what the state demanded for developing the large-scale animal husbandry was a vicious circle. To reduce production costs, farms had to invest in the highly productive technology; however, farms lacked the means to afford investment due to the state prices on animal products; and even if farms would have earned the necessary money, they would not have bought the necessary effective equipment for the Soviet industry did not start to produce such. The *Gosplan* provided neither the necessary investment to construct new agricultural machinery factories for the large-scale animal husbandry nor the necessary building materials for farms. The governing bodies did not admit that to ensure animal production at large farms, they needed state support. The distrust to peasants and collective farms spread under Stalin persisted: the governing bodies feared that collective farms would become ‘rich’ and were more concerned with hindering ‘individual profits’ than with raising the farms efficiency.

Virgin-land campaign: the start of the permanent emergency mobilization

The transfer of machinery and drivers from the central regions to the virgin lands was first declared to be a temporary emergency measure. However, it became the most stable element of the USSR ‘social-

26. RGAE. F. 7486. D. 8541. L. 214-307.

27. RGAE. F. 7486. D. 8704. L. 20-34.

28. RGAE. F. 7486. D. 9209. L. 130-187.

ist' agrarian policy after Stalin: machinery, especially combines, were moved to the east (sometimes to the south) within the annual 'harvest help' campaigns. Trucks were moved between regions and ministries, and under Brezhnev in most regions – from cities to the countryside. Drivers (including soldiers) were moved between regions. Each September/October, students, mechanics and drivers from other economic branches were sent for 'harvest help' in their region.

On December 28, 1953, the Ministry's board criticized Fedoseev for he delayed the sending of tractors from the 1953 fund to the virgin lands. He was made personally responsible for that all produced caterpillar tractors had been sent to Kazakhstan and Siberia since January 1, 1954. All other available material-technical supply had to be distributed in such a way that the virgin lands' needs were 'fully' satisfied²⁹. Thus, the start of the virgin land campaign meant that other agricultural regions, especially the main black-earth areas, were deprived of new agricultural technology, although there was a shortage of tractors, combines and other machinery, and many machines were broken or outdated. In many regions, the number of tractors ready for work declined³⁰.

Ukraine particularly suffered from the primary delivery of new machinery to the virgin lands. On November 10, 1955, the Ukrainian CM informed the USSR CM that the required increase of sown area for industrial crops could not be achieved: MTSs and state farms lacked the necessary machinery. In 1954 and 1955, they got only 1,229 new tractors, while 1,440 existing tractors were broken. Many MTS did not have enough tractors to harvest the grain. No other agricultural work could be done during the harvest. The situation with combine harvesters in 1955 was catastrophic, but Ukraine still had to send combines as 'harvest help' to the virgin lands. With the existing combines the 1955 harvest could not be collected in time. Many existing combines were produced from 1932 to 1935 and were totally outdated. The GEK did not take into account that each year about a half of the grain was harvested from the ground. In 1956, to harvest the grain as was ordered – in 10 days, 50,000 additional combines and trucks were needed³¹.

On November 29, 1955, Kuchumov, the deputy Minister of Agriculture, informed Saburov (the deputy CM) that in Ukraine and the North Caucasus the MTS suffered from a lack of combine harvesters. In 1956, the existing combines could harvest only 35% of the grain. The industry fell far behind the plan for producing combines. Therefore, Kuchumov asked the CM to provide Ukraine and the North Caucasus with 10,000 combines from the Ministry's fund for state farms. Benediktov agreed to waive of the allocation of combines in the first

29. RGAE. F. 7486. D. 6864. L. 225-227.

30. RGAE. F. 7486. D. 7710. L. 217-292; D. 7707. L. 298-229.

31. RGAE. F. 7486. D. 8001. L. 10-21.

half of 1956³². On May 5, 1956, the Uzbek CM informed Matskevich of the lack of combine harvesters. The MTS could ensure harvesting of only 600,000 hectares, while the other 230,000 hectares of collective farms would be harvested by hand. In 1955, the harvesting of 285,000 hectares by hand delayed the harvest until November and caused huge losses³³.

The Ukrainian situation with combine harvesters was still extremely tense in 1959. Kalchenko (the chairman of the Ukraine CM) addressed the USSR CM to inform that there were only 40,000 pull-type combine harvesters for the grain harvest, and they could be used only with DT-54 tractors. Collective and state farms asked for 12,600 tractors, but the *Gosplan* provided only 4,000, i.e., in South Ukraine, about 5,000 combine harvesters would not have traction power. In July 1958, Ukraine had to send 2,500 pull-type combine harvesters to Kazakhstan; however, instead of providing the requested 5,370 grain combine harvesters, the *Gosplan* provided only 390. For the 1959 harvest, there was an urgent need for 2,500 pull-type combine harvesters; for collecting silage – of 168,000 3-ton trucks but only 82,000 existed. In total, in 1959, agriculture needed at least 666,000 trucks – 497,000 of the *Gigant* type, while the *Gosplan* provided only 40% of the needed number³⁴.

The regional 'lending' of machinery and drivers started in the mid-1950s. On August 6, 1956, Matskevich ordered (as the deputy chairman of the USSR CM) that right after harvesting in the south, all harvest machinery was to be transferred to Kazakhstan and Siberia, including swaths reapers and pick-up balers. Qualified accountants were to be sent to the virgin lands too³⁵. 28,000 combine harvesters were transferred from the south to the virgin lands. 325,000 trucks (211,000 in the RSFSR, 77,300 in Kazakhstan, 24,600 in Ukraine) were sent to harvest from other branches of the economy³⁶. On March 8, 1957, Gureev, the deputy chairman of the Ukraine CM, protested against the order to send 8,400 drivers trained at the Ukrainian agricultural schools to Kazakhstan. Even if all these drivers would have stayed in Ukraine, their number would still fell far behind the needed³⁷.

It became a permanent problem to get the transport and machinery lent to other regions back, and an even greater problem was to get them back in a working condition. On January 4, 1956, Benediktov, the Minister of State Farms, complained to the CM, that the Ministry of Agriculture did not return 2,269 of 9,000 combine harvesters

32. RGAE. F. 7486. D. 7710. L. 173-182.

33. RGAE. F. 7486. D. 8002. L. 237-240.

34. RGAE. F. 7486. D. 8435. L. 277-310.

35. RGAE. F. 7486. D. 8003. L. 155-189.

36. RGAE. F. 7486. D. 8226. L. 103-111.

37. RGAE. F. 7486. D. 8185. L. 44-46.

provided by his Ministry to the southern agricultural regions on the order of the CC and CM from December 25, 1954³⁸.

To ensure the 1958 spring sowing, the Kazakh CC and CM requested 50,000 tractor drivers from other republics. The RSFSR and Ukraine again protested in vain against the CM's order to send drivers to Kazakhstan³⁹. It became quite usual to request additional machinery and drivers from other regions to harvest. Thus, in December 1959, Kunaev, the chairman of the Kazakh CM, asked Kosygin for additional combine harvesters and tractors together with additional drivers to speed up the 1960 grain harvest⁴⁰.

The need to move tractors, combine harvesters and drivers to the virgin lands did not disappear under Brezhnev. Agricultural regions never had enough agricultural machinery in working condition. On May 14, 1966, the Ministry's board decided to establish an operative team responsible for transferring trucks and combine harvesters during the harvest to the places where they were needed the most⁴¹. For instance, on June 2, 1966, the Belgorod western region asked Polyan-
sky for 'harvest help'. On June 8, 1966, Matskevich ordered the Kazakh and RSFSR ministers of agriculture to send combine harvesters to Belgorod⁴².

On June 14, 1966, Matskevich and Ezhevsky presented on the request the draft decree 'Measures to secure the harvest and procurement of agricultural products in 1966' to the CC. Due to that year weather conditions, the time for harvesting was extremely short. However, the repair of tractors and machines was delayed as there were no needed spare parts. Grain combine harvesters should be delivered earlier than planned to the RSFSR and Ukraine. The Ministry of Defense was to provide 60,000 and the Ministry of Construction 20,000 trucks; 151,700 tires should be provided additionally⁴³. On July 8, 1966, Matskevich and Ezhevsky proposed to the CC and CM a plan to provide agriculture with the necessary transport. In the east, they expected a good but late harvest, so the army was to send trucks to Kazakhstan, Ukraine and the south. Spare parts (tires) and fuel were to be supplied separately⁴⁴. On July 9, 1966, the RSFSR CM informed the USSR CM that 50,000 army trucks with drivers and officers were additionally needed in the Urals, Western and Eastern Siberia⁴⁵.

On September 19, 1968, Matskevich informed the CC that due to the problems with the 1968 harvest 32,500 trucks of the Ministry

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture...

38. RGAE. F. 7486. D. 8001. L. 3-4.

39. RGAE. F. 7486. D. 8188. L. 167-169; D. 8314. L. 9-13.

40. RGAE. F. 7486. D. 8438. L. 190-194.

41. RGAE. F. 7486. D. 8947. L. 136-139.

42. RGAE. F. 7486. D. 9023. L. 1-3.

43. RGAE. F. 7486. D. 9023. L. 11-18.

44. RGAE. F. 7486. D. 9023. L. 33-41.

45. RGAE. F. 7486. D. 9023. L. 109-118.

of Defense were sent from Kazakhstan to other regions, especially Ukraine⁴⁶. On October 8, 1969, the CC and CM ordered to send 17,500 trucks from other branches of the economy to Ukraine. Even the local machinery taken into account, Ukraine still lacked the necessary 54,000-64,000 trucks⁴⁷.

In the draft decree to the CM 'On securing harvesting and procurement in 1970' from April 24, 1970, Matskevich, Ezhevsky and others again demanded to provide the machinery ahead of time, to provide additional funds and transportation for agricultural products, and to give credits to farms to pay for fuel and repair. If necessary, self-propelled combine harvesters would be sent from the south to the east⁴⁸.

On October 6, 1971, Matskevich informed the CC that the situation with trucks at collective and state farms was getting worse, because each year from 25% to 30% trucks were taken by the army to transport the harvest. The army returned these trucks without repair, and 22,000 of 30,000 trucks in 1970 were not returned. The loss of these new trucks became a special problem for farms – they were replaced by old trucks, which caused additional harvest losses. Matskevich asked the CC to order the Ministry of Defense to return the farms' trucks or to provide the same number of the army new trucks⁴⁹. As the situation was not resolved, on October 18, 1971, Matskevich addressed Brezhnev personally: the trucks not returned by the army caused extreme problems with transporting the harvested sugar beets – about 12.5 million tons of sugar beets could spoil on the fields. The CC and CM ordered to take 9,000 new trucks sent by the Kazakh army to Ukraine to harvest sugar beets until December 1. However, Grechko, the Minister of Defense, ordered to replace all 30,000 new trucks by the old ones. More than a half of these old trucks had technical defects and could not be used. Matskevich asked Brezhnev to instruct Grechko to send all army trucks to agriculture until December 1⁵⁰. On June 29, 1971, Matskevich, Ezhevsky and Florentiev, the RSFSR Minister of Agriculture, sent the CC on the request a draft decree regulating the increased supply of grain combine harvesters, trucks and drivers to the Urals, Siberia and the Kazakh virgin land – additional 4,000 combine harvesters were to be sent from the south to the Urals and Siberia. To overcome the lack of tractor and combine drivers at the Kazakh virgin land, 30,000 (instead of 5,000 set by the *Gosplan*) drivers were to be sent to Kazakhstan from other regions⁵¹.

46. RGAE. F. 7486. D. 9127. L. 158-161.

47. RGAE. F. 7486. D. 9253. L. 352-369.

48. RGAE. F. 7486. D. 9332. L. 233-283.

49. RGAE. F. 7486. D. 9357. L. 142-143.

50. RGAE. F. 7486. D. 9357. L. 161-165.

51. RGAE. F. 7486. D. 9357. L. 60-75.

While in the short political run it strengthened the Khrushchev's rule, the virgin land campaign became a nail in the coffin of the Soviet agriculture: this campaign started the permanent redistribution of scarce machinery, drivers and workforce between regions during the harvest – it was economically harmful for the central production areas which urgently needed the agricultural machinery that was sent to the virgin land. Thus, the virgin land campaign significantly reduced harvests in Ukraine in the mid-1950s. In the long run, such emergency measures as the redistribution of scarce machinery (combines and trucks), drivers and mechanics during the harvest became a permanent means of the state interference in the farms' economy and a factor of uncertainty (with the available resources) for the farms' leaders. *Obezlicka* spread as nobody really felt responsible for the machinery, and costs were never calculated.

Improved technology and the failure to start its mass production

The machinery produced until 1953 was outdated in the international perspective. Many agricultural machines were defective and poorly done. Most equipment needed for animal production and harvesting special crops was not produced in the USSR. There was a great need for the new, more effective and high-quality machinery, and in its mass production.

The Benediktov's draft decree (on the request of the CM) from December 28, 1954, 'On the production of new tractors, agricultural machines and implements in 1955', demanded the production of 53 new types of such. Instead of assessing the need for the requested machinery, the *Gosplan* criticized the draft in its comment to Malyshev (the deputy chairman of the CM) for contradicting the CM's decree from June 11, 1948, because the draft was developed without consultations with the production ministries and with the technical council on mechanization and electrification. The ministries did not agree with the draft. The *Gosplan* asked the CM to order the Ministry of Agriculture to make a new draft based on the agreement with the industry⁵². Thus, not the needs of agriculture guided the Soviet industry, but what the industry wanted or proposed to supply and what the *Gosplan* was ready to finance. Nobody really cared about the needs of agriculture and complaints about the poor quality and defects of the machinery.

The testing of new and improved tractors and agricultural machinery began before 1955. On January 6, 1955, Benediktov, the Minister of Agriculture, together with Akonov, the Minister of Car, Tractor and Agricultural Machinery Construction reported on the request to the CM that in October 1954 the sample copies of the potato harvester

52. RGAE. F. 7486. D. 7757. L. 70-72.

constructed by the All-Union Research Institute of Agricultural Machinery were tested. Many construction defects were found: the machine collected only 73% to 87% of potatoes and often broke down⁵³. The second testing of the flax harvester LK-7M was not successful: the required improvements were not made, and the machine was poorly produced⁵⁴. On January 8, 1955, Benediktov reported that the testing of the hay baler revealed severe construction defects which led to the loss of 10% to 15% of hay⁵⁵.

On November 28-29, 1956, the Ministry's board discussed with the Ministry of State Farms' board the testing of Soviet and imported machines in order to introduce a new agricultural technology. The 20th Party Congress demanded to increase the production of tractors by 1960 by 2.7 times. The boards criticized the slow progress of their production: from 416 new machines presented in 1956 only 29 passed the testing successfully and could be put into mass production. Often it took 10 and more years to design new machines, but when mass production started, the construction offices no longer cared about making further improvements. The boards required the production of the modernized tractors. The DT-24 still had serious defects and needed essential construction changes. The boards demanded to launch in 1957 the production of tractors with electric ignition. They made a list of the machinery needed the most: effective combine harvesters, harvesting machinery for corn, sugar beets, potatoes, cotton and hay⁵⁶.

When planning the needed number of agricultural machinery in the mid-1950, the boards faced the question whether the USSR should focus on the Western standards. On July 17, 1956, Chekmenev (the *Gosplan*) addressed Volchenko (the deputy Minister of Agriculture) on the issue of the Soviet agricultural technological standards. The 20th Party Congress demanded to produce a great number of tractors, combine harvesters and agricultural machinery: in 1960, in the MTS one (15hp) tractor was to work on 85 hectares, at state farms – on 68 hectares. Concerning combine harvesters, the recommendations of the British ministry were used. As the USSR fields were larger, foreign standards were not accepted for calculating the need for agricultural machinery for the Five-Year-Plan⁵⁷.

On October 20, 1956, Volchenko informed the CM Presidium that the GEK's 'draft plan for 1957' did not follow the production goals set by the September CC Plenum in 1953 and did not meet the agriculture's urgent demands. Thus, the production of only 44% of the requested tractors would not speed up field works as was planned. De-

53. RGAE. F. 7486. D. 7757. L. 12-13.

54. RGAE. F. 7486. D. 7757. L. 36-41.

55. RGAE. F. 7486. D. 7757. L. 18-20.

56. RGAE. F. 7486. D. 7970. L. 263-302.

57. RGAE. F. 7486. D. 8003. L. 14-17.

spite the set standard of 60 to 80 hectares, the work load per tractor in Ukraine was 125 hectares. The production of the urgently needed tractors with high engine power was reduced from the requested 20,500 to only 450. The production of other agricultural machinery was also drastically reduced. Moreover, the orders of the CC Plenum on providing the MTSs with repair stations were not executed⁵⁸.

A serious step to develop new machinery was made in 1957, before the Khrushchev's 'decentralization' and the decision to liquidate the MTS hindered further actions. On October 8, 1957, when discussing the 1958 plan and budget, Volchenko (the deputy Ministry of Agriculture) named the following urgent tasks for the farm mechanization: production of agricultural machinery, construction of buildings and repair stations, and training drivers. 85 machines to be designed and manufactured in 1958 were listed, including a small manual caterpillar tractor for horticulture and wine growing with 16-20 hp, and a new tractor with 30 hp. The wheeled tractor MZZ-7 was to be developed on the basis of the Belorus model. A tractor with a uniform hydraulic system was to replace the DT-54, and a two self-propelled chassis with 45 and 70 hp motors was to be constructed for harvesting machinery and other agricultural machines (mass production was to start in 1960). The list also included machinery for soil cultivation and spreading fertilizers, a pull-type grain combine harvester (mass production of the self-propelled grain combine harvester Type SK-3 with 70hp was to start in 1960), harvesting machinery for corn and oil seeds, industrial crops, potatoes and vegetables, machinery for horticulture, wine growing, tee, timber and subtropical crops, machinery for pest control and fodder harvesting, a new hay baler and a silage harvester for the mechanization of animal production (mass production was to start in 1959, of the silage harvester with 70 hp – in 1960)⁵⁹.

Hardly any of the machines requested by Volchenko were provided or put into mass production in the following decade. However, attempts to achieve the set goals started in 1957. On May 27, 1957, at the consultations with the *Gostekhnik* the requested improvements were discussed: experiments with new wheeled tractors with better off-road performance, self-propelled harvesters, and so on. The limited availability of tires was mentioned, but the Yaroslavl Tire Company promised to produce tractor tires⁶⁰. The stronger control of the set deadlines was required: the industry provided samples for testing with delays: from 88 tractors scheduled to be tested in 1957 only 6 were provided in time, and 32 never provided⁶¹.

On January 19, 1959, Kuchumov, the deputy Minister of Agriculture, informed Ezhevsky (the *Gosplan*) about the agriculture's need

58. RGAE. F. 7486. D. 8003. L. 228-249.

59. RGAE. F. 7486. D. 8188. L. 13-18.

60. RGAE. F. 7486. D. 8221. L. 11-16.

61. RGAE. F. 7486. D. 8221. L. 101-108.

for 2.1325 million tractors (73% – wheeled tractors) in the 7-Year-Plan (1959-1965). The *Gosplan* provided significantly less – only 1.2506 million tractors. Kuchumov accepted the reduced number provided that those tractors would ensure a decisive increase in the agriculture's efficiency. Therefore, he asked to change the types of the provided tractors: a share of them was to have 4 driving wheels. The types proposed by the *Gosplan* did not satisfy the needs of the grain, cotton and sugar-beet regions. The number of small tractors (DT 20, 28, 30) was to be significantly reduced – by 237,000, and instead the DT 40 – 40,000 – was to be provided, the DT 54 and DT 70 – a total of 432,700 (90,000 more), and 426,300 of the *Belarus* (68,500 additional) were to be produced⁶².

On October 23, 1961, Olshansky, the Minister of Agriculture, complained that the *Gosplan*'s draft plan for 1962 increased the supply of agricultural machines as compared to 1961, but would not ensure the set scale of mechanization of sowing and harvesting grain crops and straw. Without the mechanization of these works, the autumn plowing would be also delayed. Straw harvesting was mechanized only to 29%; the harvesting of corn, cotton, sugar beet and potatoes still lacked combine harvesters, which also hindered the introduction of progressive production methods. The draft did not ensure the mechanization of labor-intensive works in animal husbandry⁶³.

In September 1968, Samarin, the chairman of VSNTSO, sent a list of models ready for mass production to the CM. He criticized the still not regulated cessation of the outdated machinery production and the start of mass production of new models. The mass production of 55 new machines still did not start, while 17 other new machines were ready to replace the outdated ones. From 545 produced agricultural machines at least 140 had serious defects. Often the repair was complicated: sometimes it took up to 7 hours only to prepare the repair. Construction defects caused fatal accidents. He demanded the standardization of agricultural machines⁶⁴.

On January 19, 1968, Matskevich und Ezhevsky commented on the *Gosplan*'s proposal to speed up the supply of agricultural machinery and spare parts. The main controversy was with investments in animal husbandry which lacked milking equipment, transportation for dung, distribution of fodder, battery cages for poultry. The *Gosplan*'s proposed cut of investment in the FYP until 1975 would mean the impossibility of the planned reduction of labor input in animal husbandry. At that time, the labor input per a kilo weight increase in cattle fattening was more than 10 times higher than in the US. The *Gosplan*'s plan of plant mechanization did not correspond to the agriculture's minimal needs: it would allow to mechanize only 28% of

62. RGAE. F. 7486. D. 8434. L. 16-22.

63. RGAE. F. 7486. D. 8626. L. 193-204.

64. RGAE. F. 7486. D. 9242. L. 177-198.

production. Matskevich und Ezhevsky made a list of new machinery factories to be constructed to provide the high-quality equipment needed to reduce the labor input (such as wide harvesting machines which the *Gosplan* did not even intend to design).

On March 22, 1968, Matskevich and Ezhevsky with the CM protested against the *Gosplan's* draft decree 'On measures to improve the technical level of tractors and agricultural machinery' for it did not execute the CM's order to reduce the labor input by the use of the highly efficient machinery. Instead of starting the mass production of the new, successfully tested agricultural machines, the *Gosplan* insisted on producing the outdated machinery, while there were highly productive tested machines (for instance, in 1965, the potato combine harvester). Moreover, the *Gosplan* stopped the production of 150 standard agricultural machines without replacements⁶⁵.

On March 3, 1969, the Ministry of Car, Tractor and Agricultural Machinery Production reported problems with speeding up the tractor production: in 1968, up to 20% less tractors were produced due to the problems with getting motors from the motor factories and to the lack of workforce. Efforts were made to improve the quality and reliability of tractors and to improve their cabin, but the factories suffered from the insufficient supply and poor quality of inputs⁶⁶.

More than a decade after the first request, in the late 1960s, new, more efficient combine harvesters (*Niva* and *Kolos*) were presented, and their mass production was to start in the FYP 1971-1975. Already on December 13, 1968, Matskevich with Lebedev (the *Gosplan*) protested against the reduction of the number of these combines to be produced by 1975⁶⁷, but later there was a further reduction. The production of the combines *Niva* and *Kolos* was to start at the Taganrog factory in 1971 – 83,000 *Nivas* and 7,000 *Koloses* were to be produced by 1973. In many respects, they were closer to the Western standards, however, of those of the 1950s⁶⁸. On March 19, 1970, Matskevich informed the CM that even the best Soviet grain combines fell far behind foreign models (including the GDR E-512): their energy supply, productivity and output capacity were too low, the amount of metal used for production – too high, and the operating comfort for drivers – minimal. Even *Niva* and *Kolos* did not meet the world standards as they did not cope with higher yields per hectare. They needed too much time for technical maintenance, lacked speedometers, means to assess the energy load and grain losses when threshing, and their energy supply was too low: instead 120 hp for *Niva* and 17chp for *Kolos* would be necessary⁶⁹.

65. RGAE. F. 7486. D. 9165. L. 142-143.

66. RGAE. F. 7486. D. 9241. L. 96-113.

67. RGAE. F. 7486. D. 9167. L. 233-255.

68. RGAE. F. 7486. D. 9314. L. 76-85.

69. RGAE. F. 7486. D. 9281. L. 55-66; D. 9314. L. 76-85.

In the discussions on the quality of agricultural machinery, the question was whether caterpillar or wheeled tractors were preferable for the Soviet agriculture. Wheeled tractors were considered universal – for cutting hay, cultivating root crops, and especially transportation; they were less expensive for the farms as they needed repair less often and the prices for their spare parts were lower. Due to the high repair need, working with the Soviet tractor was more expensive than buying it, while in the West repair costs constituted only 20% of the purchase price in 7 years of work. For the Soviet agriculture wheeled tractors were also preferable, but the *Gosplan* and tractor industry chose caterpillar tractors. Unlike western countries, the purchase price for wheeled tractors were twice higher than for caterpillar tractors, although in the West they were 1.5 times less expensive. This difference was not economically determined, but was partly explained by the price for tires: in the USSR, tires made 20% to 28% of the tractor's price, while in the West – only 2% to 7%. In the USSR, until 1955, in general wheeled tractors were not used for transportation due to their speed of just 5-9 km per hour (in 1970, – 9-15). Caterpillar tractors contributed to the high turnover of drivers: as they could not be used for transportation, drivers were often employed only for the field season⁷⁰.

The designing of new and highly productive machinery slowly developed from 1955 to 1958, but was stopped by the Khrushchev's administrative reorganization which transferred the agricultural machinery production to local *SovNarKoms* and liquidated the MTS, thus, reducing the farms abilities to invest. In the 1960s, the designing of highly efficient machinery continued, but the governing bodies showed little interest in providing the necessary investment for its mass production.

The failure of Khrushchev's 'relocation from the asphalt to the countryside'

In 1961, Khrushchev started the relocation of agricultural training facilities and research institutions including the Academy of Agricultural Sciences (VASKhNIL) and ministries of agriculture 'from the asphalt to the countryside'. The decree required the transfer of millions of people – staff and students – to the countryside with no facilities for accommodation, training, research, and everyday services. To implement the relocation, huge finances and building materials were needed, but the governing bodies did not provide them in 1961-1964, although there were successful examples of establishing new research centers in the countryside (*Akademgorodok* near Novosibirsk and 'closed research towns' near Moscow).

70. RGAE. F. 7486. D. 9314. L. 241-289; D. 9281. L. 55-66; D. 8187. L. 68-73.

In the spring of 1961, the Ministry's board prepared the relocation of the VASKhNiL and the Timiryazev Academy. Laboratories and testing stations at the farms were to be provided with the necessary equipment⁷¹. On January 11, 1962, the board discussed in detail the location of the agricultural research and production complexes in the Podolsk District of the Moscow Region. A small 'science town' for researchers was to be built in the village Novo-Mikhailovskoe to host the USSR Ministry of Agriculture, VASKhNiL, and some research institutions (fertilizers, agricultural economics and microbiology) with their testing fields⁷².

On January 11, 1963, the Minister Pyshin addressed Polyansky (the CM) to inform him that after two years none of the problems was solved: the housing for the Ministry's staff, their provision with everyday goods, good telephone connection to Moscow and the heating system⁷³. The staff therefore would be forced to travel daily by bus from Moscow to their new working place. The *Gosplan* even announced to provide for this only 10 unheated buses⁷⁴. Kosygin at least made a concession: the research staff would pay only 5 kopecks per trip, and the Ministry's costs for buses would be covered⁷⁵.

In 1963, the Khrushchev's relocation was at risk of failure, because the governing bodies provided neither the necessary finances nor the building material. On June 3, 1964, Volovchenko, the new USSR Minister of Agriculture, informed Lomako (the *Gosplan*) that the total relocation costs would be about 798 million rubles. The relocation of only 80 agricultural universities would cost 404 million rubles. If just 31 million rubles were provided annually, the relocation would have continued until 1970⁷⁶. On July 21, 1964, Krasot, the head of the main administration of the higher education, reported that only 3 of 14 institutions planned for relocation in 1962-1963 started to move to the state farms despite the lack of dormitories for students and apartments for teachers⁷⁷. On August 15, 1964, Volovchenko reported to the CC and CM on the relocation of the Ministry's agricultural universities. 17 universities were located on their testing fields and 31 – in the suburban places near their testing fields, and only 50 other universities were to be relocated. According to the plan, 32 of them were to be relocated by 1965, but the construction of the necessary new buildings started only for 8 of them due to the lack of funding⁷⁸.

71. RGAE. F. 7486. D. 8616. L. 8-68.

72. RGAE. F. 7486. D. 8691. L. 14-24.

73. RGAE. F. 7486. D. 8807. L. 3-9.

74. RGAE. F. 7486. D. 8807. L. 16.

75. RGAE. F. 7486. D. 8807. L. 59, 92.

76. RGAE. F. 7486. D. 8832. L. 143-146.

77. RGAE. F. 7486. D. 8832. L. 229-247.

78. RGAE. F. 7486. D. 8832. L. 273-304.

After the Khrushchev's removal, on November 10, 1964, Volovchenko informed the CC and CM that by the end of 1964 the relocation of 8 universities would be completed, which required the urgent construction of working and classroom buildings, accommodation, services and culture facilities (about 57 million rubles were needed). He suggested to provide the necessary means to finish such constructions for other 16 universities, while 17 universities located in suburban areas should not be relocated, i.e., the 1961 decree was changed in this respect⁷⁹. At the beginning of 1965, Brezhnev and Kosygin repealed the decree from August 28, 1961, on the relocation of the higher education, research and testing institutions, but the relocation of 18 universities were to be finished by 1968⁸⁰. The inability to provide building materials for agriculture hindered not only the Khrushchev's relocation program but also most projects of the complex mechanization of animal husbandry as depending on the high-quality constructions (Merl, 2020b).

Consequences of providing farms with defective and non-effective machinery

The *Gosplan* never managed to ensure the standardization of agricultural machinery, i.e., scarce spare parts, pulled and lifted machinery could be used only with one specific type of about 100 different tractors produced. Machinery and equipment for animal husbandry were of extremely low quality due to being produced by 150 small and poorly equipped factories subordinate to different industry ministries⁸¹. Thus, most agricultural machines and tractors at farms were defective and outdated.

Soviet factories sent their unreliable, often defective machinery also abroad – to the socialist and 'less developed' countries. The reports of Soviet engineers from these countries highlight the problems that the Soviet farms and drivers faced every day. As some of the 'less developed' countries benefited also from the Western help, their drivers were familiar with the Western machinery, and the comparison with the 'socialist' agricultural technology shocked them. Some drivers complained about the poor quality of the Soviet machinery, often completely unable to work. However, the Soviet officials named such complaints from Ceylon (1959), Syria, Iraq (1961) and other countries 'anti-Soviet propaganda'.

Ivanov, the representative of the State Committee for Foreign Economic Relations in Ceylon, forwarded a report of two Soviet engineers from July 16, 1959, who informed that the Soviet tractors and

79. RGAE. F. 7486. D. 8833. L. 44-88.

80. RGAE. F. 7486. D. 8852. L. 29-30.

81. RGAE. F. 7486. D. 9166. L. 206-265; D. 9281. L. 55-66.

pulled implements were unsuitable for the local conditions (high temperatures and precipitation) and could not work in the jungle with heavy and stony soil. The tractors had construction defects; moreover, Soviet factories often provided broken tractors, and some implements could not be used with the supplied types of tractors. The Stalingrad factory provided the DT-54 tractors without heat resistant components and coolers, and the tractors could not work on the jungle's soil. The report listed 11 major defects⁸². On February 4, 1961, the complaint of the vice consultant for economic issues of the Soviet embassy in Damascus arrived. The USSR had signed a development aid contract with Syria to provide and install water pumping systems, but the provided equipment, especially pumps from the Azerbaijan *SovNarKom*, was outdated, unsuitable, and could not work with the provided defective diesel motors⁸³.

Gushchin, the consultant on economic issues in the Soviet embassy in Iraq, complained about the bad quality of the agricultural machinery provided by the *SovNarKoms* of Belorussia, Rostov, Stalingrad and Odessa. The reports of the Iraqi media were interpreted by Soviet officials as the start of an 'anti-Soviet campaign'. The engineer-mechanics Gorbachev and Melnik confirmed that the Soviet tractors had defects: motors could not work at 45-50 degrees Celsius – they overheated, broke, their valves burnt. The poor construction of tractors (DT-54 and MTZ 5) determined that they needed repair after a few days of work, while American and British tractors worked without serious repair until amortization. The Iraqi drivers, who had used foreign tractors before, did not understand why Soviet tractors needed repair before work and why their parts did not fit together. The main problem with the DT-54 was their hydraulic systems for the lifted machinery, which broke very often and were responsible for 95% of the downtime (American tractors did not have such problems). The chassis of the *Belarus*' tractors broke very quickly, and the Minsk factory did not agree to make improvements. The pulled implements had the same problems: they were poorly manufactured and broke quickly. From 114 sowing machines not even one arrived complete and in working condition. While American tractors had a nice color for years in the hot climate, Soviet tractors lost color quickly. The engineer-mechanics stated that the situation would have been less dramatic if the Soviet factories had provided spare parts quickly. Due to the lack of spare parts tractors often worked 2,000 to 3,000 hours without repairs, and then needed a general overhaul; while the widespread American service stations changed tractor parts quickly⁸⁴.

These reports describe the problems the Soviet drivers faced. They did not react with an 'anti-Soviet propaganda' but 'voted with their

82. RGAE. F. 7486. D. 8477. L. 1-13.

83. RGAE. F. 7486. D. 8652. L. 294-301.

84. RGAE. F. 7486. D. 8659. L. 399-405; D. 8654. L. 303-309.

feet': being deeply dissatisfied with the defective machinery, uncomfortable and dangerous, after a few months of work they left the countryside for cities. Farms often complained about defective machinery and lack of parts or them not fitting together, reported that a significant number of the existing machinery could not be used due to the lack of necessary spare parts and tires. On January 4, 1957, the Ministry's board demanded to change the rules of complaints: the defective spare parts were to be changed immediately for good ones in stock. The *Glavavtotraktorosbyt* was to check samples of spare parts and send complains to the factories, i.e., defective machinery (according to the technical requirements) would not be delivered to farms⁸⁵. This proposal had little effect for many spare parts were not in stock and the industry still produced defective machinery.

In 1965, the *Soyuzselkhoztekhnik* received 6,221 complaints only about tractors⁸⁶. In the first nine months of 1968, due to the defects caused by the low quality of machinery, it sent 17,300 tractors and 63,900 agricultural machines back to factories, especially the Ryazan combine harvesters (40%) and Kharkov tractors (38%). However, the quality of most agricultural machines was low for factories did not care about the technological discipline⁸⁷.

The rules of complaints had no effect for the industry. The 15-day deadline set by the CM to react to a complaint was useless for farms for it consisted of checking rather than repair, and many factories forwarded complaints to other places⁸⁸. On May 28, 1968, Matskevich and Ezhevsky stated that the rules for complaints did not contribute to the improvements of production. As the factories did not react, farms addressed the *Soyuzselkhoztekhnik*⁸⁹. On March 1, 1968, Lebedev, the deputy of the *Gosplan*, informed the CM that factories often readdressed the complaints and suggested that heads of district divisions of the *Soyuztselkhoztekhnik* should claim compensation from factories⁹⁰. On March 22, 1968, the Commission of the People's Control proposed the CM to prolong the warranty time: farms suffered enormous losses of time on technical inspections and high expenditures on the maintenance of defective machines. Only 10% of tractors could start working without changes, 6.5% were sorted out. The low quality of the DT-75 caused a lot of complaints: in 1967, the GDR informed that 157 of 300 DT-75 provided were unreliable. 35% to 40% of the Minsk combine harvesters and most of the Ryazan potato harvesting machines K-3 were unreliable⁹¹. On July 21, 1969, Kardapol-

85. RGAE. F. 7486. D. 8169. L. 12-15.

86. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 5-19.

87. RGAE. F. 7486. D. 9167. L. 183-187; D. 9242. L. 177-198.

88. RGAE. F. 7486. D. 9166. L. 53-55.

89. RGAE. F. 7486. D. 9166. L. 60-82.

90. RGAE. F. 7486. D. 9166. L. 83-84.

91. RGAE. F. 7486. D. 9166. L. 260-265.

sev again informed Kulakov that the rules of complaints did not work and demanded to oblige factories to eliminate their production defects immediately and to pay compensation to farms⁹². However, there was no effective pressure on the industry to stop producing defective machinery: the governing bodies did not care about the farms' problems, and the industry never paid compensations for the production defects and damages despite the widespread fatal accidents (defective agricultural machinery, unpacked toxic substances, etc.)⁹³. On January 28, 1955, the board stated that the work safety at MTSs was insufficient: work safety rules and systematic examination of fatal accidents were often ignored⁹⁴.

On December 11, 1965, the Komsomol CC Secretary Pavlov informed the CM about the catastrophic work-safety conditions in agriculture, which endangered drivers, serving staff and the environment. The number of fatal accidents increased by 24% from 1961 to 1963; in 1964, in the RSFSR 1,536 fatal accidents were registered. Many drivers and animal breeders suffered from occupational illnesses, but nobody cared⁹⁵. Matskevich confirmed Pavlov's description: the working conditions in agriculture, especially for drivers, did not meet the requirements of the Socialist production; many tractors and self-propelling machinery had construction defects: extreme noise, vibrations, penetration of dust and gas into the cabin⁹⁶.

Despite fatal accidents, the industry continued to produce machinery that did not meet the safety requirements. On May 12, 1969, the Lugansk *Kraikom* complained about the unsafety of the *Belarus*: in 1967, 8 tractor drivers died, in 1968 – 14. The Party Committee required to change the tractor construction according to the safety requirements: coordination of the tractor's braking with that of the pulled machines, the cabin's construction as preventing it from rolling over, etc. On August 29, 1969, Volovchenko and Ezhevsky informed the CM that in 1970 the *Belarus* was to get a better cabin, in future – with a compressed air system to brake the pulled machines⁹⁷. On March 19, 1970, Matskevich reported to the CM that due to the violations of standards by the industry more than a half of tractor drivers suffered from occupational illnesses. The number of fatal accidents was very high: 30% were caused by the tractors' rolling over, the rest – by the low dynamic reliability and insecure braking systems⁹⁸.

92. RGAE. F. 7486. D. 9207. L. 104-107.

93. RGAE. F. 7486. D. 8370. L. 71-72, 122-126; D. 8867. L. 135-152; D. 9019. L. 8-19; D. 9266. L. 329-353.

94. RGAE. F. 7486. D. 7678. L. 129-132.

95. RGAE. F. 7486. D. 9019. L. 28-32.

96. RGAE. F. 7486. D. 9019. L. 21-22.

97. RGAE. F. 7486. D. 9242. L. 44-49.

98. RGAE. F. 7486. D. 9281. L. 55-66. D. 9274. L. 110-114.

In 1955, serious problems were caused by the lack of tractors and cultivators for root crops, machines for the quadrant sowing and grain combine harvesters⁹⁹. Often the industry delivered new tractors without the necessary machinery: in 1956, 4,600 tractors were provided without plows; in 1958, caterpillar tractors were provided without some necessary parts¹⁰⁰. On January 31, 1967, Matskevich reported to the CC that often tractors were delivered to farms without the necessary implements¹⁰¹ and could not be used with the farms' implements. There were all pulled implements only for less than a half of the tractors K-700¹⁰².

The permanent lack of spare parts did not allow farms to use the available machinery. For instance, in 1955, many combine harvesters could not work technically. About 30% to 40% of the combines' working time was downtime¹⁰³. On July 9, 1958, Matskevich reported to the CC and CM that due to the lack of spare parts in the Stal-ingrad and Saratov Regions at the start of harvesting about 20% of combines and 26% of hay cutters had not been repaired¹⁰⁴. The lack of spare parts delayed the preparation of 100,000 tractors DT-75 for the 1968 sowing. The spare parts for cars and trucks made up only 12.3 to 65.9% of the needed¹⁰⁵. On June 13, 1962, the Ministry of Agriculture informed the CM that collective and state farms had only 35% to 40% of the needed truck and car tires. Although already a third of the farms' machines could not be used without tires, the planned figures for tires for 1963 to 1965 were reduced to 27.5 million, while agriculture alone would need 25 million¹⁰⁶.

The lack of fuel for tractors was another permanent problem during harvesting: many tractors had some downtimes due to the lack of fuel. The problem was partly determined by the outdated and unrepaired tractors with an excess need for fuel. Like every year, on August 15, 1966, the chairman of the State Committee for Material-Technical Supply complained to the CM that in the first half of 1966 agriculture received 40% of the required diesel, and 30% – of fuel. He insisted that agriculture had to use fuel more economically, but many farms could not store and use it properly. In addition to unrepaired tractors and machines, transportation, storage and refueling caused huge losses¹⁰⁷.

All data on mechanization showed 'existing' rather than working machinery. For instance, the number of wheeled tractors in working

99. RGAE. F. 7486. D. 7709. L. 171-172.

100. RGAE. F. 7486. D. 8370. L. 80. D. 7710. L. 232-235. D. 8371. L. 28-30.

101. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 5-19.

102. RGAE. F. 7486. D. 9266. L. 196-212.

103. RGAE. F. 7486. D. 7709. L. 156-157.

104. RGAE. F. 7486. D. 8316. L. 1-12.

105. RGAE. F. 7486. D. 9164. L. 253-258.

106. RGAE. F. 7486. D. 8704. L. 99-127.

107. RGAE. F. 7486. D. 9023. L. 124-161.

condition was significantly below the statistical reports: from 367,000 wheeled tractors registered on January 1, 1956, 61% were broken especially those working on kerosene¹⁰⁸.

Let us consider the typical local situation with the lack of machinery, transport, spare parts and fuel for harvesting on the example of Ukraine's reports to the CM in 1966. On April 27, 1966, Shelest and Shcherbitsky (the Ukraine CC and CM) informed the USSR CC and CM about Ukraine's need for 'harvest help'. In the previous year, high harvest losses were caused by the lack of harvesting machines and transport. Collective and state farms with high grain yields suffered primarily from the combine harvesters not constructed for yields above 15-20 decitonne per hectare. Also, they lacked suitable machinery for fodder harvesting and transport to collect the harvest from the fields, which did not allow to harvest fodder in time to ensure the high-quality winter fodder for the livestock. In 1966, the expected good harvest would increase the work load of the harvesting machinery and transport compared to 1965. There were only 59,600 grain combines (much less than needed), and 12,900 of them were too outdated. Only 1,600 of 6,000 requested modernized combine harvesters (like straw shredders) were provided, but none of 1,200 requested transporters for sugar beets. Shelest and Shcherbitsky urgently requested additional 3,300 grain harvesters SK-4 (with straw shredders), 800 sugar-beet and 15 flax harvesting machines, etc., but only 1,500 or 9.5% of the requested modernized machines were provided. The situation with transport was especially dramatic: many trucks and tractors could not be used due to the lack of spare parts and especially tires. The permanent lack of transport determined the temporary removal of trucks from the industry, but there still was not enough fuel. Moreover, there was a shortage of storage facilities (for about 2 million tons of the expected harvest), and the available barns and asphalt places needed repair. Shelest and Shcherbitsky stressed the need to mechanize storage to reduce the high labor input¹⁰⁹. In the following decades, there was still a shortage of the urgently needed combine harvesters with straw choppers as special trailer constructions for choppers were not provided. Cleaning and delivering the grain to the state in time became a problem as the grain cleaners (OPP-5) were no longer produced¹¹⁰.

The key problem was the shortage of machinery for large fields¹¹¹. On May 5, 1967, Matskevich and others complained to the CC that the *Gosplan* did not increase the production of tractors T-100, while the number of tractors of this hp-type at the farms decreased by

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture...

108. RGAE. F. 7486. D. 8187. L. 68-73.

109. RGAE. F. 7486. D. 9022. L. 150-184.

110. RGAE. F. 7486. D. 9184. L. 5-7.

111. RGAE. F. 7486. D. 9209. L. 130-187.

half from 1959 to 1967¹¹². The industry produced only combine harvesters of a small cutting width, not suitable for large fields or even grain yields above 15-20 decitonnes per hectare. Therefore, with higher yields, grain losses increased dramatically, also due to the lack of trucks to collect the harvest¹¹³.

In addition to the lack of suitable machines, another key problem was the widespread delivery of defective machinery. On October 22, 1955, the head of the Zaoksk MTS described in detail how farms suffered from such defective machines: the potato harvester KKP-2 often broke on heavy soil and damaged a half of the harvested potatoes; the grain combine harvester S-4 was suitable only for small fields, needed serious technical changes and often broke during the grain harvest; the tractor KD-35 had defective chassis and motor, and so on. "I wish the factory improved its technology"¹¹⁴.

On April 16, 1966, Matskevich informed the CC that the main problem was the poor quality of the machinery produced by the Soviet industry; moreover, its productivity was declining, while the need for repair and maintenance was growing together with the losses of fuel. 73% of the DT-75 and 53% of the MTZ needed the first general overhaul already during the warranty time¹¹⁵.

In the fall of 1969, Kardapoltsev, the deputy Minister of Agriculture, informed the CC about serious defects of tractors and plows. At the All-Union Competition of Tractor Drivers in Tartu, Estonia, 6 of 23 tractors T-74, 5 of 20 MZZ-50L and all 23 plows PKS-4-35 showed serious defects. Thus, the agricultural technical requirements of the high-quality plowing were not met. Kardapoltsev demanded to pay serious attention to these defects as causing the farms great losses¹¹⁶.

In 1969-1970, the new tractor DT-75M was delivered to farms, although the defects revealed during testing were not eliminated and the motor produced by the Altai factory was not reliable. On February 18, 1969, Volovchenko and Ezhevsky protested to the CM against the sales by the Ministry of Car, Tractor and Agricultural Machinery Construction of the DT-75M at a price higher than agreed and despite its defects and insufficient reliability revealed during testing¹¹⁷. On July 7, 1969, Ezhevsky reported on the defective Altai motors of the tractors DT-75M and T-4 and the combine harvester SK-4. 158 of 219 tractors DT-75M' motors tested by the Krasnodarsk farms broke after 100 to 700 hours of work due to the violations of the production technology. From January to May 1969, there were complaints about 1,123 of 1,156 delivered motors, but the factory did not care. Ezhevsky

112. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 87-105; 5-19.

113. RGAE. F. 7486. D. 9242. L. 14-16.

114. RGAE. F. 7486. D. 7710. L. 152-154.

115. RGAE. F. 7486. D. 8961. L. 66-80.

116. RGAE. F. 7486. D. 9127. L. 184-191.

117. RGAE. F. 7486. D. 9241. L. 60-62.

asked to stop the delivery of defective motors and to order the factory to repair motors at own expense¹¹⁸. On July 21, 1969, Kardapoltsev addressed the CC Secretary Kulakov: from 617 tractors DT 75M delivered from the Volgograd Factory to farms in 1968, 534 had serious problems with motors (many engine failures and replacements of parts) which caused high losses¹¹⁹. On September 2, 1969, Ezhevsky and Kardapoltsev protested to the CM against the mass production of the Volgograd DT 75M with the Altai motors, because their major defects were not eliminated. They asked to order the urgent elimination of defects, the new testing, and the repair of tractors by the factory¹²⁰.

In 1970, at the July CC Plenum, some regional party secretaries criticized the defective agricultural machinery as responsible for huge harvest losses. Some combine harvesters were served by 6-7 people. Not the additional but the high-quality machinery was needed to increase labor productivity. However, the level of mechanization of many livestock farms was decreasing: for instance, only 12 Kazakh livestock farms were fully mechanized; in the Voronezh Region the sugar-beet harvesting was not mechanized¹²¹.

When introducing animal husbandry at large farms, the lack of transport for harvesting, especially of fodder, became a permanent problem. On August 2, 1966, Matskevich and Ezhevsky informed the *Gosplan* about the shortage of transport for the *Gosplan* included only 150,000 trucks in the Five-Year-Plan (1966-1970). For several years, the farms were receiving only a fourth of the requested transport: in 1965 – 95,000 of 382,000 trucks. The lack of transport hindered the use of fertilizers, harvesting of green fodder, constructions and the in-time delivery of agricultural products to the state; it caused standstills during the grain, fodder and sugar beet harvesting, i.e., high harvest losses: for sugar beets and corn not collected in time, 5 days of delay meant a loss of 10% of the harvest, and even higher losses for grain. In Eastern Kazakhstan, the grain harvesting usually lasted 36 to 40 days with the corresponding decline in yields from 21.5 to 4.1 decitonnes per hectare. Thus, the harvest losses due to lack of trucks were huge, and by 1970 the need for trucks would double¹²². In 1962, the US agriculture had about 3 million trucks (and additional wheeled tractors), while the USSR farms – less than 1 million¹²³ and hardly any special transport (Merl, 2020b). On October 6, 1971, Matskevich informed the CC that collective and state farms needed 1.5 million trucks, had only 0.85 million trucks, and 183,000 of them

118. RGAE. F. 7486. D. 9314. L. 5-13.

119. RGAE. F. 7486. D. 9207. L. 104-107.

120. RGAE. F. 7486. D. 9242. L. 174-176.

121. RGAE. F. 7486. D. 9266. L. 196-212.

122. RGAE. F. 7486. D. 9023. L. 74-77.

123. RGAE. F. 7486. D. 8857. L. 96-109.

urgently needed repair. 33% of trucks at collective farms and 18% at state farms were in use for more than 10 years, i.e., were outdated. Nearly all available trucks had a small tonnage. The situation became even worse, when 25% to 30% of the farms' trucks were taken by the army to transport the harvest¹²⁴.

The lack of transport at farms caused serious problems with bringing mineral fertilizers and other inputs from distant railway stations. When the Ministry wanted to increase the supply of mineral fertilizers in the mid-1950, it mentioned all problems with sending fertilizers to remote collective and state farms: construction of storages at the railway stations and at the farms, transport to bring fertilizers to the farms, machinery for applying fertilizers. The lack of transport at farms affected the railways: some freight cars waited for years to be unloaded. Moreover, the industry often provided fertilizers unpacked or poorly packed. On February 1, 1966, Volovchenko complained to the CC about the low quality of mineral fertilizers for their concentration did not meet the international standards. Only 30% of fertilizers were granulated. Fertilizers often arrived in torn bags due to not being previously cooled as abroad, which caused high losses¹²⁵. When transported unpacked and unloaded at the stations, about 10% of fertilizers spoiled in the open at the railway stations.

On January 31, 1955, Benediktov raised the transport question for the first time when addressing the CM: freight cars with machinery, tractors and building material for the Kazakh MTSs were not unloaded immediately, stood at stations for a long time, and the railway claimed penalty payments¹²⁶. On February 3, 1955, Beshchev (the Ministry of Transport) informed Kaganovich of the unloaded freight cars at several railway stations¹²⁷. Finally, on December 10, 1956, the CM ordered the railway to transport all deliveries to the MTSs itself at the beginning of 1957¹²⁸. On December 17, 1957, Gundobin, the Minister of Transport, informed the CM that the unloading of 28,162 freight cars with agricultural goods was delayed for receivers did not take them¹²⁹. On April 18, 1958, Kozlov (the Commission of Soviet Control) reported that 13,670 freight cars with mineral fertilizers stood unloaded at the railway stations: 180 cars – since 1952-1954, 860 – since 1955-1956, 6,390 arrived in 1958¹³⁰. In 1956 9%, in 1957 7.2%, and in the first quarter of 1958 15% of fertilizers were not collected by farms¹³¹. On January 12, 1961, the *Gosplan* insisted that,

124. RGAE. F. 7486. D. 9357. L. 161-165.

125. RGAE. F. 7486. D. 8961. L. 17-21.

126. RGAE. F. 7486. D. 7802. L. 148-149.

127. RGAE. F. 7802. D. 9242. L. 249-252.

128. RGAE. F. 7486. D. 8370. L. 67-70, 269-270.

129. RGAE. F. 7486. D. 8370. L. 13-15.

130. RGAE. F. 7486. D. 8370. L. 252-254.

131. RGAE. F. 7486. D. 8370. L. 248-251.

according to the 1956 CM decree, the railway was responsible for the fertilizers' transportation to the farms¹³². On March 15, 1967, the *Soyusselkhoztechnik* informed the CC and CM on the still unresolved situation with the storage of fertilizers in the open at the railway stations, which caused the loss of 6 from 30.5 million tons of fertilizers (i.e., about 20 million tons of grain) in 1966¹³³.

Defective machinery and the lack of special machinery and transport determined the farms' excessive spending on repair and fuel, huge harvest losses, and long stillstands when waiting for spare parts or tires. Therefore, farms could not reduce the labor input and costs of production. The governing bodies did not pay farms any compensations for such hardships and blamed them for all the problems.

The Party's choice: local officials' fault and 'socialist competition'

The party leaders (Khrushchev and Brezhnev) followed the traditional path of blaming the lower officials for the regime's mistakes and of appealing to the workers for raising productivity without providing them with the efficient machinery. As with perfect machinery everyone can achieve good results, the defective machinery was a precondition for declaring workers 'heroes' of the 'socialist competition'.

In 1955, there was a rumor that the MTS machinery would not allow to harvest the planned amount of hay in 7-8 days (which was unrealistic) in order to put pressure on drivers¹³⁴. For fulfilling the MTSs' plan for corn harvesting only by 9.5% and for not providing fodder for collective farms the lower MTS officials were blamed – for not using the machinery efficiently¹³⁵. The MTSs were blamed for the excessive spending on repair for its costs exceeded the planned ones¹³⁶. On October 26, 1967, Kardapol'tsev, the deputy minister, informed the CC that collective farms often wrote machinery off too early: in 1966 – 16% to 24% of tractor plows, 11% to 32% of corn combine harvesters in different regions. However, he admitted that much of the agricultural machinery of farms was technically and morally outdated¹³⁷. On June 27, 1968, Kobanov (the Committee of the People's Control) reported to Kosygin that the farms' shortcomings were close to the criminal negligence: agricultural machines, including the imported equipment, stood in the mud or snow¹³⁸. On January 7, 1969, Matskevich informed the CM, according to its request 'to protect ag-

¹³². RGAE. F. 7486. D. 8659. L. 21-28.

¹³³. RGAE. F. 7486. D. 9103. L. 118-127.

¹³⁴. RGAE. F. 7486. D. 7678. L. 58-68.

¹³⁵. RGAE. F. 7486. D. 8183. L. 192-193.

¹³⁶. RGAE. F. 7486. D. 7678. L. 48-57.

¹³⁷. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 158-161.

¹³⁸. RGAE. F. 7486. D. 9167. L. 46-49.

gricultural equipment', that not only the outdated machinery was written off¹³⁹. On February 14, 1969, Matskevich, Ezhevsky and others informed the CM that, despite the increased supplies, the number of machines in collective and state farms was less than planned. Sometimes tractors, combines and melioration equipment were written off for no good reason. They demanded a better use of the available machinery and an increase in the drivers' motivation to maintain it¹⁴⁰. Matskevich was aware of the agricultural machinery defects but continued to blame local officials: on April 2, 1968, he accused Rashidov (the CC of Uzbekistan) and Kurbanov (the CM of Uzbekistan) of the shortcomings in the use and maintenance of the machinery in Uzbekistan. Although they received new machines, the labor productivity remained low, while the costs of the machinery repair and technical maintenance kept growing¹⁴¹.

Goroshkin, the deputy chairman of the State Committee for Labor and Remuneration, suggested to award tractor drivers for the low fuel consumptions and to punish them for the excessive fuel consumption 'due to the driver's fault' with 60% of the costs. On October 11, 1966, Sidak (the deputy Minister of Agriculture) warned about the consequences: the threat of punishment for more than 30% 'excessive fuel consumption' was not economically reasonable for the tractor drivers would refuse to take tasks with a high risk of the excessive fuel consumption¹⁴².

The complex mechanization depended on the qualified workforce. While the lack of tractors and combines was the main problem in the 1950s, from the 1960s onwards it was the lack of well-trained people to drive and repair tractors and combines. Defective tractors, the high risk of occupational illnesses and fatal accidents determined an increasing turnover of trained drivers, i.e., the human resources were wasted: when the trained people left for cities, new drivers were trained, which is why the majority of drivers had little experience and knowledge.

On April 16, 1966, Matskevich informed the CC that a better use of tractors depended on the availability of drivers. From 1962 to 1964, 953,000 drivers were trained, while 800,000 – 89% of drivers – left the countryside. Such a high turnover (most tractor and combine drivers left after 15 months on collective farms or 14 months on state farms) was determined by the negative work experience and seasonal employment. Often there were no engineers, mechanics¹⁴³ and agricultural specialists: graduates were to move to special regions and farms,

139. RGAE. F. 7486. D. 9241. L. 1-3.

140. RGAE. F. 7486. D. 9241. L. 29-43, 48-59.

141. RGAE. F. 7486. D. 9127. L. 50-52.

142. RGAE. F. 7486. D. 9019. L. 66-72.

143. RGAE. F. 7486. D. 8961. L. 66-80.

but refused to do so¹⁴⁴. Thus, in 1965, 7.5% of 20,000 university graduates did not come to the prescribed collective and state farms. The situation with graduates of agricultural schools was even worse: for instance, in Ukraine, 24.3% of graduates did not come to the prescribed farms. However, even if the graduate arrived, he was of little help for farms – many were soon drafted into the military and never returned¹⁴⁵. On September 21, 1966, Matskevich informed the CM on many complaints about the increase in the turnover of specialists. As one reason was the low salary, he required a significant increase in wages¹⁴⁶. However, instead of raising wages, from the mid-1960s onwards, the Party tried to prevent the high turnover by the honorary titles for agricultural workers and celebration of the ‘agricultural worker’s day’. On October 6, 1966, the board discussed the draft decree ‘On celebrating the agricultural worker’s day’¹⁴⁷ as the All-Union public holiday¹⁴⁸.

In 1966, such honorary titles as the ‘honored agronomist of the RSFSR’ were granted on the personal application¹⁴⁹. On June 10, 1966, Matskevich suggested to the CM to introduce such titles as the ‘honored livestock technician of the republic’ with the salary increment of 10 rubles¹⁵⁰. On February 3, 1967, the board discussed the Order of Labor Glory for agricultural workers and members of collective farms¹⁵¹. On September 1, 1967, Matskevich and Ezhevsky suggested to the CC to introduce honorary titles for tractor and combine drivers: ‘honored representative of the Soviet agricultural mechanization’, ‘honored tractor/combine driver of Soviet agriculture’¹⁵². On July 25, 1968, other new titles were discussed – ‘collective of communist work’ (with some special regional requirements), and ‘master of animal husbandry’ (first-class master, second-class master, etc.)¹⁵³.

The idea to raise labor productivity by awarding honorary titles reached its peak in 1971. In spring, Matskevich with colleagues sent the CC a draft decree ‘On measures to strengthen the moral reward for good production results’, which suggested awarding farms with orders and the best workers – with the title ‘hero of socialist work’, orders and medals. At that time, every year 65 to 75 best farms and 20,000 to 30,000 best workers were awarded, and the number of best workers was to be increased by 10–15,000. New honorary titles were introduced: for instance, for female tractor drivers – a medal named

144. RGAE. F. 7486. D. 9020. L. 24–27.

145. RGAE. F. 7486. D. 9020. L. 47–59.

146. RGAE. F. 7486. D. 9019. L. 33–37.

147. RGAE. F. 7486. D. 8947. L. 210; D. 8961. L. 100.

148. RGAE. F. 7486. D. 9127. L. 162–166.

149. RGAE. F. 7486. D. 8961. L. 178–188.

150. RGAE. F. 7486. D. 9018. L. 228–234.

151. RGAE. F. 7486. D. 9036. L. 19–38.

152. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 147–154.

153. RGAE. F. 7486. D. 9116. L. 278–299; D. 9195. L. 277–283.

after Pasha Angelina. To award research and training institutions and administrative bodies, the honorary certificates of the CC, CM and Unions were to be introduced. 1,455 honorary diplomas of the Ministry of Agriculture, the CC of the Union of Agricultural Workers could be awarded together with 1.5 million rubles of cash rewards. The republics were to follow the same path. To attract public attention to the work results, the All-Union consultations of best workers were to be organized¹⁵⁴.

Although the state would have profited from the reduction of production costs and labor input, it used the poor quality of agricultural machines to strengthen the political stability. Not the industry but the local officials were accused of the 'irresponsible' maintenance of the farms' agricultural machinery. From the mid-1960s onwards the state strived to enlist the workers' support by awarding them with honorary titles and orders and wasted huge resources on increasing workers' motivation. Awards were granted mainly for physical efforts and revealing stopgaps. However, the impact of such measures on labor productivity or production came to naught.

Alternatives: the transfer of the production responsibility to farms

How did the heads of state and collective farms together with workers assess the state agrarian policy? There is very little 'uncensored' data on this issue, which shows that some qualified farm leaders were fed up with the permanent interference from above. They could manage production and increase its efficiency themselves. As the mood of Czech agricultural workers and farm directors was quite similar to that of their Soviet colleagues, let us consider their demands that were openly expressed during the Prague Spring of 1968.

On February 20, 1968, Matskevich reported to the CC on the most important events at the second CSSR Cooperative Congress in Prague. The Czech economic reforms in agriculture, processing industry and agricultural machinery production suggested that the system of industrial associations needed special services for supplying agriculture in order to improve cooperation between cooperatives and processing plants. Cooperatives' responsibility for production should be strengthened and the unnecessary parts of the state administration eliminated. The Party Secretary Dubchek praised the work of peasants and admitted that they did not need any extra instructions on when to start sowing or harvesting. The task of the central administration was reduced to providing favorable conditions for the development of agricultural productive forces. Dubchek mentioned the large number of complaints about the lack of fertilizers and high prices for the poor-quality agricultural machinery produced in the CSSR,

¹⁵⁴. RGAE. F. 7486. D. 9356. L. 77-108.

GDR and USSR. Some delegates required that the farms were given money to purchase any agricultural machines they wanted. Other delegates opposed specialization and planning. They wanted to decide themselves which production branches would be most profitable for development. Many delegates opposed the state interference in the construction of poultry farms for cooperatives could handle it themselves. Matskevich stressed that 'demagogic statements against ministries' found broad support, when Frantisek Kunc demanded to free the cooperative system 'from top to bottom' without new slogans and obligations as cooperatives knew better what to produce¹⁵⁵.

Khudenko's reform would require the transfer of responsibility to the farm workers – teams and brigades working without the rules set from above (*bez naryado-zvenievaya sistema*). He considered the centralized standards for labor organization and remuneration unnecessary and even harmful. After testing the proposed reform at the Iliysk state farm in Kazakhstan for the second time, Khudenko developed the 'general principles'¹⁵⁶ for organizing the work and remuneration at farms: the state farm was to get its production tasks for 3-5 years in advance, including the planned costs, wage funds and capital investments; the production unit (team) in the mechanized crop production was to consist of 4-5 drivers working together during the whole contract period; the team was to be formed on a voluntary basis from 'broad specialists' (combine/tractor/truck driver); 750 to 1000 hectares of agricultural land, tractors, combine harvesters and trucks were to be provided for the team; the driver's workload was to be 2000 standard hours a year; the monthly payment was to be calculated on the basis of standard hours, while the final payment – on the basis of production results (harvest)¹⁵⁷. This Khudenko's proposal resembled the working principle of the *shabashniki* – temporary contract teams engaged, for instance, in construction projects and paid for the built house.

Khudenko had support from above when tested his reform for the first time. There were more opportunities for experiments under Khrushchev, and he did not ask for any additional help from the state. Khudenko wanted to prove that the work could be done with less machinery and labor input provided the high motivated drivers due to their self-organization and own responsibility. On November 12, 1960, the Commission on Ongoing Affairs of the CM approved the testing in the virgin-land region in Kazakhstan¹⁵⁸. The testing was a great success in the economic perspective: the whole farm work was done by only 60 (of 863) workers and with only 60 (of 150) tractors. The participants were organized into 6 teams with 10 drivers and 10 trac-

155. RGAE. F. 7486. D. 9130. L. 4-12.

156. RGAE. F. 7486. D. 9018. L. 241-244.

157. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 60-66.

158. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 62-66.

tors each. However, the workers no longer needed for production expressed dissatisfaction, and Khudenko was made responsible for the unrest (Yanov, 1984: 31-33). Thus, on August 31, 1962, the CM Presidium received a recommendation to withdraw the testing permission¹⁵⁹. According to Matskevich, the 'specialists' came to the conclusion that the proposed reform would reduce the material incentives for drivers, and that the reduction in the number of workers would lead mainly to savings¹⁶⁰. As raising the USSR's poor labor productivity was at the top of the political agenda this sounds rather strange, but ideology triumphed over economics, and Matskevich protested against further testings.

However, Khudenko, got a second chance when he became the head of the Iliysk state farm in the Alma-Ata Region in March 1963. The report from October 15, 1965, mentioned that the farm's production increased significantly in 1963¹⁶¹. The economic results of this testing in 1963-1965 were impressive, but it again caused workers and officials' dissatisfaction. The officials' goals were contrary to the core of the experiment's success – the reduction of the labor input and of the number of machines. However, there were also protests against stopping the experiment. On April 29, 1965, in the *Komsomolskaya Pravda*, Elemanov (the deputy Minister of Agriculture of Kazakhstan and the corresponding member of the Kazakh Academy of Sciences) denied all accusations (of the sharp reduction of workers and of Khudenko not providing enough machinery to the teams) and stressed that such an organization of labor was widespread in the US and Australia¹⁶². On February 5, 1966, Elemanov informed Kosygin that changes in the old system of work organization and remuneration were necessary, that standardization should be applied not to separate work operations but to the final product, and that workers rather than 'external specialists' should organize their work. Elemanov described the work of the Iliysk state farm: from 3 complex and 9 plant brigades 17 teams were formed; each team got 4 tractors, 5 combine harvesters and other machinery; instead of the average 830 workers, the new labor organization needed only 67 drivers, and instead of the large management – only two leading specialists (a chief agronomist and a chief accountant); each team worked on 3,000 hectares of arable land with the task to produce 500 tons of grain per worker; due to the high labor productivity, the salary of the driver increased to 330-350 rubles. Elemanov asked Kosygin's permission to continue the experiment¹⁶³.

Kaminsky, the engineer and the Party member since 1926, addressed the CC Agricultural Department after reading the article in

159. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 62-66.

160. RGAE. F. 7486. D. 9046. L. 60-66.

161. RGAE. F. 7486. D. 9018. L. 254-258.

162. RGAE. F. 7486. D. 9018. L. 245-248.

163. RGAE. F. 7486. D. 9018. L. 116-126.

the *Komsomolskaya Pravda*. He stressed that Khudenko's approach was close to the Russian national character as successfully breaking bureaucratic structures. He mentioned that under the given work organization peasants lacked freedom to decide on production, and regretted that the CC Agricultural Department had not followed such healthy ideas. As the agricultural situation worsened, the 1965 CC Plenum had to take action by choosing between two paths: to reduce the costs of agricultural production by using Khudenko's experience or to increase wages according to the farm labor and resources expended. The 1965 CC Plenum chose the second path and put the CC Agricultural Department in charge, i.e., bureaucrats, dogmatists and reinsurers were to make decisions in order not to let the 'producers of material goods' get rich¹⁶⁴.

Nevertheless, there were hidden heated debates on Khudenko's reform until 1969. Most of its harsh critics held leading position in the apparatus, but it was supported by some Politburo members (Voronov), representatives of the Novosibirsk branch of the Academy of Sciences (Aganbegyan, Zaslavskaya) and journalists (Yanov, 1984: 33-34). In 1967, despite Kosygin's refusal to resume testing¹⁶⁵, Khudenko (with the support of the deputy Minister of Agriculture of Kazakhstan) got the chance to establish a new testing state farm to produce lucerne with the needed number of workers and machinery on the uncultivated land in Akchi of the Alma-Ata Region. The farm did not have any administration – only 60 workers who formed 11 teams on the commercial basis of payment: 6 teams for farming, 1 – for repair and spare parts, 1 – for the purchase of seeds and fertilizers and for the sales to the state, 1 – for construction, 1 – for public catering, and 1 – for coordination (agronomist Li and accountant Khudenko) (Yanov, 1984: 34-39). The aim was to test the work remuneration that would increase labor productivity and reduce inputs to the necessary level. The project was stopped from above, if Yanov (1984: 120) is correct – by Brezhnev's order. According to Volovchenko, the aim to increase labor productivity implied the 'increase in labor intensity', which was not allowed in the 'socialist production'. He also commented on the teams' payment as based on the final results of production that such workers did not get plans and did not know the level of production above which they would get additional rewards¹⁶⁶.

Thus, Khudenko showed that when people worked on their own, the commanding officials were unnecessary and the number of machines and workers could be reduced significantly. Responsibility for production costs made the teams take only the needed machinery and maintain it carefully, which eliminated the widespread feeling of *obezlichka* (irresponsibility). In 1970, after testing his ideas three times

164. RGAE. F. 7486. D. 9018. L. 249-253.

165. RGAE. F. 7486. D. 9018. L. 264-265, 282-283.

166. RGAE. F. 7486. D. 9275. L. 64-66.

with the convincing economic results, Khudenko was finally stopped, then arrested for 'corruption', and died in prison in 1974. However, in the 1980s, his ideas were revived in the form of 'contract teams and brigades'.

Investments and actions requested by the Ministry of Agriculture for the FYP 1971-1975

On November 6, 1964, just after Khrushchev's displacement, Volovchenko sent to Polyansky (the CM) a report on the state of agriculture, in which he stressed that its labor productivity was several times lower than in the US. The capital stock of the USSR agriculture was increasing too slowly, with only a 20% share of energy resources and machinery. In terms of energy supplies, the Soviet agriculture lagged far behind capitalist countries: in the US, the use of electricity was 14 times higher, and 4 times more tractors and combines were used for every 100 hectares of arable land. Volovchenko demanded to expand the industrial production of tractors, combine harvesters, trucks and agricultural machinery. After the liquidation of the MTS, the technical maintenance of tractors worsened, and farms did not have enough tractors and machinery to finish field works on time¹⁶⁷. Matskevich repeatedly reported on the poor development of the complex mechanization: on December 17, 1969 – to the CC, on March 19, 1970 – to the CM, and on December 8, 1971 – to the CC¹⁶⁸.

In December 1969, Matskevich and Ezhevsky complained about long delays in the start of the mass production of new agricultural machinery, which hindered the development of the complex mechanization and kept the high labor input in agriculture. The orders of the CC 1968 Plenum to speed up the introduction of complex technologies were not executed. The *Gosplan* kept delaying the start of the mass production of the successfully tested machines; therefore, farms were forced to use outdated machinery or to do manual labor. Among the machines recommended for production some years ago were the caterpillar tractor T-130, the cotton tractor MTZ-50X, the sugar beet combine harvester AMK-2, and the portable irrigation apparatus CDA-I. Matskevich and Ezhevsky underlined that the highest labor input in grain production was in collecting straw: the grain harvesting per hectare took 2.5 hours, while collecting straw – 11.8 hours. Every year huge amounts of straw needed for animal husbandry was not collected from the fields due to the lack of the necessary machinery and transport. Other great losses were determined by the lack of equipment for cleaning and cooling milk. In total, about 100

167. RGAE. F. 7486. D. 8857. L. 96-109.

168. RGAE. F. 7486. D. 9207. L. 213-216; D. 9281. L. 55-66; D. 9357. L. 289-234.

highly effective and successfully tested machines were not put into mass production by the *Gosplan*¹⁶⁹.

In his report from March 1970 'On the technical level of the USSR agricultural production in the international perspective', Matskevich stressed the low labor productivity due to the insufficient energy resources and funding: in 1968, the USSR had only 8.2 (the US – 36.5) tractors per 1,000 hectares of agricultural land, 4.4 (13.5) combine harvesters, and 0.6 hay bales (31.4). The supply tasks set by the 23rd Party Congress in 1966 were not solved. Thus, the grain harvesting took 18-20 days, silage harvesting – 15-18, potato and sugar-beet harvesting – 25-35, which determined high harvest losses – about 35-40 million tons of grain per year. The outdated tractors consumed too much fuel and rarely managed to work without major repairs during the warranty time (4,000 working hours). Due to technical defects, the average tractor downtime was about 14% of the shift, which was several times longer than in capitalist countries. There was a huge shortage of machinery for animal husbandry, and the available equipment for manure cleaning usually worked for only three years. Just some fully mechanized branches of the Soviet agriculture showed a significant increase in the labor productivity, for instance, poultry husbandry in the Baltic countries. Matskevich named the lack of agricultural machinery for fodder harvesting as the key reason for the low productivity in animal husbandry. Due to the lack of transport 20-25% of hay and 30-45% of silage were lost. Moreover, the fodder did not contain enough protein, and the production of concentrated feed did not grow¹⁷⁰.

In December 1971, in his report 'On the scientific-technical progress in agriculture' Matskevich argued that manual work and work with horses still accounted for 70-75% of the total work input in the Soviet agriculture. The lack of agricultural machinery hindered the development of horticulture and wine production, and mechanization of animal husbandry affected just a limited number of operations. Only the complex mechanization could significantly reduce the work input in agriculture, but the quality of most Soviet machines was far behind the developed countries, for instance, in terms of the tractors' engine power (hp), productivity, and fuel consumption. Only the Vladimir and Chelyabinsk tractor factories and the Yaroslavl motor factory produced motors which met the fuel-consumption standards of that time, while most Soviet tractors and combine harvesters had outdated motors consuming too much fuel, which were produced by the Kharkov, Minsk, Altai and Rybinsk factories. Most produced agricultural machines were outdated and did not meet the world technical standards. From 700 Soviet tractor types, only 5 received the quality certificate. Matskevich underlined that farms also suffered

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture...

169. RGAE. F. 7486. D. 9207. L. 213-216.

170. RGAE. F. 7486. D. 9281. L. 55-66.

from high prices for new machinery, which limited the use of wheeled tractors. Nevertheless, he stressed that the supplies of poor-quality machinery were no longer acceptable, because it needed too much effort to operate¹⁷¹.

By August 1, 1982, the level of mechanization had hardly changed since 1971: still 68.6% of agricultural workers used only manual labor, only 26% were engaged in the mechanized work (including supply and side production). While in crop production 27% of workers at state farms and 23.6% at collective farms were engaged in mechanized work, the situation in animal husbandry was worse: 19.4% of workers at state farms and 8.4% at collective farms were engaged in mechanized work¹⁷².

On July 4, 1969, Matskevich presented (on the request of the 1968 CC Plenum) draft plans for the development of animal husbandry during the Five-Year Plan (1971-1975) with special sections (detailed information on measures, needed investment and imports)¹⁷³: development of milk production; industrial cattle fattening; livestock breeding; improvement of feed production technology, fodder storage and concentrated feed; rational use of hay and meadows; development of veterinary services; livestock diseases control, and so on. Matskevich stressed that costs of animal husbandry had increased significantly since 1962, mainly due to the high fodder losses and poor quality of feed which were determined by the lack of machines for feed production, lack of spare parts for available machines, lack of special storages for fodder, lack of bales and hay-drying equipment. Thus, feed costs made up 40-60% of total animal husbandry costs.

On May 4, 1971, Matskevich and Ezhevsky again informed the CC on the urgent need to mechanize the feed production in order to reduce the fodder harvesting time and, thus, to increase the quality of hay. Due to the lack of necessary machinery, hay harvesting often took 50 to 60 days, which caused the loss of nutritional value: about 1 million tons of hay protein was lost annually. Due to the lack of machinery, storage and packing material, many farms stopped to use silage¹⁷⁴.

Striking continuity: the shortcomings of agricultural production named by the Gosagroprom in 1986

On June 25, 1986, the *Gosagroprom* Committee discussed 'The design and production of a new machinery system for the complex mechanization of crop production and animal husbandry' during the Five-

171. RGAE. F. 7486. D. 9357. L. 189-234.

172. RGAE. F. 650. D. 331. L. 1-104.

173. RGAE. F. 7486. D. 9208-9209.

174. RGAE. F. 7486. D. 9356. L. 162-164.

Year Plan (1986-1990). The complex mechanization was to be carried out 'in a short time' – by 2000 – with the complex program to raise the quality of agricultural machinery¹⁷⁵, which was not a new task. Three decades earlier, the complex mechanization had become a standard for the developed Western countries. Already in the mid-1950, the Ministry of Agriculture demanded to copy the Western experience and started to import the high-quality Western models of agricultural machinery (Merl, 2020b). In 1969, the Ministry of Agriculture made a second attempt with the detailed draft decrees on the complex mechanization of animal husbandry during the FYP of 1971-1975. In 1986, 1960 and 1975 were changed for a new deadline – 2000 – for the complex mechanization, which was an obvious declaration of failure: the political system could not solve the task.

The third attempt followed the same path: like in the 1950s and in the second half of the 1960s, the 'effective cooperation' of the research and production of new machinery was to check all types of agricultural machinery for its compliance with the scientific-technical progress, for the reduction of time between designing and the start of mass production, for the technological ability to perform several operations at the same time, and for higher quality requirements. The production of more advanced and high-quality machinery was to be 'speed up', which was a banal obvious task not even worth mentioning by the *Gosagroprom* for Soviet monopolist factories did not produce reliable, efficient agricultural machines. In 1986, only one task was partly new: to increase 'the economic influence of clients on the production of high-quality agricultural machinery'¹⁷⁶.

Despite the resolution's common phrases, the speeches ruthlessly stressed the crucial shortcomings of the system that made the farms work with unreliable and poor-quality machinery. Ermin, the head of the RSFSR *Gosagroprom*, said that after the start of the non-black-earth program in 1974 nothing really changed: after 12 years, still no machinery suitable for the region was produced, although only wheeled tractors could increase yields on such soils. At that time, the key problem was the low quality rather than the lack of agricultural machines: there was no reliable machinery for animal husbandry, and even 'new' technologies were already outdated. Prices for inputs were too high, and often prices for the 'improved' machinery exceeded the real gain in productivity: for instance, the tractor K-700 was 50% more expensive but increased labor productivity only by 20%. Moreover, the industry still ignored the safety issues: neither the driver's cabin nor his seat was safe.

Ermin demanded from the industry to produce complex and high-quality machinery of all necessary types. Until then, mechanization had hardly reduced labor input, and the farms' costs were

175. RGAE. F. 650. D. 16. L. 1-57.

176. RGAE. F. 650. D. 16. L. 1-4.

growing instead of falling. There was hardly any mechanization of feeding in animal husbandry, about which farms were complaining in vain for years. Some of the needed machines, especially for silage production, were never produced, while others were out of production. The time for producing silage was still three times longer than necessary, and every year a half of green harvest was classified as fodder of low quality. It was impossible to produce high-quality silage without the necessary machinery, but the replacement of outdated machines in feed production was slower than in any other branches of animal husbandry. There was also a shortage of machinery for harvesting, sorting and processing of vegetables and fruits. 12 years after the CC and CM promised new machinery for the non-black-earth region, still no combine harvesters and machines suitable for the region were provided. The available machinery could not work in rainy seasons and on the soil that needed low tillage. Ermin mentioned that the trade image of the Soviet agricultural machinery was its low quality and unreliability. Nearly all machinery produced for animal husbandry was defective, as also were many brands of plows, cultivators, and potato harvesting machinery. Moreover, the defects of the combine harvester KSK-100 were known for a long time, but no new combine harvesters were to be designed and produced before 2000¹⁷⁷.

Motorny, the chairman of the collective farm with good results in Kherson, complained bitterly about the lack of high-quality machinery: "We do not need more tractors, we need tractors of a better quality". The farms lacked sowing machines and tractors with the necessary machinery (for instance, the T-150 was provided with just one cultivator). Motorny stressed that people were tired of the situation and lost trust in the state. He demanded the production of reliable combine harvesters (like produced in the GDR) and wondered why the industry provided so many poor-quality tractors and pipes instead of few reliable and high-quality ones. The Altai tractors permanently lost oil, but good metal was wasted for such junk; spare parts were suitable only for a special type of tractors or machines; many tractors were 'modernized' without any impact on productivity, and so on¹⁷⁸.

Cherdintsev, the team leader from Orenburg with a 43-year harvesting experience, stressed the dissatisfaction of workers who were forced to use manual labor due to the poor-quality machinery in animal husbandry. For instance, manure transporters were so poorly constructed that could not collect manure when fattening 6,000 head of cattle; farms had round bales, but no transport to collect them; the combine harvester KSK-100 was of such poor quality that nobody wanted to work on it. Only for three years the Soviet industry

177. RGAE. F. 650. D. 16. L. 5-11.

178. RGAE. F. 650. D. 16. L. 18-21.

was producing new combines Don-1200 and Don-1500 which worked great and provided comfort for the driver¹⁷⁹.

The director of the model state farm with the comparatively high labor productivity in Krasnoyarsk complained about the poor quality of machinery: thus, the plows damaged the soil, and many herbicides were needed, which meant ‘wasting millions of rubles’. He bitterly complained that often the relatively reliable machines were replaced by more defective or unsuitable. At his farm, for feed production they used the KPS-5I and the KSK-100, but his best drivers “were used to improving the defective machines produced by the industry: in the end, nothing was left from the original version”. High-quality feed production machinery was only delivered from abroad: for instance, the GDR mower had a cutting width of 4 meters, so the hay dried up after a few days, while the Soviet mower had a cutting width of 5 meters, so the hay did not dry but rotted in swaths. Animal husbandry urgently needed transport for silage, machines for spreading manure and workers¹⁸⁰.

The academic of the VASKhNIL Kryazkov, the director of VIM, made a crushing verdict on the Soviet agricultural machinery: about 80% did not meet the requirements. However, Soviet constructors should not be blamed – the problem was that the mass production of new machines had never started. Soviet agricultural machines were poorly made, unreliable and unstandardized, they caused the farms high costs for maintaining and repair. The industry was not responsible for its machinery, the farms did not participate in its testing, and the officials making decisions about production did not take into account the issues of repair¹⁸¹. Kelpis, the head of the Riga GSKB, accused the *Gosplan* of that new machinery often showed good results when tested, but, when put into mass production, only the lowest possible costs were taken into account. He described the situation with the complex mechanization of dairy production: some farms were close to the world standards, but the high-quality milking equipment was used just for 3% of cows, while 79% of cows were still milked with buckets¹⁸².

S. Merl

Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture...

Conclusion

Thus, there are several decisive factors of the failure of the complex mechanization:

- The lack of state support for solving basic tasks after Stalin, especially for the development of animal husbandry at large

179. RGAE. F. 650. D. 16. L. 22-24.

180. RGAE. F. 650. D. 16. L. 25-30.

181. RGAE. F. 650. D. 16. L. 40-45.

182. RGAE. F. 650. D. 16. L. 54-57.

farms. The governing bodies never provided the investment necessary for a fundamental reconstruction of the agricultural machinery industry, which determined the lack of high-quality feed harvesting machinery and transport in agriculture, and the waste of scarce resources in industry. The poor-quality machinery caused the farms high costs of maintenance, high consumption of spare parts and fuel, high harvest losses, and the need for a quick replacement of machinery. Thus, 'mechanization' hardly affected the agricultural labor productivity, and the official data on mechanization was 'fake' due to counting available rather than working machinery.

- No changes in the agricultural policy: following Stalin's precepts, the governing bodies, especially under Khrushchev, did not trust collective farms and feared their 'enrichment'. Although the basic conditions for working by themselves were not provided and the state purchase prices for animal products did not cover the production costs, the farms were to make investments. Without the complex mechanization, the desired reduction of labor input and increase in efficiency were not possible.
- The governing bodies' refusal to abandon the state command system in agriculture. Although in 1931 the responsibility for production in industry was transferred to the factories' directors, this never happened in agriculture. Most heads of collective and state farms were well qualified, but the state continued to interfere into their production. They could not buy the machinery they needed; therefore, farms never had enough high-quality transport and machinery in working condition to complete all steps of production on time. This contributed to the lack of personal responsibility for the means of production (*obezlichka*). Khudenko's reform based on the independent contract brigades was blocked under Brezhnev.
- Following Stalin's precepts, the governing bodies blamed farms and local authorities for shortcomings of mechanization which were actually determined by defective machinery. The Party leadership announced the 'socialist competition' to motivate the agricultural workers and introduced special honorary titles and orders. There were many awards and cash bonuses for production results and yields that were extremely poor in the international perspective. Without providing the high-quality means of production, Brezhnev's policy to raise wages and to improve living conditions in the countryside could not compensate for dissatisfaction with work. The well qualified younger generations needed for the complex mechanization left the countryside for cities, which determined a high turnover of workers in agriculture.

The basic shortcomings named by the Ministry of Agriculture in 1955 and in the late 1960s were the same the *Gosagroprom* named in 1986. The governing bodies either did not care or did not manage to eliminate the well-known shortcomings. They allowed the agricultural machinery factories to act as monopolists and blocked all direct contacts between the machinery producers and farms. Khrushchev's campaigns caused long-term harm to agriculture, while Brezhnev's campaigns never provided the promised high-quality inputs but contributed to the ever-increasing waste of scare resources.

References

- Merl S. (2020a) Agricultural reforms in Russia from 1856 to the present: Successes and failures in the international comparative perspective. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 2, pp. 56–87.
- Merl S. (2020b) Why the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev failed with the complex mechanization of agriculture: International aspects (1953–1986). *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 4, pp. 78–117.
- RGAE (Rossiisky Gosudarstvennyy Archiv Ekonomiki) [Russian State Economic Archive], Fond 7486 (Narodny kommissariat zemledeliya SSSR), Opis 1.
- RGAE (Rossiisky Gosudarstvennyy Archiv Ekonomiki) [Russian State Economic Archive], Fond 610 (Gosagroprom), Opis 1.
- Yanov A. (1984) *The Drama of the Soviet 1960s. A Lost Reform*, Berkeley: University of California.

Почему Советский Союз при Хрущеве и Брежневе не смог провести комплексную механизацию сельского хозяйства: внутренние проблемы страны (1953–1986)

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета. Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд, Германия.
E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Аннотация. В статье представлены результаты поисков ответа на вопрос, почему при Хрущеве и Брежневе Советский Союз не смог провести комплексную механизацию сельского хозяйства, но, в отличие предыдущей публикации, акцент сделан на внутренних проблемах страны. Автор полагает, что командно-административная система не смогла решить основную для сельского хозяйства задачу – обеспечить развитие животноводства на базе крупных сельскохозяйственных предприятий, и главной причиной было отсутствие высококачественного оборудования, которое бы позволило снизить трудовые затраты и издержки производства. За впечатляющим фасадом якобы великих реформ (освоение целинных земель, ликвидация машинно-тракторных станций, обещание Брежнева в 1966 году ускорить механизацию и программа 1974 года по развитию Нечерноземья), по сути, ничего не менялось. Ключевые недостатки сельскохозяйственного машиностроения, озвученные еще в 1955 году, не были устранены ни в 1969 году, ни после создания Госагропрома в 1986 году: практически вся сельскохозяйственная техника была плохо сделана и ненадежна, а потому наращивание масштабов ее производства при Брежневе было бессмысленной тратой ресурсов (уже тогда менее 10% техники соответствовали мировым стандартам последнего десятилетия). Вместо

того, чтобы увеличивать производительность труда, сельскохозяйственная техника приносила хозяйствам (и государству) огромные убытки. Провалы механизации (в первую очередь, отсутствие транспорта и техники для сбора кормов) приводили к тому, что большинство работников сельского хозяйства (70% в 1982 году) все еще занимались ручным трудом. В конце 1960-х годов министерство сельского хозяйства направляло в Центральный комитет и Совет министров панические отчеты о состоянии сельского хозяйства, безрезультатно требуя срочных мер и инвестиций в модернизацию сельскохозяйственного машиностроения, чтобы обеспечить соответствие техники мировым стандартам к 1975 году. В статье описаны проблемы в развитии животноводства, последствия таких государственных кампаний, как освоение целинных земель, превращение колхозов в совхозы и ликвидация МТС, предлагаемые варианты организации труда и его оплаты в сельском хозяйстве, а также состояние сельского хозяйства в 1955, 1969 и 1986 годы.

Ключевые слова: сельскохозяйственная модернизация, комплексная механизация, сельскохозяйственное машиностроение, эффективность сельскохозяйственного производства, производительность сельскохозяйственного труда, социалистическое соревнование, Хрущев, Брежнев, Худенко

Сибирская деревня в период коллективизации: микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области)

В.А. Ильных

Владимир Андреевич Ильных, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН; 630090 Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8. E-mail: agro_iwa@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется реконструкция истории села Плотниково Новосибирского района Новосибирской области в конце 1920-х — 1930-е годы. Работа выполнена в жанре микроистории, которая позволяет взглянуть на аграрную историю России сквозь призму повседневной жизнедеятельности ее непосредственных акторов — крестьян, объединенных в их первичные сообщества. Основной задачей статьи является воспроизведение хода коллективизации и определение ее цены на уровне отдельного сельского населенного пункта.

Коллективизация в Плотникове началась в конце 1929 года созданием коммуны-гиганта, которая развалилась после публикации статьи Сталина «Головокружение от успехов». На базе коммуны возник небольшой колхоз «Заветы Ильича». Коллективизация в селе возобновилась в 1931 году и завершилась к концу 1930-х. К этому времени в Плотникове не осталось ни одного единоличника.

Предметом освещения в статье также являются антикрестьянские репрессии, раскулачивание, локальный голод 1934/35 года, политика государства по регулированию размеров личных приусадебных хозяйств колхозников, поведенческие стратегии крестьян и сельских функционеров.

Сделан вывод, что к началу 1940-х годов по ряду показателей (численности населения, поголовью скота) Плотниково находилось или даже уступало уровню его развития в начале 1920-х годов. Коллективизация в целом негативно сказалась на уровне развития производительных сил сельского хозяйства в исследуемом селе. Испытания, которые выпали на долю жителей села в 1930-е годы, количественной оценке не поддаются и определяются нами вслед за В.П. Даниловым как «Трагедия советской деревни».

Ключевые слова: крестьянство, деревня, аграрная политика советского государства, коллективизация, колхозы, личные приусадебные хозяйства, микроистория, Сибирь, Т. Шанин, В.П. Данилов

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-71-90

Институализация современного крестьяноведения в России произошла в начале 1990-х годов. Важной вехой данного процесса явилась начавшаяся в 1990 году под руководством одного из основателей и ведущего теоретика peasant studies Т. Шанина реализация историко-социологического проекта «Изучение

социальной структуры российского села». Первоначально в рамках проекта предполагалось осуществить комплексное социологическое обследование, в том числе методом глубокого погружения, ряда типичных сел и деревень Нечерноземья, Центрально-Черноземной зоны, Поволжья, Северного Кавказа, российского Севера и Сибири. Помимо изучения современного состояния избранных для обследования сельских населенных пунктов также проводилась детальная репрезентация прошлого каждого из них, запечатленного в исторической памяти сельских жителей (Шанин, 2002: 9-10).

В ходе подготовки к осуществлению проекта было решено дополнить материалы социологов архивными материалами и краткими историческими справками по обследуемым селам, выполненными профессиональными историками. Историческую часть проекта, реализация которой началась летом 1991 года, возглавил один из ведущих российских историков-аграрников В.П. Данилов. Работа историков не ограничилась составлением справок, а завершилась созданием 16 полновесных монографических очерков по истории данных сел. В их числе подготовленные нами совместно с исследовавшим досоветский этап истории Г.А. Ноздриным очерки истории села Плотниково Новосибирского района Новосибирской области, села Шабаново Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области и поселка Александровка Завьяловского района Алтайского края. Часть подготовленных историками очерков была опубликована (Данилов, 2002: 119, 120, 123, 136-137).

В этих работах, в отличие от большинства классических исторических трудов, исследовались не абстрактные и безликие классы, сословия, большие территориальные и социальные группы, а непосредственные акторы аграрной истории — крестьяне, объединенные в их первичные сообщества. Это позволило сделать очерки более предметными и эмоционально яркими.

Настоящая статья представляет собой часть выполненного в рамках проекта «Изучение социальной структуры российского села» монографического очерка по истории села Плотниково Новосибирского района Новосибирской области. Хронологически и тематически статья ограничивается периодом коллективизации.

Двадцатилетие «рефлексивного крестьяноведения» в России является достаточным, но не единственным поводом для того, чтобы вновь обратиться к ранее подготовленным материалам. Еще одно основание для этого — современное состояние отечественной историографии проблемы коллективизации. Ряд крестьяноведов, не отрицая антикрестьянский характер аграрной политики советского государства в начале 1930-х годов, тем не менее полагают, что ее направленность кардинально изменилась к середине 1930-х. Встретив сопротивление крестьянства и осознав, что продолжение подобной политики создает угрозу существования их власти, лидеры сталинского режима и прежде всего И.В. Сталин пошли

на попятную и на компромисс с крестьянством. Показателем либерализации аграрной политики можно считать разрешение колхозной торговли и расширение нормативных размеров личного приусадебного хозяйства (ЛПХ). При этом переход к принципу колхозного строительства — «артель-село» вел к фактическому сохранению крестьянской общины. Это означало и сохранение крестьянства как класса, который был ликвидирован позднее, в результате политики Н.С. Хрущева (см.: Бабашкин, 2020). Если несколько утрировать данную позицию, то получается, что ее сторонники вручают Сталину лавры едва ли не главного сберегателя российского крестьянства.

Следует отметить, что определенная историческая логика в данной позиции есть. Однако ее адепты приходят к своим выводам, основываясь на традиционном для историографии общестрановом и крупнорегиональном подходах. Микроисторический подход, которым мы оперируем в данной статье, позволяет увидеть за историей крестьянства и деревни в целом судьбы не абстрактных, а конкретных людей. И поверить алгебру теоретических построений гармонией/дисгармонией деревенской жизни.

В качестве источников для написания работы использовались документы из фондов государственного архива Новосибирской области (ГАО), государственного архива города Новосибирска (ГАН), периодическая печать конца 1920–1930-х годов, а также хранящиеся в Банке данных проекта (БД) «Изучение социальной структуры российского села» «семейные истории» нескольких плотниковских старожилов, составленные по результатам их опросов участниками проекта новосибирскими социологами Л.И. Ковалевой и Л.В. Гребенник. Использовались также материалы Г.А. Ноздрина.

В настоящее время с. Плотниково расположено в восточной части Новосибирского сельского района на берегу р. Ини, правого притока Оби в 30 км от Новосибирска. Село неоднократно меняло свое административное подчинение. С 1925 по 1929 год оно, будучи центром одноименного сельсовета, входило в состав Каменского района Новосибирского округа Сибирского края. Летом 1929 года Каменский район был ликвидирован, а из него и Бугринского района образовали Новосибирский (сельский) район. Летом 1930 года упразднили окружную систему. Сельские районы бывшего Новосибирского округа вошли в непосредственное подчинение властям Западно-Сибирского края. Сельсоветы Новосибирского (сельского) района при этом передавались в ведение Новосибирского горсовета. В июне 1931 года Плотниковский и еще 8 сельсоветов, подчиненных Новосибирскому горсовету, были переданы в состав Алексеевского района (в начале июня 1933 года переименованного в Мошковский). С конца 1933 по начало 1936 года Плотниково в связи с упразднением одноименного сельсовета входило в состав Репьевского сельсовета. В 1936 году Плотниковский сельсовет

восстановили. Осенью 1937 года Западно-Сибирский край разделили на Алтайский край и Новосибирскую область. Мошковский район вошел в состав последней¹.

Село, основанное между 1811 и 1816 годами, особенно бурно развивалось в начале XX века. Факторами роста являлось близкое расположение от регулярных путей сообщения (р. Оби, Транссибирской магистрали²) и г. Новониколаевска. Первая мировая и Гражданская войны снизили (хотя и не остановили) темпы его развития. Сельскохозяйственный кризис, связанный с серией низких урожаев и налогово-податным переобложением деревни, в районе расположения села и регионе в целом приходится на начало 1920-х годов (см.: Сельское хозяйство, 2012: 401). Нехватка семян, рабочего скота, отсутствие стимулов для расширения пашни, изношенность сельскохозяйственного инвентаря предопределили сокращение посевной площади. Ситуация в сельском хозяйстве осложнилась летом 1922 года, когда значительная часть яровых погибла от засухи. До четверти населения Каменской волости, в которую входило Плотниково, в том числе и многие жители самого села («которые совершенно питаются травой»), в связи с этим голодали³.

Восстановление аграрного производства в Плотникове началось в 1923 году в связи с уменьшением налогообложения и расширением государственной помощи крестьянству. Площадь посева в Плотниковском сельском обществе в 1923 году по сравнению с предыдущим годом увеличилась в 1,5 раза. В середине 1920-х годов тенденция поступательного развития сельхозпроизводства сохранилась. В 1927 году плотниковские крестьяне засевали 843 дес. (в 1921-м — 331 дес.). Поголовье лошадей в том же году составляло 414 голов, крупного рогатого скота (КРС) — 427, коров — 220, свиней — 433, овец — 659 голов (в 1923 году — соответственно 261, 331, 154 и 141 голова). В 1921 году в селе проживал 751 человек (380 лиц мужского и 371 женского пола), в 1927 году — уже 911 человек (443 мужчины и 468 женщин)⁴. Следует отметить, что показатели 1927 года уступали аналогичным показателям 1917 года по количеству населения и конскому поголовью. Ниже, чем до Революции, была и товарность крестьянских хозяйств.

Резкое усиление экономического и политического давления на деревню со стороны правящего режима в конце 1920-х годов

1. См.: Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. — июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. — сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): Справочник. Новосибирск, 1966. С. 170, 173-174, 177, 186, 187.

2. В настоящее время с. Плотниково находится на расстоянии 20 км от Транссибирской магистрали.

3. ГАНО. Ф. Р-1520. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.

4. ГАНО. Ф. Р-1520. Оп. 1. Д. 7. Л. 14; д. 29. Л. 28; Ф. Р-1989. Оп. 1. Д. 145. Б/л.

не могло не сказаться на хозяйственном положении крестьянства. Сравнение данных похозяйственных списков 1927 и 1929 годов по Плотниковскому сельсовету показывает, что поступательное движение сельской экономики фактически прекратилось. Так, количество продуктивного скота на территории сельсовета возросло незначительно (на 11 голов), а количество рабочих лошадей, напротив, снизилось на 11 голов. Уменьшилось и количество сложных сельскохозяйственных машин. В то же время выросло число беспосевных, безлошадных и бескоровных хозяйств⁵.

Осенью 1929 года усилились антикрестьянские репрессии. В октябре были приговорены к расстрелу два жителя села Плотниково — Ф.И. Басак и А.Я. Ощепков, «которые систематически вели злостную пропаганду, призывая население не сдавать хлебные излишки, избили бедняка Сидорова и угрожали расправой бедняку Звереву, секретарю ячейки и др.»⁶. С этих акций в Плотникове и началась коллективизация. В спецсводке ОГПУ сообщается, что «после проведения карательных мероприятий по хлебозаготовкам в с. Плотниково была организована коммуна в числе 26 хозяйств»⁷. В ноябре 1929 года после проведения «недели коллективизации» число членов коммуны, получившей наименование «Заветы Ильича», увеличилось. В декабре нажим на крестьян с целью заставить их вступить в коммуны резко усилился. Всевозможные уполномоченные устраивали почти ежедневные многочасовые собрания. Предложение части селян создать ТОЗ было ими отвергнуто. Уполномоченные и местные активисты разверстывали на крестьян, не желающих вступить в коллективное хозяйство, «твердые» налоговые и заготовительные задания, устраивали обыски, описывали и распропадавали имущество. Частыми стали аресты и случаи издевательств. Так, А.В. Романовича (тестя респондента И.Ф. Митракова) заперли на ночь в топящейся бане за то, что он не хотел вступать в коммуны. «Пришел он утром: гори она и корова, и все, уведу, отдам» (в колхоз. — В.И.)⁸.

На базе коммуны «Заветы Ильича» создали коммуны-гиганты с тем же названием, в которой на конец декабря 1929 года насчитывалось уже 273 хозяйства, в том числе 115 из Плотникова и 158 из соседних сел Репьева и Шмакова⁹. Точные размеры коммуны к марту 1930 года нам не известны. Но судя по воспоминаниям респондентов, в нее удалось загнать почти всех проживающих в Плотникове крестьян (за исключением раскулаченных).

Коллективизация сопровождалась экспроприацией и высылкой в отдаленные районы наиболее зажиточных крестьян. В январе 1930

5. ГАО. Ф. Р-1899. Оп. 1. Д. 677. Л. 3; Ф. Р-1989. Оп. 1. Д. 145. Б/л.

6. Советская Сибирь (Новосибирск). 1929. 27 окт.

7. ГАО. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 31. Л. 173.

8. История семьи Митраковых (записано Гребенник Л.В.) // Б.д.

9. ГАО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 361.

года с территории Плотниковского сельсовета выслали в Нарымский край кулаков «первой категории»¹⁰: 60-летнего П.М. Мигунова вместе с женой Софьей 62 лет, дочерью Пелагеей 22 лет, сыновьями Николаем 16 лет и Егором 14 лет; 43-летнего П.И. Плотникова вместе с отцом Иваном Андреевичем 61 года, женой Анной 42 лет и сыном Арсением 22 лет. 4 февраля 1930 года собрание плотниковской бедноты постановило «ликвидировать» хозяйства Н.И. Брюхно, Марфы Басак, К.А. Нестеренко, Н.Ф. Скопцова, В.И. Ощепкова, П. Панкратова, П.О. Красковского «как вредные»¹¹. Эти крестьяне вместе семьями были также высланы на Север. При этом следует иметь в виду, что большинство наиболее зажиточных плотниковцев, трезво оценив обстановку, к началу массовой коллективизации из села уже бежали. Однако чтобы добрать количество высылаемых до спущенной сверху разрядки¹², в число «кулаков» включались крестьяне, официально относимые к середнякам.

Руководство коммуны «Заветы Ильича», как отмечалось в спецсводке ОГПУ, вместо налаживания хозяйства обращало внимание на проведение в жизнь мероприятий политического характера. Так, в с. Репьева коммунары ликвидировали церковь, что вызвало недовольство населения округи. Т.С. Стельмахова рассказывала, что жители Репьева и Плотникова пытались ее защитить: «Народ прямо проклинал все на свете за церковь! Ну не хочешь, не ходи в церковь! Ну а зачем уничтожать? Хорошая церковь была, она не уступала городской. А колокола стали снимать, все и наши уехали туда, толпой стояли, защищали. И один нашелся маленький мужчина и говорит: „А я колокола сниму, мне советская власть доверила“. Тут баба одна и говорит: „Тебя советская власть и не видала, такое барахло. Колокола хай будут!“ Просили, аж плакали, и вот сумел, колокола он отцепил как-то, такая высота была. Колокола как полетели, а его как кинуло ветром на землю, било часа 2 и умер. А бабы говорят: „Его Господь сбросил“. Все ходили. Здесь село пустое было»¹³.

Партийка и Совет коммуны 11 января решили объединить имущество коммунаров, за исключением жилья и одежды. «Вопрос без всякой проработки был вынесен на обсуждение членов коммуны, и когда стали настаивать на немедленном объединении продовольственного хлеба среди коммунаров, получилось разногласие. В особенности женщины по своей инициативе стали

10. В первую категорию входил «контрреволюционный кулацкий актив» (СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 105).

11. ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 849. Л. 42; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 818. Л. 9; Ковалева Л.И. Плотниково: власть на селе // БД «Изучение социальной структуры российского села».

12. Доля крестьянских хозяйств, подлежавших раскулачиванию, определялась для Сибири в 4–5% (Коллективизация сибирской деревни, 2009: 207).

13. История семьи Митраковых.

писать групповые заявления о выходе. На почве объединения продуктового хлеба из коммуны были намерены выйти до 50 хозяйств». Совет коммуны данную ошибку учел и свое решение отменил. На общем собрании приняли постановление: «Продуктовый хлеб точно учесть, норму оставив у каждого коммунара, объединив только выявленные хлебные излишки»¹⁴. Тем не менее часть семей сельских активистов (около 30 чел.) решили полностью объединить свое имущество, поселившись в отобранном у мельника доме («Жили вместе, готовили по очереди»).

Образования, подобные коммуне «Заветы Ильича», были непрочными и держались лишь на угрозе насилия. Доказательством этого стал массовый выход крестьян из нее после опубликования известной статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов». В Новосибирском районе в целом уровень коллективизации снизился с 87,9% на 20 марта до 19,5% на 10 апреля и 14,8% на 10 мая 1930 года¹⁵. В Плотникове верными «социалистическому выбору» остались только 11 семей, организовавших в селе сельхозартель под тем же названием «Заветы Ильича»¹⁶.

Развал коммуны сопровождался несанкционированным разбором крестьянами имущества, которое они ранее передали в собственность коллективному хозяйству. Этому предшествовали два нелегальных собрания группы крестьян-середняков из семи человек. Сагитированные членами группы плотниковцы с 21 по 26 марта разобрали практически все колхозное имущество. «Причем, — как сообщается в спецсводке ОГПУ от 16 апреля, — группа крестьян человек до 30, руководимая членом группировки Цыганковым, 26 марта вечером явившись на конный двор коммуны, разбирая своих лошадей и сено кричали: „Нас ограбили разбойники, воры. Пойдем расправимся с коллективами!“»¹⁷. Плотниковская молодежь распевала по этому случаю тут же сочиненную частушку: «Кто за гриву, кто за хвост, растащили весь колхоз».

На 20 июня 1930 года в Плотникове насчитывалось 174 двора с 904 жителями. Весной 1929 года здесь было 165 дворов, в которых проживал 921 человек. Таким образом, за год с небольшим численность населения в селе снизилась, тогда как количество дворов (за счет их ускоренного дробления) увеличилось. В сельхозартели «Заветы Ильича» состояло 16 дворов со 102 едоками. В колхозе насчитывалось 22 лошади и 9 коров. Колхозники весной 1930 года засеяли 127 га пашни. Вне сельхозартели в Плотникове проживали 802 человека, объединенных в 158 дворов. Площадь посева в единоличном секторе составляла 619,9 га. Всего в старой границе землепользования Плотниковского земельного общества было

14. ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 298.

15. ГАНО. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1503. Л. 61.

16. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 784. Л. 27.

17. ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 569, 629.

засеяно 754,8 га (общественная запашка Крестьянского комитета общественной взаимопомощи (ККОВ) составляла 7,9 га)¹⁸.

Осенью 1930 года правящий режим, оправившись от апрельского поражения, начал новый тур борьбы с крестьянством с проведения очередной хлебозаготовительной кампании. Плотниковских крестьян-единоличников обязали сдать государству 11 тыс. пудов. Это задание было выполнено уже к 25 октября. Однако на совместном заседании ячейки ВКП(б) и группы бедноты был принят так называемый встречный (дополнительный) план в размере 2,5 тыс. пудов¹⁹.

Осенью 1930 года власти стали уделять колхозам значительно больше внимания. 22 ноября на заседании президиума Новосибирского горсовета, в подчинении которого находился Плотниковский сельсовет, констатировались слабые темпы коллективизации в районе. Ее уровень к этому времени по сравнению с началом июня 1930 года вырос с 14,8 до 15,9%. На заседании отмечалась плохая организация труда в оставшихся коллективных хозяйствах, низкая его производительность, отсутствие трудовой дисциплины. Основные причины сложившегося положения власти видели не в своих ошибках, а в «засоренности» колхозов «классово-чуждыми элементами и кулачеством», которые стремились «разложить их изнутри». В числе наиболее «засоренных» был назван и колхоз «Заветы Ильича». Тем не менее участники заседания считали, что они в состоянии выполнить решение V окружной конференции ВКП(б) о сплошной коллективизации к весне 1932 года²⁰.

Чтобы сдвинуть процесс коллективизации, новосибирское руководство пошло по уже испытанному пути, послав в деревню горожан. В Плотниковский сельсовет направили бригаду из пяти человек: Игнатова С. (мельница № 3), Ферапонтова Я. («Союзгруз»), Калинина («Союзхлеб»), Брикулина (кирпичный завод) и Антонова (кожкомбинат). Из них три первых были членами ВКП(б). Вместо исключенного из кандидатов в члены ВКП(б) и отрешенного от должности местного жителя Кочана, которому было инкриминировано, что он «знал о наличии кулаков в сельхозартели „Заветы Ильича“, фактически руководил артелью, не приняв мер к их изоляции», на должность председателя Плотниковского сельсовета назначили новосибирского рабочего, члена компартии Гайдалова²¹.

Прибывшие в Плотниково рабочие занялись выявлением «классовых врагов» и чисткой колхозов. Из артели «Заветы Ильича» были исключены Сатыга Ф.К. и Коледа Т.А. с семьями. На объединенном заседании правлений колхозов «Новостройка»

18. ГАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 287. Л. 109; ГАНО. Ф. Р-1989. Оп. 1. Д. 14. Б/л.

19. ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 3. Д. 20. Л. 26.

20. ГАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 256. Л. 184-185.

21. ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 3. Д. 41. Л. 5; Д. 3. Л. 142; Д. 40. Л. 70б.

(Шмаково) и «Заветы Ильича» 28 декабря по поводу последнего было принято следующее решение: «Слушали выявление кулаков в колхозе <...> Все мероприятия, коллективизация проходят при классовой борьбе. Коледа Тимофея Александровича отнести к зажиточной части и исключить из колхоза». И это несмотря на то что Коледа Т.А. был в свое время председателем Плотниковского ревкома, занимал другие выборные должности (председателя ККОВ, председателя Репьевско-Плотниковского общества потребителей), в 1927 году был одним из организаторов и членом правления машинного товарищества «Коллективный труд», одним из первых вступил в коммуну «Заветы Ильича» и работал в ней завхозом. Весной 1930 года его семья в числе 11 других на развалинах коммуны-гиганта организовала одноименную сельхозартель, где Коледа работал бригадиром по полеводству. Тем не менее ему припомнили, что он до 1925 года нанимал (в связи с занятостью на выборных должностях) сроковых батраков на период сева и уборки, а также в 1922 году арендовал переправу через р. Иню²².

Филиппа Карповича Сатыгу обвиняли в том, что он «эксплуатировал наемный труд и сельхозмашины²³, занимался скупкой бедняцких покосов и продавал с прибылью²⁴, торговал живым скотом и водкой из-под полы, держал переправу через реку, с неуплативших деньгами брал седелки, снимал шапки, брал овец. Во время пребывания в колхозе вел разлагательную работу. Работал счетоводом, подделывал счета»²⁵.

«Вычищенные» из колхоза крестьяне зачислялись в разряд «кулаков». За этим следовало их индивидуальное обложение сельскохозяйственным налогом, иными видами денежных налогов и сборов²⁶, разверстка на их хозяйства «твердого» хлебазаготовительного задания²⁷. Всего до начала 1931 года

22. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 784. Л. 26-27.

23. Речь идет о сдаче в наем сельхозмашин.

24. Речь идет об аренде покосов, выделенных общиной ее членам, с целью их дальнейшей субаренды.

25. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 784. Л. 107.

26. В соответствии с действующим налоговым законодательством в трудовых крестьянских хозяйствах сельхозналогом облагалась лишь часть годового дохода. Индивидуальное обложение, применяемое к хозяйствам, относимых к категории кулацких, предполагало обложение всей совокупности доходов. Сумма сельхозналога на такое хозяйство в 1930/31 окладном году в Сибирском крае почти в 15 раз превосходила обложение остальных единоличников, выплачивающих налог. При этом сельхозналог составлял лишь 45% от суммы обязательных денежных платежей, предварительно начисленной на один облагаемый в индивидуальном порядке двор (Аграрная политика, 2011: 488).

27. Объем так называемого твердого заготовительного задания должен был равняться всем выявленным в облагаемых им хозяйствах «товарным излишкам» хлеба.

в категорию кулацких попало 12 крестьянских семей, проживающих на территории Плотниковского сельсовета. Восемь из них от непосильного налогового-податного обложения сбежали из деревни. В начале 1931 года инспекторами горфинотдела было выявлено еще 3 семьи для индивидуального обложения²⁸.

В мае 1931 года в Сибири была проведена еще более широкомасштабная, чем в предыдущем году, операция по депортации жителей деревни, относимых к «кулакам» (см.: Аграрная политика, 2011: 487-488). С территории Плотниковского сельсовета в Нарымский край были высланы семьи:

1. Панцевич С.Я., 27 лет (члены семьи — жена Анна 24 лет, сын Петр — 2 лет, мать Пелагея 71 года);

2. Панцевич М.Я., 35 лет (жена Анна 35 лет, дочери Елена и Мария 18 и 8 лет, сыновья Александр и Петр 4 лет и одного года);

3. Сатыги Ф.К., 43 года (жена Татьяна 39 лет, мать Христина 66 лет, сыновья Василий и Александр 16 и 6 лет, дочери Анна, Мария, Ольга, Елена и Нина — соответственно 13, 11, 8, 3 лет и одного года);

4. Плотникова А.С., 37 лет (жена Анастасия 36 лет, мать Евдокия 61 года, сыновья Матвей, Николай и Петр 17, 11 и 8 лет, дочери Евдокия, Марфа, Навида 15, 6 и 2 лет).

Кроме того, была выслана семья осужденного на 5 лет начетчика баптистской секты Башко В.Ф. — жена Ирина 39 лет, дочь Лидия и годовалый сын Петр. Всего, таким образом, в 1931 году на спецпоселение было выслано как минимум 32 человека.

Вышеприведенные сведения извлечены нами из списка крестьян Плотниковского сельсовета, лишенных избирательных прав в период с 1928 по 1932 год. В этот список внесена 31 семья в составе 149 человек. Из них на октябрь 1932 года были расстреляны 3 человека, находились в тюрьмах и на спецпоселении 3 и 40 человек соответственно, сбежало в неизвестном направлении 28 человек, проживали в Новосибирске 44 человека и на территории Плотниковского сельсовета 31 человек²⁹.

Депортация сделала свое дело. Темпы коллективизации резко увеличились. Ее уровень в Новосибирском сельском районе вырос с 21% на середину марта 1931 года до 37% на конец мая. В июне 1931 года доля крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы, в Алексеевском районе, в состав которого был передан Плотниковский сельсовет, составляла 35%³⁰.

Ликвидация единоличного крестьянства как класса продолжалась до конца 1930-х годов. Налоговый нажим, ограничение землепользования, политическое и административное давление,

28. ГАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 256. Л. 117.

29. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 818. Л. 9-13.

30. ГАН. Ф. 33. Оп. 1. Д. 282. Л. 301; 405; ГАНО. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 100. Л. 115.

постоянная угроза депортации вынуждали крестьян-единоличников либо вступать в колхозы, либо бежать из деревни. К концу 1932 года вне колхозов в Алексеевском районе было 55% крестьянских дворов, в начале 1934 года в Мошковском районе³¹ — 48%, на долю которых приходилось 24% посевной площади, в начале 1936 года — 19%, а к 1937-му — не более 10%³².

Количественный состав сельхозартели «Заветы Ильича» в 1932–1940 годах изменялся следующим образом (данные на конец года)³³:

Год	Дворов	Населения в них
1932	58	нет свед.
1934	106	434
1935	147	606
1936	151	нет свед.
1937	116	605
1938	114	522
1939	123	526
1940	110	441

Наибольший рост числа колхозников в Плотникове, как и в целом по Западной Сибири, приходится на 1935 год, что связано с начавшимся в предыдущем году существенным усилением давления органов власти на единоличников (см.: Аграрная политика, 2011: 525–526, 539). Точные причины снижения числа колхозных дворов сельхозартели «Заветы Ильича» в 1937, 1938 и 1940 годах нам неизвестны. Но вероятнее всего, они были общими для всего региона — добровольный выход и выезд или бегство из деревни, исключение из колхоза лиц, не выработавших минимума трудодней, нарушающих трудовую дисциплину, не устраивающих власти по политическим мотивам.

Однако увеличение уровня коллективизации происходило не столько за счет приема в колхозы новых членов, сколько за счет существенного сокращения сельского населения. Бывшие единоличники в своем большинстве не вступали в колхозы, а уходили в города и рабочие поселки.

По мере роста уровня коллективизации уменьшалось число единоличников. На 1 января 1935 года в Репьевском сельсовете

31. Изменение названия района произошло в связи с переименованием райцентра — с. Алексеевского — в с. Мошково.

32. Алексеевский колхозник. 1933. 18 янв.; ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 3. Д. 40. Л. 211; Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2766. Л. 69.

33. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 3. Д. 20. Л. 66; ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 414. Л. 56; Д. 454. Л. 30; Д. 534. Л. 91; Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 25. Л. 89; Д. 120. Л. 193; Д. 217. Л. 189; Д. 343. Л. 121.

было 592, а на 1 января 1936 года 158 хозяйств единоличников. На 28 августа 1937 года на территории Плотниковского сельсовета насчитывалось всего 11 единоличных дворов. К началу 1940 года их не было ни одного³⁴. Вспоминает П.П. Логинова: «И последних единоличников налогами задушили <...> Потом человеку уже некуда было деваться. Поле где-то далеко, далеко в логах давали. Невыносимо было, и он шел в колхоз, подавал заявление. Никогда никто по согласию не шел. Человек привык всю жизнь сам по себе жить. <...> Потом и старики уже в колхоз вошли. А то все не хотели: „Не пойдем в ад!“ А деваться уже некуда было»³⁵.

Единоличники вступали в колхоз или покидали места постоянного проживания из-за непомерного налогового гнета и оказываемого на них морально-политического давления. Однако положение колхозников было ненамного лучше, а иногда и хуже, чем у крестьян-единоличников.

Наиболее тяжелым для селян восточных районов Западно-Сибирского края, включая Мошковский, был 1934/35 год. 1934 год оказался неурожайным. В конце лета и начале осени там шли почти непрерывные дожди, что привело к замедлению темпов хлебозаготовок и к массовым потерям зерна (см.: Ильиных, Лапердин, 2020: 269-270). Тем не менее краевые, а затем и районные власти квалифицировали объяснение руководителей колхозов и сельсоветов о причинах сложившегося положения как «мокрые настроения» и «кулацкую агитацию, направленную на оттяжку и срыв зернопоставок государству». За «преступную неорганизованность и безответственность в руководстве кампании по уборке, обмолоту и сдаче зерна государству» президиуму Репьевского сельсовета, в составе которого находилось с. Плотниково, в конце августа 1934 года был объявлен выговор, а сельсовету в целом вручено «рогожное знамя»³⁶.

Однако от грозных окриков со стороны районных и краевых властей хлеба в колхозах не прибавилось. А тот, который удалось убрать и высушить, был почти подчистую изъят государством. Зерна не хватало даже для засыпки семян. В «Заветах Ильича» зерновых в семфонде было лишь 43% от необходимого. В результате, как сообщал заместитель начальника УГБ НКВД по Западно-Сибирскому краю, на трудодни в Мошковском районе даже в самых благополучных колхозах за 1934 год было выдано в пять раз меньше, чем за предыдущий год в целом по району. Многие же колхозы вообще не имели хлеба для выдачи по трудодням. В ответ на это

34. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2766. Л. 70; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 70. Л. 106; Д. 94. Л. 94.

35. История семьи Логиновой П.П. (записано Ковалевой Л.И.) // БД «Изучение социальной структуры российского села».

36. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 38. Л. 101.

колхозники в массовом порядке отказывались от выхода на работу, за что их из колхозов исключали. Продовольственные карточки в конце 1934 года были отменены. Однако хлеба в продаже не было ни в магазинах, ни на базарах. Крестьяне в этих условиях были вынуждены питаться суррогатами³⁷.

Ситуация осложнялась еще и тем, что многие колхозники не имели скота в своих ЛПХ. Его «обобществили» на начальных этапах коллективизации. Отсутствие или минимальные размеры ЛПХ в сочетании с крайне скудной натуральной и денежной оплатой труда в колхозах приводили к постоянному недоеданию, периодически переходившему в голод. Полуголодные крестьяне не имели ни сил, ни желания работать на колхозных полях и фермах. Для того чтобы исправить ситуацию, лидеры большевистского режима сделали ставку на определенное расширение размеров приусадебного хозяйства. Еще весной 1932 года ЦК ВКП(б) осудил практику принудительного обобществления скота колхозников и призвал оказать членам колхозов, не имеющим коров или мелкого скота, помощь в приобретении и выращивании молодняка. Задача ликвидации бескоровности колхозников была также поставлена в августе 1933 года (Аграрная политика, 2011: 526, 527).

Однако ситуация в личном секторе экономики выправлялась достаточно медленно. В конце 1934 года в «Заветах Ильича» из 106 хозяйств коровы были в 50 (50 голов), телки в 9, свиньи в 25 (28 голов), овцы в 26 (51 голова). 47 колхозных дворов не имели ни коров, ни телок, а 43 — вообще никакого скота (в 1926 году никакого скота в Плотникове не было лишь в трех хозяйствах)³⁸. Основным продуктом питания сельских жителей в этих условиях стал картофель. Однако часть его урожая, а также часть произведенного в ЛПХ молока, шерсти и мяса колхозники сдавали государству в счет обязательных поставок. К мясopоставкам же привлекались все колхозные дворы, «независимо от наличия в этих хозяйствах скота и птицы». Если таковые у них отсутствовали, мясо следовало купить у соседей или на рынке, а затем сдать государству (Аграрная политика, 2011: 512-513).

Наученные горьким опытом 1932–1933 годов, власти в начале 1935 года предприняли ряд мер с целью не допустить массовой гибели жителей села от голода. Большим группам колхозников официально разрешили отходничество. Из Мошковского района 495 человек в организованном порядке были отправлены в Омскую область. На конец 1934 года в «Заветах Ильича» в отходе находилось 32 его члена. В начале 1935 года в районе была организована торговля завезенным хлебом. Колхозам выдали возвратную семенную

37. ГАНУ. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 277. Л. 31.

38. ГАНУ. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 414. Л. 57.

ссуду. Весной сельхозартели района получили ссуду отрубями для поддержания тягловой силы на период сева³⁹.

Для укрепления ЛПХ в этом году стала более широко практиковаться передача и продажа скота с колхозных ферм в личную собственность колхозникам. В «Заветах Ильича» в течение года его членам передали 11 овец и 53 свиньи. Кроме того, была осуществлена прирезка из земель выгона в приусадебные участки сельских жителей 44,4 га⁴⁰. Трагедии, подобной случившейся за два-три года перед тем в Поволжье и на Украине, в недородных районах Западной Сибири в 1934/35 году не произошло. Тем не менее убыль населения в Плотникове продолжалась. В 1936 году в селе насчитывалось 162 семьи в составе 693 человек⁴¹.

Взросшее внимание к ЛПХ во второй половине 1930-х годов дало свои плоды. На личных подворьях сельских жителей появлялось все больше сельскохозяйственных животных. В 1936 году в Плотникове коров и телок не имели 25, свиней — 14, овец — 12 колхозных дворов. В 1937 году бескоровными оставались 12 семей. В 1939 году коров, свиней и овец имели 122 хозяйства из 123, входящих в «Заветы Ильича»⁴².

Однако рост ЛПХ наталкивался на пределы, установленные в Уставе сельхозартели. Превышение нормативных размеров личного подворья, по мнению властей, отвлекало крестьян от работы в колхозе. В связи с этим в 1939 году была проведена первая широкомасштабная кампания по ограничению размеров ЛПХ, которая заключалась в изъятии у колхозников и других жителей деревни «излишков» скота и земли, а также значительном увеличении размеров налогового-податного обложения личного сектора аграрной экономики (см.: Аграрная политика, 2011: 570-572). Лишняя земля отрезалась, а сверхнормативный скот подлежал передаче на колхозные фермы или забою и сдаче государству по ценам мясопоставок⁴³. В «Заветах Ильича» выявили 12 нарушителей Устава сельхозартели по нормам содержания скота в ЛПХ. Двое из них (Черных А.Д. и Кузнецов И.П.) имели в своих хозяйствах рабочих лошадей, восемь — по две коровы и один — 12 овец. Кроме того, в Плотникове было 4 семьи, имевшие по 80 сотых га огорода. Причем правление колхоза разрешило последним дополнительную посадку картофеля еще и в поле⁴⁴. Размеры ЛПХ

39. ГАНО. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 277. Л. 31; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 49. Л. 35-36; Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 414. Л. 56.

40. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 66. Л. 100; Д. 55. Л. 103.

41. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2766. Л. 70.

42. ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 534. Л. 92; Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 25. Л. 90; Д. 217. Л. 122.

43. Государственные заготовительные цены, которые уплачивались крестьянам за обязательные мясопоставки, на порядок уступали рыночным.

44. В соответствии с Примерным уставом сельхозартели, утвержденным ЦК ВКП(б) и СНК СССР 18 февраля 1935 г., содержание лошадей

указанных хозяйств были доведены до установленных нормативов. Однако 4 колхозника (Лавренко Д.П., Волков И.Н., Монич П.У. и Шикюля И.) вместо того, чтобы сдать «лишних» коров государству или колхозу, продали их на рынке⁴⁵.

На взаимоотношения государственных и партийных органов с крестьянством в 1930-е годы существенное влияние оказывала сталинская теория обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Не минули Плотниково репрессии 1937 года, когда арестовали проживавших в селе бывших военнопленных австро-венгерской армии и поляков⁴⁶. Однако репрессировали в 1930-е годы не только «шпионов». Даже вызванное объективными обстоятельствами невыполнение многочисленных государственных планов и заданий могло быть квалифицировано как акт открытого, имеющего политический характер сопротивления. Впрочем, без сопротивления, преимущественно пассивного, не обходилось. Именно так, на наш взгляд, можно квалифицировать многое в поведении местных плотниковских функционеров, ряд представителей которых хотя и не были настоящими народными защитниками, но все же «не расшибали себе лоб» в стремлении как можно скорее выполнить любое приказание сверху и старались по возможности облегчить жизнь своих односельчан.

Вероятно, поэтому Плотниковский и Репьевский сельсоветы, село Плотниково, колхоз «Заветы Ильича» при проведении хозяйственно-политических кампаний в 1930-е годы не находились в передовиках, а числились среди отстающих, а порой и «саботажников». Так, в начале 1933 года колхозу «Заветы Ильича» было поставлено на вид за то, что в нем приступили к выдаче хлеба на трудодни, не засыпав и трети семенного фонда⁴⁷. Осенью того же года по поводу слабого темпа уборочных работ в этом колхозе президиум Мошковской РКК-РКИ принял пространное постановление, в котором объявлялось об исключении из рядов ВКП(б) председателя правления сельхозартели Чердакова «за срыв уборочной кампании, не сдачу в срок хлеба государству, за бесхозяйственность, за бесконтрольность в расходовании

в ЛПХ колхозников земельных районов Уставом сельхозартели не предусматривалось. Нарушением устава также являлось предоставление колхозникам земли для посадок на колхозном поле. В соответствии с нормами Устава в Мошковском районе (зерновая зона) предоставляемый для приусадебного посева участок не должен был превышать 0,8 га. Колхозникам района разрешалось иметь 1 корову, до 2 голов молодняка КРС, 1–2 свиноматки с приплодом, до 10 овец (СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82; Советская Сибирь. 1935. 28 апр.).

45. ГАНУ. Ф. П-70. Оп. 1. Д. 374. Л. 61, 192; Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 79. Л. 22.

46. Гребенник Л.В. Плотниково: социально-пространственная картина жизни сельского населения // БД «Изучение социальной структуры российского села»; История семьи Логиновой П.П.

47. Алексеевский колхозник (с. Алексеевское). 1933. 27 янв.

хлеба», и о передаче материалов на него в следственные органы⁴⁸. В постановлении президиума Мошковского райисполкома от 26 октября 1934 года сообщалось, что правление сельхозартели «Заветы Ильича» укрыло от обложения часть поголовья КРС, к сдаче молока приступило только с начала октября и за две с половиной декады месяца выполнило план молокопоставок только на 3%⁴⁹.

Неудовлетворительно, по мнению властей, обстояли дела в Репьевском сельсовете со сдачей хлеба государству единоличными хозяйствами в 1935 году. Вместо запланированного по району окончания выполнения годового плана зернопоставок по единоличникам к 15 сентября он был выполнен к этому сроку на 42%. По Репьевскому сельсовету выполнение составило лишь 15%. Особый гнев районных властей вызвал председатель сельсовета А.Е. Бобров, который, взяв в колхозах молотилки, помог единоличникам обмолотить зерно, однако вместо того, чтобы заставить их немедленно сдать намолоченный хлеб государству в счет выполнения плана обязательных поставок, позволил развезти его по дворам. Более того, А.Е. Бобров выдал членам сельсовета, которые обеспечивали работу молотилок, заработную плату зерном. Последнее было квалифицировано Мошковским райисполкомом и бюро райкома ВКП(б) как «факт организованного хищения хлеба единоличников»⁵⁰.

«За саботаж хлебосдачи по единоличному сектору, за допущение хищения хлеба единоличников членами сельсовета, за сознательную затяжку молотьбы в единоличном секторе» президиуму Репьевского сельсовета был объявлен строгий выговор, а председатель снят с работы, исключен из партии и отдан под суд. Вместе с А.Е. Бобровым к судебной ответственности были привлечены («хищники», как их назвал на страницах мошковской районной газеты селькор «комсомолец Петрикевич») члены Репьевского совета Шкадов Е., Шкадов И., Савченко С., Гладкий И., Кобзарев и Хорошуля, получившие указанную оплату натурой. Осужден на один год исправительных работ был еще один член того же сельсовета Забавчук А., который принял зерно от единоличников Бутылкина Ф. и Матько на хранение с целью его сокрытия⁵¹.

После выполнения отдельными колхозами и районами годового государственного хлебозаготовительного плана в них начиналась кампания по хлебозакупу. От имени государства его вела потребкооперация. Закупочные цены на 20–25% превышали цены, по которым оплачивались хлебопоставки, но на порядок уступали рыночным (Аграрная политика, 2011: 414). В соответствии

48. Мошковский колхозник (с. Мошково). 1933. 1 сент.

49. ГАНУ. Ф. Р-400. Оп. 1. Д. 38. Л. 145.

50. За большевистские колхозы (с. Мошково). 1935. 19 сент.

51. За большевистские колхозы. 1935. 13 сент., 19 сент., 17 сент.

с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 января 1934 г. «безусловно» запрещало навязывать крестьянам «какие-либо обязательные задания, разверстку или планы продажи хлеба». Решение о его продаже должно было приниматься на собраниях колхозников или единоличников, без «какого бы то ни было административного принуждения»⁵². Некоторые колхозники продолжали верить публичным декларациям верховной власти и пытались отказаться от навязываемых им планов закупок. Однако реальность противоречила их ожиданиям. План хлебозакупа принимался в Центре, а затем разверстывался по регионам и далее — по районам, сельсоветам, колхозам. Отказ же от принятия разверстанного на село или колхоз плана расценивался как действие врагов советской власти и колхозного строя.

В начале октября 1935 года от принятия навязываемого им плана хлебозакупа (400 ц) отказались члены сельхозартели «Заветы Ильича», за что попали в постановление бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) от 14 октября 1935 года «О ходе хлебозакупа»⁵³. В нем отмечался слабый ход закупок в Мошковском и шести других районах. «Райкомы и райисполкомы перечисленных районов не мобилизовали партийные, советские организации и колхозный актив на разоблачение и разгром кулацких недобитков, ведущих наглую, открытую антисоветскую агитацию против хлебозакупа. Мошковский райком и райисполком самоустранились от руководства делом хлебозакупа и допустили в колхозах „7 съезд Советов“ Мошковского сельсовета, „Заветы Ильича“ Репьевского сельсовета, „Путь батрака“ Томиловского сельсовета, выступление врагов колхозного строя, направленные на срыв такого важнейшего мероприятия, как продажа хлеба потребкооперации». В опубликованном в мошковской районной газете информационном сообщении заместителя краевого прокурора и прокурора Мошковского района виновниками произошедшего в «Заветах Ильича» были названы колхозники Нефеденко К., Простатов П. и Коледа П.⁵⁴.

В постановлении крайкома и крайисполкома бюро Мошковского райкома ВКП(б) и президиум райисполкома (уже без снятого с работы председателя) предупреждались, «что если в течение второй декады октября не будут приняты меры, обеспечивающие успешный ход хлебозакупа путем разворота массовой политической работы, тщательной подготовки проведения колхозных собраний для выделения фондов и заключения договоров на продажу колхозами и колхозниками хлеба государству — к ним будут применены более суровые меры взыскания».

52. СЗ СССР. 1934. № 5. Ст. 37.

53. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 660. Л. 9 об.—10.

54. За большевистские колхозы. 1935. 16 окт.

Мошковские районные власти, исполняя грозное постановление краевого начальства, подготовили и провели в указанных колхозах собрания, на которых были приняты покаянные решения. Колхозники «Заветов Ильича» на общем собрании 20 октября решили продать государству кроме ранее разверстанных 400 ц еще 25 ц дополнительно, а Нефеденко К., Простатова П. и Коледу П. как «врагов колхозного строя» из сельхозартели исключить. Еще до этого перечисленные крестьяне были арестованы «за контрреволюционную агитацию против хлебозакупа и советской торговли»⁵⁵.

«Заветы Ильича» и в дальнейшем неоднократно попадали в районные «черные списки». В частности, в феврале 1941 года был снят с работы и привлечен к судебной ответственности «за срыв государственного задания по лесозаготовкам для переселенческого строительства, за систематическую пьянку и развал трудовой дисциплины в колхозе» его очередной (за 1933–1940 годы их в сельхозартели сменили как минимум шесть) председатель Цыганков А. Он не посылал на лесозаготовки колхозников и тяговую силу, «мотивируя тем, что в колхозе недостаточно людей и истощенные лошади», но в то же время заключил с одной из городских организаций договор (вероятно, достаточно выгодный для колхоза) на вывозку сена в Новосибирск⁵⁶.

На 1 января 1940 года в Плотникове насчитывалось 110 колхозных дворов, численность колхозников и членов их семей составляла 441 человек. Единоличников к этому времени в селе уже не осталось. Число служащих было незначительным. В сельхозартели «Заветы Ильича» на указанную дату было 65 голов КРС, в том числе 14 коров (в ЛПХ колхозников — 110 коров), 165 лошадей, 100 свиней и 179 овец. Колхоз владел одним грузовым автомобилем (на 1 января 1941 года грузовик в колхозе уже не числился). В Плотникове на р. Ине была построена первая в области колхозная гидроэлектростанция, функционирующая в летний период. Площадь посева в колхозе в 1940 году составляла 848 га (776 дес.)⁵⁷. В 1939 году «Заветы Ильича» и еще 35 колхозов южной части Мошковского района обслуживала Мотковская МТС. В ней числилось 67 тракторов и 35 зерноуборочных комбайнов⁵⁸.

В 1940 году, согласно годовому отчету, валовый сбор зерновых в колхозе составил 3931 ц (4,8 ц/га). Государству из этого урожая было сдано 2179 ц (55% валового сбора). Выдача зерна на один трудодень колхозникам составила 0,76 кг, трактористам — 3 кг. В наиболее урожайный из предвоенных лет 1937 год собрали 5394 ц

55. За большевистские колхозы. 1935. 16 окт., 24 окт.

56. ГАНО. Ф. Р-400. Оп. 3. Д. 108. Л. 95.

57. ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 343. Л. 189–191; Д. 465. Л. 121.

58. Новосибирская область в 1939 г.: стат. справочник. Новосибирск, 1940. С. 215.

хлеба (7,1 ц/га). Государству сдали 2338 ц (43%). Колхозники на трудодень получили 1 кг зерна⁵⁹.

К началу 1940-х годов по ряду показателей (численности населения, поголовью скота) Плотниково находилось или даже уступало уровню его развития в начале 1920-х годов. Засевалось в 1940 году в колхозе «Заветы Ильича» больше, чем в Плотниковском земельном обществе в 1926 году, но меньше, чем в 1927 году. В то же время обеспечиваемый внеэкономическим принуждением уровень отчуждения сельхозпродуктов (принудительная товарность) существенно вырос. Коллективизация, таким образом, в целом негативно сказалась на уровне развития производительных сил сельского хозяйства в исследуемом селе. Испытания, которые выпали на долю жителей села в 1930-е годы, количественной оценке не поддаются и определяются нами вслед за В.П. Даниловым как «Трагедия советской деревни».

Библиография

- Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. (2011). Новосибирск: ИИ СО РАН.
- Бабашкин В.В. (2020). Социальные последствия коллективизации 1930-х гг. и «второй коллективизации» 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та.
- Данилов В. (2002). Историки в социологическом исследовании российской деревни (1990–1994 гг.) // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: РОССПЭН. С. 115–141.
- Ильиных В.А., Лапердин В.Б. (2020). Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы. Новосибирск: Рос. академ. наук., Сиб. отд-ние.
- Коллективизация сибирской деревни (январь–май 1930 г.): сб. документов (2009). Новосибирск: ИИ СО РАН.
- Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы (2012). Новосибирск: ИИ СО РАН.
- Шанин Т. (2002). Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: РОССПЭН. С. 9–30.

Siberian village during collectivization: Microhistory (Plotnikovo village in the Novosibirsk district of the Novosibirsk Region)

Vladimir A. Il'inykh, DSc (History), Head of the Agrarian and Demographic History Sector, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 630090, Novosibirsk, Ac. Nikolaev St., 8. E-mail: agro_iwa@mail.ru

Abstract. The author reconstructs the history of the Plotnikovo village in the Novosibirsk district of the Novosibirsk Region in the late 1920s – 1930s. The research was conducted in the microhistoric format, which allows to consider the agrarian history of Russia in

⁵⁹ ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 25. Л. 89-95; Д. 343. Л. 189-192.

the everyday perspective of its direct actors – peasants united in their primary communities. The article aims at presenting the course of collectivization and its price for a certain rural settlement. In the Plotnikovo village, collectivization began at the end of 1929 with the creation of a giant commune which collapsed after the publication of Stalin's article "Dizzy with Success". The small collective farm "Zavety Ilyicha" was established on the basis of this commune. Collectivization resumed in 1931 and ended in the late 1930s. The author also considers anti-peasant repressions, de-kulakization, local famine in 1934-1935, state regulations of the size of the collective farmers' smallholdings, behavioral strategies of peasants and rural officials. The author concludes that in the early 1940s the Plotnikovo village was at the same or even lower level of development than in the early 1920s. Thus, in general collectivization had a negative impact on the development of agricultural productive forces in the village under study, and the difficulties the villagers survived in the 1930s cannot be counted – only named by V.P. Danilov's term 'tragedy of the Soviet village'.

Key words: peasantry, village, agrarian policy of the Soviet state, collectivization, collective farms, smallholdings, microhistory, Siberia, T. Shanin, V.P. Danilov

References

- Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i selskoe khozyaystvo v Sibiri v 1930 gg.* (2011) [Agrarian Policy of the Soviet State and Agriculture of Siberia in the 1930s], Novosibirsk: II SO RAN.
- Babashkin V.V. (2020) Sotsialnye posledstviya kollektivizatsii 1930-h gg. i "vtoroy kollektivizatsii" 1950-h gg. [Social consequences of collectivization in the 1930s and the 'second collectivization' of the 1950s]. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*, Voronezh.
- Danilov V. (2002) Istoriiki v sotsiologicheskom issledovanii rossijskoj derevni (1990–1994 gg.) [Historians in the sociological study of the Russian village (1990–1994)]. *Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovaniy selskoj Rossii*, Moscow: ROSSPEN, pp. 115–141.
- Il'inykh V.A., Laperdin V.B. (2020) *Hlebozagotovki v Sibiri v 1930-e gody* [Grain Procurements in Siberia in the 1930s], Novosibirsk: SO RAN.
- Kollektivizatsiya sibirskoj derevni (yanvar – maj 1930 g.)* (2009) [Collectivization of the Siberian Village (January-May 1930)], Novosibirsk: II SO RAN.
- Shanin T. (2002) Refleksivnoe krestyanovedenie i russkoe selo [Reflexive peasant studies and the Russian village]. *Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovaniy selskoj Rossii*, Moscow: ROSSPEN, pp. 9–30.
- Selskoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: problemy razvitiya i krizisy* (2012) [Siberian Agriculture in the 20th Century: Issues of Development and Crises], Novosibirsk: II SO RAN.

Устная история снизу. Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке

А.Д. Нахимовский

Александр Давидович Нахимовский, PhD, доцент кафедры информатики, директор Программы по лингвистике (в отставке), Университет Колгейт. 13 Oak Drive, Hamilton, NY, 13346 USA. E-mail: adnakhimovsky@colgate.edu

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются жизненные истории русских крестьян, которые в сознательном возрасте пережили коллективизацию. Большой архив таких историй, записанных после 1990 года, представляет собой богатый материал для устной истории и других областей знания. К сожалению, в своей совокупности этот архив пока никак не описан. Такие ученые, как этнограф Сергей Алымов, социолог Валерий Виноградский, языковед Леонид Касаткин, историк Татьяна Щеглова, проделали замечательную работу, собрав полевые материалы и описав их в рамках своих дисциплин. Однако их материалы и описания остаются полностью изолированы друг от друга. В настоящей статье используются опубликованные записи этих ученых с целью показать внутреннее единство проделанной ими работы и предположить, что единый архив всей такой работы был бы полезен для будущих исследователей.

После краткого вступления статья представляет собой хронологическое повествование об истории крестьянства с 1918 до 1953 года, собранное из эпизодов, отражающих ключевые события в жизни рассказчиков, неизбежно совпадающих с ключевыми моментами истории. В комментариях указываются психологические черты рассказчиков, их отношение к власти, работе и переменам судьбы, их связь с предреволюционными традициями и их отношение к новой современности.

Ключевые слова: Гражданская война, НЭП, коллективизация, голод 1932–33 и 1946–1947 годов, миграция в город, передвижения пешком, судопроизводство, детоубийство, война, ветераны-инвалиды

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-91-125

Начиная с 1990 года в России формируется исторически уникальный архив текстов, содержащий автобиографические рассказы русских крестьян, которые родились в первые десятилетия XX века и крестьянами прожили всю жизнь. Этот архив, до сих пор по-настоящему не описанный, представляет собой «устную историю снизу» ключевых десятилетий формирования советского общества. В то же время рассказчики архива — последнее поколение русских крестьян, сохранившее образцы мышления и поведения, знакомые нам из классической русской литературы.

Отрывки из крестьянских повествований, организованные в историческую последовательность, составляют предмет настоящей статьи. Целью является показать, как крестьянские рассказы обо-

гашают и предлагают новый взгляд на российскую историю. После краткого вступления, статью движут примеры и комментарии к ним.

Понятия «устная история» и «история снизу» хорошо известны в российской историографии (см., например: стандартный учебник Теория и методология истории, 2014). Однако их совместное применение именно к истории крестьянства не оформилось в отдельную дисциплину. Причиной тому были неожиданность перемен и краткость отпущенного времени. Хотя в советский период после 1953 года жизнь крестьян радикально улучшилась, их предыдущая история оставалась запретной темой, полностью закрытой для научного исследования. Когда внезапно тема стала открытой, начался массовый и никак не скоординированный процесс собирания материала. Первооткрывающую роль здесь сыграли экспедиции, организованные Теодором Шаниным в 1990–1992 годах¹. В этот процесс вскоре включились языковеды-диалектологи, историки, этнографы и просто любители, привлеченные важностью задачи. Собранные материалы сильно различаются по качеству и рассыпаны по множеству публикаций и архивов. Через короткие 20 лет последние доколхозные крестьяне сошли со сцены, да и интерес к их рассказам сдвинулся дальше от центра общественного внимания. Тем важнее кажется собрать и осмыслить все лучшее, что осталось, и понять, какие уроки оно содержит.

В настоящей статье используются материалы четырех исследователей:

- этнограф Сергей Алымов, историк советской этнографии;
- языковед Леонид Касаткин, недавно почивший, многие годы директор сектора диалектологии в московском Институте русского языка Российской академии наук;
- историк Татьяна Щеглова из Барнаула, написавшая и книгу по истории алтайских крестьян, используя собранные ею записи (2008), и первое в России учебное пособие по устной истории (2011);
- философ и социолог Валерий Виноградский из Саратова, участник первых Шанинских экспедиций, неутомимый собиратель крестьянских рассказов и автор нескольких монографий, в последней из которых (Виноградский, 2017) он определяет крестьянские дискурсы как материалы истории снизу. По методике настоящая статья перекликается с монографией Виноградского (2009), и большая доля примеров в ней — из его же «Протоколы колхозной эпохи» (Виноградский, 2012).

Как пример раздробленности усилий следует указать, что ни один из этих ученых ни разу не упоминает трех остальных. При этом их материалы отличаются замечательным единством, за которым стоят и нарративная традиция, и общая для всех рассказчиков историческая судьба, и метод собирателей: неспешность разговора и вза-

1. См. воспоминания участников тех экспедиций в журнале «Крестьяноведение». 2020. Т. 5. № 1. С. 172–195.

имность уважения, нередко результат долгого знакомства. Касаткин в этом следовал давно установившейся традиции полевых работ, начало которой было положено еще в предреволюционной русской диалектологии. Долгое время полевые материалы диалектологов состояли в основном из списков диалектных грамматических форм, лексики и фразеологии, однако Касаткин и другие еще в позднее советское время начали записывать развернутые повествования. Их держали под спудом, потому что в них неизбежно появлялись крамольные подробности — некоторые из этих доперестроечных записей были опубликованы у Касаткина в сборнике 2010 года (Касаткин, 2010). Поворот к записи повествований был кодифицирован в трудах саратовского ученого Валентина Гольдина², и с тех пор диалектологи стали, сами того не сознавая, собирателями материалов по устной истории.

Схожая эволюция произошла и среди этнографов, причем им значительно помогла «колхозная этнография» 1950-х годов, полностью бесплодная в своих научных результатах из-за цензурных условий работы, но установившая принцип глубокого, многомесячного вживания в сельскую общину (Альмов, 2006). В отличие от диалектологов и этнографов, Щеглова и Виноградский сами выработали схожую, в принципе понятную, но вовсе не легкодостижимую методологию полевой работы. Оба подробно описали свой научный подход. Собранные ими материалы — свидетельство их таланта, мастерства и умения «разговорить» собеседников.

На Западе и общая устная история, и «устная история снизу» появились раньше. Журнал «Обзор устной истории» (*Oral History Review*) был основан уже в 1973 году. В 1993 году там была опубликована обзорная статья об устной истории снизу (Lynd, 1993), суммирующая 25 лет работы. Автор статьи, один из основоположников движения, отмечает, что не любая устная история является историей снизу, но история снизу неизбежно устная: «Чтобы понять людей, которые не умеют писать, но умеют разговаривать, очевидно, надо с ними поговорить» (*Ibid.*: 1). Статья перечисляет пять основополагающих принципов, из которых четыре полностью приложимы к практике, сложившейся в России:

1. Спрашиватель и отвечающий, историк и протагонист истории, встречаются на равных (*Ibid.*: 2).
2. Расшифровка интервью для того, чтобы представить его научной аудитории, является не единственной целью интервью, и, возможно, не самой важной (*Ibid.*: 3).
3. Те, кто создает устную историю, сами же могут помочь с проверкой и исправлением сообщенной информации (*Ibid.*: 3).
4. Когда история отражает реальность жизни бедняков и рабочих, ее подлинным субъектом обычно будет жизнь всей социальной группы, а не индивидуума (*Ibid.*: 4).

2. Подробное изложение — в докторской диссертации 1997 года; главные принципы в: Гольдин, 2009.

5. Это их история, а не наша: это они создают устную историю (Ibid.: 6).

Российские материалы ясно показывают, с каким глубоким уважением собиратели относятся к своим собеседникам и как часто обращаются к ним за разъяснениями (п. 1, 3). При той глубине исторических потрясений, посетивших русское крестьянство, неудивительно, что их истории действительно представляют собой вариации на одну общую историю, которую, конечно, только они могли воссоздать (п. 4, 5). Только пункт 2, если и применим, то, уж конечно, не в том смысле, какой вкладывает в него автор статьи и его соратники. Люди левых взглядов, чьи собеседники — часто жители постколониальных стран или бастующие шахтеры, естественно, переложили известный тезис Маркса на нужды своей профессии: задача устной истории снизу — не только объяснить мир, но и помочь его преобразовать (Маркс, 1955: 1-4). В России, напротив, «конечным продуктом работы даже устного историка, использующего материалы интервью, является научный письменный текст — статья, монография, реферат и т.п.» (Щеглова, 2011: 139).

Даже и эта установка остается для многих спорной: можно ли доверять устным свидетельствам, которые, в отличие от письменных документов, часто невозможно независимо проверить и подтвердить? На этот вопрос ответил американский историк польского происхождения Ян Гросс в своей книге о Холокосте в Польше, основанной на записях устных судебных показаний. Гросс выдвинул принцип, который можно было бы назвать «презумпцией доверия» к устной истории Холокоста:

«Я предлагаю изменить подход к источникам этого периода. При изучении показаний выживших очевидцев, при оценке того, насколько доказательны их утверждения, изначальную предпосылку критического сомнения следует заменить изначальным приятием. Принимая услышанное как факт, пока мы не найдем убедительных контраргументов, мы избежим больше ошибок, чем если мы примем противоположный подход, встречая любое показание с осторожным скептицизмом, пока не найдем для них независимые подтверждения. Чем больше масштаб катастрофы, тем меньше выживших. Мы должны найти в себе умение слышать одинокие голоса из бездны» (Gross, 2001: 139-140).

Щеглова и Виноградский, в сущности, полагают, с хорошими на то основаниями, что такая презумпция доверия применима и к показаниям доколхозных крестьян, доживших до 1990 года.

Записки Плотникова

Автобиографические записки Василия Александровича Плотникова (1905–1994) — уникальный документ (Осипов, 1995)³. Они были

3. И сами записки, и комментарии Осипова практически неизвестны и заслуживают переиздания.

написаны по просьбе сына, историка-краеведа, в 1984 году. По форме это летопись: года идут чередой, и почти к каждому году есть историческая запись. Публикация записок также содержит исключительно ценные комментарии, созданные видным ученым, профессором Омского университета Борисом Ивановичем Осиповым, который и сам вырос в крестьянской семье в тех же местах, что и Плотников (Юргамышский район Курганской области).

Хотя записки Плотникова и не «устная история», они используются в настоящей статье для подтверждения некоторых исторических фактов. Как и в публикации Осипова, сохранена весьма своеобразная орфография оригинала — Плотников обучился грамоте, по его слову, *самоуком*.

Пример 1. Записки Плотникова (с. 4 рукописи, Осипов, 1995: 48)
вишолу меня неотпустиль пришлось мне обучатися самоуком
появилось страшное желание читать вот я и взялся засамо об-
учение научился читать и писать некаких правил не знаю а про-
сто читать да писать.

Этапы крестьянской истории: 1918–1939

События крестьянской истории часто отличаются от книжно-городских и называются по-другому. Вот краткий перечень, собранный из крестьянских повествований.

1914–1918. Германская война.

1918–1921. Сам момент большевистского переворота остался в деревне незамеченным. Слово «революция» если употреблялось, относилось ко всему периоду Гражданской войны: во время «революции» были белые, красные и продразверстка. Чаше встречаются описательные слова, такие как «заваруха».

1921–1922. Голод.

1923–1927. НЭП по-настоящему начался в 1923 году, с появлением устойчивых денег и доступных рынков. Это время прекрасно суммирует крестьянин в разговоре с Я. Яковлевым, видным партийным деятелем, основателем «Крестьянской Газеты» (Яковлев, 1923).

Пример 2. Жить бы хорошо при Советах (Яковлев, 1923: 68)
Жить бы хорошо при Советской власти, кабы не драли двух
шкур, а то земельку без аренды дали, а за это товарищи прод-
налог берут и за пуд соли з пуда ржи.

Здесь в одном предложении и лживость лозунга «Земля крестьянам», и непомерные налоги, и ножницы цен, и роль соли как оружия пролетариата в борьбе с крестьянством⁴.

4. Ленин, хорошо понимая цену соли и советских денег, распоряжался: «Первое: я советую продавать соль исключительно за хлеб и ни в каком случае не за денежные знаки. Второе: продавать соль только волостям,

1928–1933. Раскулачивание, коллективизация, голод. К 1933 году колхоз принял законченные формы. Итальянский историк Андреа Грациози хорошо обозначил первые пятнадцать лет советской власти (1918–1933), как «Великая Советско-Крестьянская Война» (Graziosi, 1996). К 1933 году война была закончена, большевики победили. Следующий партийный съезд (1934) был назван Съезд победителей, в честь успехов первой пятилетки и победы над крестьянством. Среди крестьянских повествований только самые краткие и эпизодичные обходят молчанием 1933 год.

1937. Разница между городской и крестьянской историей резче всего проступает в сравнении между 1933 годом и 1937-м. Для крестьян 1937-й был первым годом хорошего колхозного урожая. Плотников пишет:

Пример 3. Урожайный 1937-й (Плотников, 73–57)

1937 г. год переломный в части экономики. весеннюю кампанию провели на высоком уровне урожаи уродился небывалыми осени стояла ведренная урожай убрали дало колхозы рассчитались сгосударством. установка оплаты колхозников осталась старая как в прошле ниско урожайные годы колхозники получили по 12 к. на трудодень хлеба оказалось у колхозников много некоторые не знали куда девать цена на хлеб пала рож 3 р. пуд. пшеница 5 р. пуд мука 8 р. пуд хлебом завались вот мы тогда изажили на брали пшеницы на мололи муки.

1939. События мировой истории не попали в крестьянские жизнеописания, но резкое повышение налогов не осталось незамеченным.

Упомянутые годы послужат начальным оглавлением нашей устной истории. Дальнейшие годы и события появятся по ходу повествования, сложенного из крестьянских рассказов. Оно организовано хронологически; каждый раздел состоит из примеров и аннотаций. Схожая организация в масштабе целой книги была предпринята Виноградским (Виноградский, 2009). Позднее, с некоторым неодобрением, он описал эту методику так: «Прицельно выуживать из живого речевого раствора нужные тебе композиции и сочетания, конвертируя исходный текст в иной композиционно-синтаксический формат» (Виноградский, 2017: 26). Сам исследователь в своей последней книге поставил себе гораздо более масштабную цель: выявить глубинный, исторически-предопределенный инвариант *крестьянского дискурса*, понимаемого, по Фуко, как «совокупности анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвисти-

селениям или отдельным хозяевам, которые внесли не меньше 1/4 или 1/2 налога». Разговор по прямому проводу с М.К. Владимировым 6 августа 1921 г. — самое начало НЭПа.

ческого пространства условия выполнения функции высказывания» (цит. по: Виноградский, 2017: 56)⁵.

Приступая к повествованию, поясню, что каждый пример представлен следующей информацией: имя рассказчицы (гораздо реже рассказчика), две даты: год рождения и дата записи; ссылка на публикацию. Когда уместно, добавляются ключевые слова примера. В случае повторных цитат той же рассказчицы из той же публикации ссылки, соответственно, упрощены.

А.Д. Нахимовский
Устная история
снизу. Материалы
к устной истории
русских крестьян
в XX веке

Германская война. Калеки и дети

Первая рассказчица — Ольга Литвинова (ОЛ), родилась в 1902 году и еще помнила Германскую войну. Она жила на хуторе Атамановка, 16 км к северу от Саратова, но рассказ пойдет о другом хуторе, Кияны, которого уже нет на карте.

Пример 4. Литвинова, 1902, 1990. Атамановка, Саратовская область (Виноградский, 2012: 147)

Германская война; калека-раненый; дети нас Екатерина Вторая высылала с Запорожья, а этих киянов высылала с Киева. Кияны — это был особый, киевский хутор. <...> В киянах я жила еще девчонкой, в няньках. Мне двенадцать лет, наверное, было. Еще мой отец живой был. Это было как раз в первую германскую войну. <...> как получилось: один хозяин, из киянов, ушел на германскую войну. Проводила его хозяйка, и маленькие дети остались. А другой хозяин уже пришел с войны, без ноги. И они прижили дитя. Так получилось, что один был на войне, а другой был дома. У одной, значит, служил еще муж, а другой был калека. И у обоих было по трое детей: по маленькому и по двое, которые побольше... Вот меня туда и повезли нянчить...

Послевоенные раненые инвалиды встречаются в рассказах часто. Вот еще один пример, донской казачки.

Пример 5. Александра Минькова, 1915, 1999. Станица Тишанская, Волгоградская область (Касаткин, 2017: 467)

Ну потом вышл(а) я там замуж. А мужик, правд(а), неплохой попалси. Хороший, грамотный. Прямо дай Бог ему в Царство войтить. Нику(г)да он не ругал, не, ничаво. Ну, война, тут война началась. У меня девочк(а) одна. Ну куда? Яво... был по брони, потом яво забираютю в армию. <...> Мужик — не слышать. А(г) а. Потом оказалси. <...> Пишет, что «Меня ранили, руки нет одной, наверно, не будеть». Да. Ну не будеть, ну а што сделаеш: мужик, дитё. Ага. И хороший мужик. <...> Ну пришил, правда,

5. Моя книга тоже посвящена поиску инварианта крестьянской речи, но на менее глубоком лингвистическом уровне: лексика, словообразование, синтаксис речи, типичные нарративные ходы (Nakhimovsky, 2020).

ключицы не было и лопатки не было, как эт(о) вы. Ну она так была висела у няво, ну а чо он. Ага. Ну чо(в)о же, пришил, го(во-ри)т: «Ну чо, эжель ехать туд(а) опять в Волгоград, я не могу». Ну писать он мог, он грамотный. Ага, ну не схотел: «Давай тут останемси». Ну один дитё, другой дитё, третий дитё, четвёр-тый дитё, пятый дитё, шастой дитё. Да ишо по два. Угу. Ну он го(вори)т: «Ну куда ехать с этой оравой. Тут мы-то с зямлём, то содим, то косим, то так (в)о(т) (в)от с зямлём».

Это уже сороковые годы: муж пришел с войны в 1944-м. За исключением названия города ничего не изменилось. Дети по-прежнему неизбежны. Контроль рождаемости не упомянут ни разу; первое упоминание аборта — уже в послесталинские времена у женщины, родившейся в 1934 году. Примечательно, что с шестью детьми ку-сок земли надежнее, чем городская жизнь.

Минькова упоминает современное имя города, Волгоград. Это, возможно, новая привычка, но возможно, и отношение к прежнему имени. Пример 2 продолжается так:

Пример 6. Продолжение примера 2. Колхоз, Сталин

А зярна-то ведь не давали в колхозе ни граммочки. Шерсть отдай, мясо отдай, яички отдай, картошк(у) отдай. Да. А иде её брать: одна корова и шес(т)ь души детей. Иногда сяду вот, грешница, Господи, може(т), Сталин эт(о) виноват, а може(т), своя влас(т)ь.

В этом воспоминании сорокалетней давности крамольная поли-тическая мысль понимается как грех, то ли против Господа, то ли против власти.

Гражданская война

Воспоминания о Гражданской войне резко различаются, смотря по тому, кто были воюющие люди: какие-то чужие отряды, кото-рые пришли, совершили насилия и ушли, или местные, которые так и остались соседями. Вот два контрастных примера, первый с неиз-вестными людьми. Речь идет о семье, о сестрах отца, кто как погиб.

Пример 7. Иван Цаплин, 1914, 1992. Лох, Саратовская область (Виноградский, 2017: 73)

Белые, красные. Раскулачивание

А у меня не одна Мария Павловна раскулаченная. В Яруге жила ещё тётка — и ее раскулачили. Тётка по отцу. Звали ее Анна Павловна. <...> Она моложе была отца. Она была, вро-де, с девятисотого года. Ее раскулачили и увезли на Колыму ку-да-то, в 1930 году. И там она, видать, умерла. Она жила в Яру-ге — семь километров отсюда. А мужа у неё расстреляли ещё раньше. Как получилось? Во время молотьбы <...> были сло-жены стога такие, крест-накрест. Одонья. Ну, он залез наверх. А в те поры был самый переворот. И ему надо бы красный флаг

выкинуть, а он взял, и белый флаг поставил на одонья. Его забрали и расстреляли, как контру. Это в революцию было. А жену его вместе с детьми в корчёвку угнали...

Здесь хорошо показан крестьянский исторический словарь: мужа расстреляли красные как контру «в революцию», «в самый переворот», а жену его угнали «в корчевку» — местная метафора для раскулачивания.

Другой пример — с Алтая, где были казаки и крестьяне, включая недавних столыпинских переселенцев. Их предреволюционная взаимная неприязнь наложилась на войну красных и белых. Многие десятилетия спустя устную историю рассказывают потомки красных (у белых местного потомства не осталось), и красные до сих пор «наши».

Пример 8. Е.И. Дмух, 1908, 1992 (Щеглова, 2008: 63)

Гражданская война. Белые, красные. Зверства

Попадья у нас в Карболихе была. Выдавала красных белым. Красные пришли, босиком водили ее по Змеиногорску. Потом груди обрубали. Померла. За делом ей. Она наших белым выдавала.

Пример 9. Е.И. Дмух, 1908, 1992 (Щеглова, 2008: 64)

В переворот у нас тут много банд было <...> Пороли только белые, красные нет. Белые зверствовали. А красные-то наши. Пороли красных. Снимут штаны и порют до тех пор, что нельзя брюки надеть. Мужики в юбках ходили. А как пороли! Так что обмажется, так встань, приברי и снова ложись.

Пример 10. Е.И. Дмух, 1908, 1992 (Щеглова, 2008: 64)

Наши были в горах... А те прискакали... дядю двоюродного белые казаки закопали живьем... А у него оставалась одна баба дома, беременная на восьмом месяце. Они дверь входную сняли да сверху ей на живот положили... Встали на нее ... Пока не выдавили...

Можно ли доверять этому свидетельству, услышанному, наверное, от взрослых, когда рассказчице было лет 10–12? Вот не прямое подтверждение. У Лидии Сейфуллиной действие повести *Перегной* (1923) происходит на Южном Урале, где тоже были казаки и крестьяне. Последняя страница повести вся посвящена подробностям зверской казни «красных» крестьян, включая и беременную женщину («Дарье Софроновой брюхо выпотрошили. Младенца свиньям кинули. Семьи большевистские вырезали»). Проза современницы событий и, спустя 70 лет, свидетельские воспоминания о них взаимно подтверждают друг друга.

НЭП и раскулачивание

Следующая рассказчица, Антонина Симакина (АС), прожила всю жизнь в деревне Лох, 90 км к северу от Саратова. В разговорах с Виноградским она называет его Валера, он ее — баба Тоня. Дол-

гая жизнь Симакиной замечательна поразительным невезением, начиная с того, что она выросла в бедности, была выдана в богатую семью, но быстро превратилась в раскулаченную. При замужестве ей еще не было шестнадцати лет.

Пример 11. Антонина Симакина, 1912, 1992 (Виноградский, 2012: 60–61)

У нас отец-то был пролетарий. Бедно жили, плохо. А почему плохо? Ведь раньше давали землю только на мужиков. А на баб не давали. А нас в семье было четыре надолбы (уничжительно: тумбы, столбы. — А.Н.) — бабов-то. Нас, дочерей, — три было, да мать. А отец один... <...> Отец по работникам ходил. Вот, уродится хлеб, — снопы надо привезти. Так он — нанимался. А мы ходили пешком полоть.

Меня просватали к богатым. <...> у них была лошадь, две пары быков. Они богато жили. Две коровы было, пятнадцать или двадцать голов овец было. Скотины много — а ходили в лаптях! А валенки на печке лежали. В валенках на двор не ходи — береги!

Из рассказа мы видим, как понималось у крестьян городское слово «пролетарий»⁶ и кто считался богатым. В раскулачивание с богатых стали брать «многократный» налог. Налогам и конфискацией имущества занималась местная власть, которую Симакина называет «бригада».

Пример 12. Антонина Симакина, 1912, 1992 (Виноградский, 2012: 61)

Тут какими-то «кратниками» объявили их, богатых-то. Это кулаков «кратниками» называли. Ну, высылают в бригаду — нынче в бригаду, завтра в бригаду. Постановляют: «Вывезти столько-то хлеба...» Ну, вывезет дедушка. <...> Потом, на другой день, опять чем-нибудь наложат. Опять все вези — хлеб или что другое. До тех пор довозился, что амбар весь очистили. А тут в колхоз стали съединять, в колхоз. Ну, вызовут дедушку: он не идет никак в колхоз. Боялись его, колхоза-то. Их посадили — эдаких-то, противников колхоза. Был у нас — сейчас клуб, а тогда — нардом. Насажали их туда, как селедок в бочку. Они там которые и померли... Пришли мы дедушку проводить, а он и говорит, мужу моему: «Ванька, как хочешь — я умру, но в колхоз не пойду». <...> А потом, значит, и Ванька не пошел в колхоз: и дедушка не идет, и я не пойду, мол... Ну, приехали, на-

6. О том, как понимали (а чаще не понимали) крестьяне новый революционный лексикон, см.: Нахимовский, 2017. Цитируемые там книги: Селищев, 1928; Шафир, 1923. Шафир давал крестьянам списки новых газетных слов и просил объяснить. Вот один характерный пример — объяснение слова «ультиматум»: «либо платите деньги, либо отдайте лошадь, либо я вас убью» (Шафир, 1923: 55); или слова «агент»: «Раньше агенты машины продавали швейные, а теперь так зовут выбивателей налога» (Селищев, 1928: 214).

ложили его каким-то «дидуальным» (индивидуальным. — В.В.) налогом и все подмели под метелку. Скотину забрали — всю до-
чиста. Всю погнали — и лошадь, и корову, и овец. И все из избы
забрали — сундук, зеркало и другое. Остались в голом доме.

Когда пришло время арестов и ссылок, то откуда-то извне по-
явилась «штурма». На вопрос, что такое штурма, Симакина объяс-
няет: «штурма — конные, отряд. Это значит штурмовать нас,
кулаков-то. Забирать и увозить!»

Пример 13.

А самих кулаков, вот, нас, — увозить. Вот как только
ночь — собирается бригада, решают, кого нынче увозить будут.
А у нас был председатель Совета — наш, лоховский (т.е. не назна-
ченный из города. — А.Н.). Он нам и помог. Когда отобрали у нас
все, и из дома выгонять зачали, — мы с Ваней прятались. Огонь
в избе не зажигали. А осталось нам только то, что на печке ле-
жало: <...> матрац, подушка и ватола (одеяло. — А.Н.). Сидим
мы с Ваней на печке. Прячемся. Вдруг — приходит председате-
ля жена, тоже наша, лоховская. Говорит: «Тоська, мне мой ска-
зывал, чтоб вы прятались нынче! Нынче штурма приехала — вас
забирать наметили...»

Дальше следует эпизод как будто из приключенческого фильма:
штурма разыскивает Ваню и Тоню, они прячутся в доме Тониной
матери, штурма приходит в дом, Ваня и Тоня забираются по доске
на подловку (чердак. — А.Н.), Ваня убегает первым, потом Тоня,
улучив момент, сбегает по доске вниз, выбегает из дому, прыгает
через плетень и зацепляется юбкой за кол.

Пример 14. Как спаслись от штурмы (Виноградский, 2012: 63)

И вот эдак я и висю... А меня никто не увидел из этой штур-
мы. Ну, поискали и уехали... Потом Ваня подошел, юбку-то от-
цепил. Сидим там, на огороде. Там была кучка — назем (на-
воз. — А.Н.) кидали — так мы за этой кучкой и спрятались.
Думаем: туда-то уж не пойдут, к кучке-то. Уехали. Ну, сла-
ва богу! Вот мы эдак вот и остались. Неувезенные... Это было
в коллективизацию. Потом тут уж бросили кулачить. Потом
1933 год напал.

Это очень характерный нарративный ход: повествование движет-
ся от одной катастрофы к другой, тем более что они приходили бы-
стро: от замужества до раскулачивания два года; до голода еще три.
В 1933 году Тоне исполнилось 22 года, Ване 23. Год был переломный
и для всей страны, и для Симакиной: Ваня умер; она чуть не умер-
ла, но выжила; попыталась уйти в город, но не получилось; потеря-
ла свой дом и участок, но пережила и это; а потом жизнь как-то на-
ладилась, до следующей беды в 1939-м. Для историка важно отметить
черты ее характера, которые, в общем, известны, но в ее собствен-
ном изложении проявляются с яркой прямоотой: талант сострада-
ния, неумная работоспособность и умение выживать. Помноженные
на миллионы, эти черты становятся фактором истории.

ИСТОРИЯ

Долгий рассказ о смерти Вани поделен на три части. Хотя перед нами свидетельство безграмотной очевидицы событий, рассказ местами читается как высокая литература.

Пример 15. Пиджак. Кум Донька (Виноградский, 2012: 63–64)

Потом 1933 год напал — а у нас уже всё отобрали раньше. Здесь и дедушка помер, и Ваня помер. У нас ничего ведь не осталось. Траву ели, отекали. Я вся была отеченная, как бочка. А Ваня почему-то не отеченный был. И вот у нас остался пиджак его. За печкой висел — такой суконный, подвенечный. Я говорю ему, Ване, — он тогда еще жив был: «Ваня, ступай его продай хоть». Тут недалеко Коптовка была, деревня. Ваня пошел. Дали ему там за пиджак свеклу и молока четверть. Не за хлеб, а за свеклу кормовую продали. Вот как жили!.. Да, вот еще чего забыла: в Коптовку-то Ваня пошел со своим дядей. Вот жду-жду — нет и нет его. Что же это как долго нет-то?! И смерклось все, и ночь наступила. Пошла я к дядиной жене: «Кума, что, пришел, что ль, кум Донька?» — «Да нету, не пришел», — говорит. «Да что же это — как долго ходит?» Ну, нет и нет. Опять посижу, полежу ли. Снова пойду. Уж кочетья кукарекают. «Кума, пришел ли Данила твой?» — спрашиваю. «Пришел...» — отвечает. «Да где же Ваня-то?» — говорю. «Вон там, на Кузнецовском гумне, на канаве сидит».

Крестьянские рассказы обильно включают прямую речь, часто без вводных слов. Симакина приводит даже и свою внутреннюю речь («Что же это как долго нет-то?!»). Гольдин называет это «принцип совмещения в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения»: рассказываемое происходит как бы вот сейчас (Гольдин, 2009: 3). Сюда же относятся и указательные слова в ситуации общения, нередко сопровождаемые жестом: «Вон там, на Кузнецовском гумне».

Пример 16.

Я перелезла через овраг, пошла туды. И боюсь: поймают еще да и съедят. Ведь ловили людей и ели тогда, в голодовку-то. Ну вот, я перелезла, пошла проулком. Иду, темно. Заря чуть занялась, но не видать еще ничего. И кричать-то боюсь. Иду-иду — вот эдак вот присяду. Мне сказали — на канаве Ваня, а я смотрю — нигде не видать. Иду дальше, на зады. Опять присяду. Не видать... Потом кричу: «Вань, Вань...» Кто-то вдалеке затренихтался. Подхожу. Он встал. Говорю: «Ты чаво же?» Он отвечает: «Я не могу больше...» Я говорю: «Ну ты чаво — купил, что ль, чаво-нибудь?» А он отвечает: «У меня все отобрал кум Донька». Вот, — свой человек, а все отобрал. Пуд свеклы Ваня нес и четверть молока. И Донька отобрал все. Подлец! Ни дна бы ему, ни крышки! (Долгая пауза, вздыхает, плачет. Потом вдруг говорит в примире-

тельно-прощающем тоне. — В.В.). Ну, ведь каждый сам себя спасал, что ж тут сделаешь... Ну, повесился тут на меня мой Ваня — идем, два тёфана. Я говорю: «Ведь я бы не дала отобрать-то...» А Ваня уж обессилел: он и так был худущий. А я отечная была, а он, вот, не отекал. Я наемся этих лепешков-то, из крапивы: они хорошие были, когда засохнут. И воды я много пила, потому и отекала.

Страх, что могут съесть, был обычен. О каннибализме уже знали с 1921–1922 годов, когда о нем даже писали в «Правде»⁷. В каждый коммунистический голод, и в СССР, и в Китае, каннибализм был осознанным присутствием (Graziosi, 2017; Várdy, Várdy, 2007).

Пример 17. Дома. Смерть Вани

Ну, пришли домой, затащила я его на печку. Полежал он маленько и не встает. «Ты что, Ваня?» — говорю. Он: «Я не могу, я не могу...» Ну и я сижу тут. Нигде никакого клочка, никакого кусочка нет у нас. Потом на другую ночь он у меня и умер. Вот сколько пережила... (Плачет.) Никто сесте не пережил, а я все живу. (Плачет, никак не может успокоиться. Долгая пауза.) А у нас за печкой стояла соль — ящик с солью. И коптюлечка стояла на трубе. Я зажгу коптюлечку, погляжу — а у него уже глаза дурные сделались. И вот так глядит в потолок все. Я говорю: «Ваня, Ваня, да ты чего? Ваня?» А он тихо так говорит: «Я умираю...» Потом ка-а-к вскочит и горсть соли схватил, и говорит-кричит: «На, ешь! А то умрешь!» Я говорю: «Ваня, Ваня! Я не буду соли есть, — я и так отекаю...» И вот он лег опять, и я сидела все, сидела округ него. Все он это глядел, глаза остолбенели — одна с ним, одна... И, значит, тише, тише. И только я легла к нему — и сразу уснула. Тут кочетья уж кряковали третий раз. Я сразу вдруг очнулась, цоп за него: «Ваня, Ваня!» А он уж умер...

Это кажется сделанным литературно. В пустом доме двое: огромная, разбухшая женщина, в которой еще держится жизнь, и ее щупленький умирающий муж, который в последнем лихорадочном усилии хочет позаботиться о ней и предлагает ей самое для нее вредное. Она засыпает, он умирает, кричит петух. Третий петух здесь, возможно, из евангельской традиции, но все остальное иначе как природным талантом не объяснишь. Если бы она часто повторяла этот рассказ, то он, возможно, сложил-

7. В богатых степных уездах Самарской губернии, изобиловавших хлебом и мясом, творятся кошмары, наблюдается небывалое явление повального людоедства. Доведенные голодом до отчаяния и безумства, съевши все, что доступно глазу и зубу, люди решаются есть человеческий труп и тайком пожирают собственных умерших детей // Правда, 27 января 1922 года. Цитируется по: журнал «Коммерсантъ Власть» № 3 от 23.01.2012. С. 46.

ся бы в такую законченную форму, но до того, как Виноградский начал ее расспрашивать, Симакина, скорее всего, никому не рассказывала о смерти Вани: вначале было опасно, потом никому не интересно.

Похороны. Милостынька

Чтобы не оставаться ночью одной с мертвым Ваней, Симакина пошла к сестре, в тот дом, где она в раскулачивание пряталась от штурмы. Это был дом матери, но ее тогда в деревне не было, она «милостыньку собирала в Пензенской области» (Виноградский, 2012: 62). На этот раз мать была дома:

Пример 18. (Виноградский, 2012: 64)

Ну, я положила пробой на цепь и пошла к матери. Вернее, к Маньке, — матери-то не было. А Манька — сестра, младшая. И вот я пришла, и как раз мать вернулась из Пензы. Она там милостыньку собирала. <...> Она говорит: «Мы хотели зайти, а огня-то нет у вас. Не знаю, мол, они живы, не знаю — нет...» Я ей говорю: «Мама, у меня Ваня-то ведь помер...» Ну, тут уж заря, светло сделалось. Посидели мы маленько, говорю: «Ну, пойдём». Приходим — пробой с цепи сняли. А из-под него уж и тюфяк-то вытащили, и подушку утащили... Что же, все есть хочут, да. Топор за печкой был — и топор утащили. Хоронить нечем. Нет ни тесу, ничего. Все взяли, когда раскулачивали».

Нашлась колода сделать гроб, Симакина позвала на помощь кума Ивана, тот пришел с отцом, и они сделали гроб. («А к куму Доньке не пошла», — не упустила сказать Симакина: хоть она его и простила, но осталась между ними непреходимая черта.) Похоронили по обряду как смогли.

Пример 19. Похороны. Кусочки (Виноградский, 2012: 64-65)

Обмыли его. И собрать-то не во что. Кое-как собрали его в старенькое, положили в гроб и на тележке повезли на кладбище. Здесь он и похоронен, в Лоху. Это было дело в 1933 году. Ване в те поры было 23 года, а мне 22. И уж я-то осталась одна — ну куды мне деваться? Я теперь умирать ведь буду. Мать говорит мне: «Пойдем, Тонька, с нами, опять в Пензу, собирать милостыньку». — «Ой, да куды ж я пойду, мама, — я не дойду...» А она кусочков принесла. Дала мне.

В контексте подаяния слово «кусочки» означает кусочки еды — то, что больше всего нужно и чаще всего подают. Бытовало выражение «ходить в кусочки», т.е. ходить побираться. Как видим, слово сохранилось до 1930-х годов. Это неудивительно. Мать Симакиной родилась в XIX веке, и была маленькой девочкой, а то и подростком, когда Чехов напечатал рассказ «Мужики». Она могла бы быть прототипом одного из его персонажей, с теми же традициями

и моделями поведения. Читая Чехова, мы можем сопоставить, как «ходили в кусочки» в 1890-х и 1930-х.

В начале рассказа лакей в московской гостинице Николай заболел, потерял работу и вернулся в деревню к брату, с женой Ольгой и дочкой Сашей. Прошло несколько месяцев беспроектной деревенской жизни, описанной жестоко, — Толстой рассказ резко осудил. В конце рассказа Николай умирает, а Ольга и Саша уходят из деревни обратно в Москву. Как часто у Чехова, после долгой беспросветности появляется вдруг что-то вроде надежды.

Пример 20. Чехов. Мужики. Конец

Солнце поднялось высоко, стало жарко. Жуково осталось далеко позади. Идти было в охотку, Ольга и Саша скоро забыли и про деревню, и про Марью, им было весело, и все развлекало их. То курган, то ряд телеграфных столбов, которые друг за другом идут неизвестно куда, исчезая на горизонте, и проволоки гудят таинственно; то виден вдали хуторок, весь в зелени, потягивает от него влажной и коноплей, и кажется почему-то, что там живут счастливые люди; то лошадиный скелет, одиноко белеющий в поле. <...>

В полдень Ольга и Саша пришли в большое село. <...> Остановившись около избы, которая казалась побогаче и новее, перед открытыми окнами, Ольга поклонилась и сказала громко, тонким, певучим голосом:

— Православные христиане, подайте милостыню, Христа ради, что милость ваша, родителям вашим царство небесное, вечный покой.

— Православные христиане, — запела Саша, — подайте, Христа ради, что милость ваша, царство небесное...

В документах 1930-х годов нет описаний поведения нищих, но есть литературные источники. Л. Лунгина вспоминает: «Ходили по домам люди, видимо, бежавшие от колхозов, главным образом — женщины, просить милостыню. Но они никогда не просили денег, они просили хлеб и вещи. И я никогда не забуду, как одна женщина говорит: подайте, Христа ради, хоть что-нибудь, и распахнула рваный грязный ватник, и оказалось, что она голая. Даже рубашки на ней не было. Это я на всю жизнь запомнила» (Лунгина, 2009:81).

Мандельштам в стихотворении 1933 года представляет образ полного молчания:

Природа своего не узнает лица,
И тени страшные Украйны и Кубани —
На войлочной земле голодные крестьяне
Калитку стерегут, не трогая кольца...⁸

8. https://rvb.ru/20vek/mandelstam/otext/vol_3/04annex/0iversus/3_282.htm. Крым был частью РСФСР, и в Крыму голода не было. В хорошо до-

ИСТОРИЯ

Симакина осталась одна в пустом доме, с кусочками от матери. Тут снова, как *deus ex machina*, появляется председатель, который раньше ее и Ваню предупредил о штурме.

Пример 21. Тиф, председатель, спасение

А тут у председателя нашего захворала жена — тифом. <...> а у ней была девочка, лет, видно, девяти. Клавдя звали. Вот, приходит ко мне этот председатель. А я сижу на печке, и у меня ноги и живот — все отечено. Наступлю — лопнет и текет из меня вода... «Тося, — говорит, — поживешь пока с девочкой, как жена в больнице будет лежать». Я отвечаю: «Не побрезгуете, Василий Михайлович? Видите, я какая...» А он: «Это не зараза, Тося, это — голод. Поживешь у меня с девочкой. Будешь есть хлеб. Только не вдоволь. Не сразу. Я тебе помаленьку велю есть...» Значит, у него хлеб-то был. <...> Ну, собрались, привел он меня. Сам пошел в больницу. Говорит: «Я приеду оттоле, дезинфекцию сделаем».

Ну, я отрежу кусочек хлеба, посолю. Съем. <...> быстро сошла отечность — за три дня все сошло. И вот жду я его, председателя-то. А у меня терпения не хватает — ну когда он будет дезинфекцию делать-то? Потом говорю: «Клавдя, давай!» Постель из-под нее вытащили на двор. Это вот сейчас матрасы-то в доме, а тогда — тюфяк соломенный. Вытащили одеялку, подушки. Это вот сейчас обстановки в каждом доме сколько, а тогда: стол да клеянка, столешник деревянный да лавка. И всё... Ну, вытащили всё. Речка рядом. Пошли, принесли воды, поставили на солнышко, нагрелась она. Давай потолок мыть — я вымыла и девчонка со мной старается. Шпалеры обтерли, Клавдя окошки моет. Убрали... И полы перемыли — только что не выстирали. Постели на дворе — все выбили, принесли, постелили опять. Тут Василий Михайлович, Ястребов, председатель, — приезжает. «Да зачем же вы это сделали?! — говорит. — Вы ведь теперь заразились...» Но ничего не сделалось нам. Вот зараза была — голод! Какой там тиф против него?! И вот я у них жила, видно, недели три: до тех пор, пока жена не пришла. А потом, значит, я ушла. А документов он мне почему-то не дал.

Что здесь важно для историка? Во-первых, поразительная живучесть: три дня на хлебе и воде полностью вернули энергию. Во-вторых, нетерпение заняться привычной работой, прибраться в доме. Даже и в 80 лет Симакина описывает ее подробно, со вкусом. Но в-третьих, самое главное: документов, чтобы уйти на работу в город, Ястребов ей не дал.

кументированной истории еврейских колхозов в Крыму 1933 год никак не отмечается, см.: Dekel-Chen, 2005.

Хотя и без справки, Симакина ушла в город. В деревне ей жить было негде: ее дом стали разбирать на брёвна, чтобы построить дом колхознику.

Пример 22. В Саратов на фабрику (Виноградский, 2012: 66)

Ну, что же делать? Собралась в Саратов. Там недалеко — фабрика Самойлова. Когда раскулачили всю материну родню, так они все туда попрятались <...> сами, не дожидаясь ссылки, туда подались, до большой завороти. <...> Ну чаво, куды мне деваться? Больше мне и выходу нет... На огороде у нас была рожь посеяна, половина огорода... Ну, ушла я в Саратов пешком. <...> Из Саратова, там мне растолковали, как до фабрики Самойлова дойти. Там близко — километров двадцать.

На самом деле фабрика называлась «имени Самойловой», известной революционерки. Она закрылась в 2010 году, но здание стоит до сих пор. Google Map подтверждает, что от Саратова до фабрики действительно «близко — километров двадцать», но до того Симакина прошла 90 км от деревни до Саратова, где переночевала и утром отправилась к дяде на фабрику. Крестьяне покрывали большие расстояния пешком (см. ниже раздел «Передвижения»).

Пример 23. У дяди на фабрике (Виноградский, 2012: 66)

Ну и вот, пришла к дяде. Ну чаво ж, — денек пожила, два. Он пошел в фабрику-то. А у меня документов-то нет никаких — я жена кулака. Приходит дядя, говорит: «Ну, Антонина, я тебя определил...» А тогда была карточная система. А я пришла на фабрику Самойлова где-то третьего числа: карточки-то уж выдали на производстве, на месяц. Дядя говорит: «Ну, как-нибудь месяц-то проживем...» Ну, у них был еще запас-то: маленько, может быть, там... Ну, работаю. Там — пряжа мотается, ватка идет лентой. Она подымается, я ее отрываю; а как полна станет, я новую катушку вставляю... Вот так я проработала месяц. И карточки тут мне бы получать, на другой-то месяц-то, а у меня нет никаких справок, никаких документов. Меня оттол и уволили. Ну, куда же мне еще у них жить? Я и так у дяди кормилась месяц. Пошла опять пешком — чего же, мне дали немножко на фабрике денег.

Невезение Симакиной продолжается. Во-первых, пришла на фабрику в начале месяца, когда карточки были уже выданы. (Поневоле подзреваешь, что могли бы и дать, но решили на ней сэкономить — раскулаченная единоличница без документов.) Во-вторых, год был 1933-й. Фицпатрик пишет: «На практике <...> ограничения передвижения крестьян вовсе не были так строги, как в теории. Исключение составлял лишь 1933 г., первый год существования паспортной системы, когда были предприняты действительно серьезные и довольно успешные усилия, чтобы сократить отходничество и крестьянскую миграцию в город» (Фицпатрик, 2008: 112).

А.Д. Назимовский
Устная история
снизу. Материалы
к устной истории
русских крестьян
в XX веке

По дороге домой Симакина вспоминала о посеянной ржи.

Пример 24. Справка (Виноградский, 2012: 66-67)

Иду и думаю: на огороде уж, наверное, рожь поспела — на огороде-то у Ружевых, у раскулаченных. Думаю — я хоть сожну рожь-то... Пришла — и мне рожь не дали. Совет не дал...

В.В.: Кто, Ястребов не дал?

Симакина: Да не Ястребов, а Совет! Там, чай, и повыше его были. А Ястребов так, — погонялкой был у них. Если можно было бы, он мне справки достал-бы, а вот не сумел, видно.

Речь идет о ржи, но Симакина вспоминает главную обиду. Как и с Донькой и с тем неизвестным, который украл подушку из-под мертвого Вани, Симакина пытается найти какое-то оправдание Ястребову, который мог бы переменить ей всю жизнь к лучшему.

Передвижения

Пешее передвижение всегда было обычным среди крестьян — у Чехова Ольга и Саша идут пешком из деревни в Москву. Оно стало еще более частым, когда всех лошадей, как «орудия производства», забрали в колхоз. Симакина упоминает хождение в Коптовку, где Ваня продал пиджак («здесь рядом» — говорит Симакина о прогулке 12 км в один конец). Самый долгий поход в оба конца за день был в Бурасы (17 км), поселок побольше, где были МТС, военкомат, суд и тюрьма, а совсем неподалеку (еще 7 км) железнодорожная станция. На станцию сдавали натуральный налог. Тягловой силой были быки или коровы, или просто сами женщины: «На себе в Бурасы возили налог сдавать. Ящик сколачивали и тележку делали. И тащили на себе. Вот как жили!» (Виноградский, 2012: 59).

Если поездка была для колхоза, давали быков и сани. Можно было бы сидеть в санях вместо ходьбы, но на Симакиной не было ни штанов, ни подштанников — сидеть было холодно.

Пример 25. На быках в Бурасы (Виноградский, 2012: 89)

Мне приказом — бочку машинного масла привезти. Варюшке постановили — керосину. Растегавне постановили еще там чего-то — керосину же... На бурасскую станцию, на быках, зимой... Это легко сказать! А у меня — ни обуви, ни одежки как следовало не было. Коленки-то без штанов были: иду вот эдак-то за быком, а его ведь надо все время погонять! Его хлыснешь, хлыснешь, а он задницу свою эдак повернет и опять идет по-своему. Он, чай, — бык, а не лошадь! И вот я иду за быком. Байковой одеялкой накрылась. А Варюшка остановилась: пописать ли, чаво ли там. Оттоль бежит... И я тут остановилась — оправиться маненько. Ну вот, оправилась, пошла... А Варюшка за мной бежит, говорит: «Тонька, неужто ты без штанов?!» Я говорю: «Без штанов, да». Она: «Да что ж ты не надела штанишки-то?» Я ей: «Да где

же это я их возьму-то — штаны?» Она опять: «Чай, Лёнины бы какие-нибудь взяла бы». Говорю ей: «Да как же я с Лени стаццу?! Стаццу, а он будет без штанов, на ремонте в МТС-е работать?!» Ну, поговорили, и она говорит: «Садися...» Села я, и она мне колёнки завязала. У ней тряпка была — лоб повязывать, так она ее пополам разорвала... Сижу, а из-под саней-то дует, мне холодно... Опять я слезла, иду пешком за санями-то. А ведь это пять-десять километров — взад-вперед. Туда — двадцать пять и от-толь — двадцать пять. Приедем на станцию — ночевать там наладимся. Потому что раздатка на станции только до пяти часов вечера работает. А в пять часов кладовщик, который от-пуцает, — он уж шабашит. <...> А утром, в шесть часов, поехали на базу-то, налили... И поехали в Лох. Ну, опять эдак вот пуржит — ни дороги, ничего нет. Вот как ездили!.. Это, говорю, сейчас что вы работаете, — пустое. Это было в году 1935-м... Да и в 1936-м, и в 1937-м мы эдак же на станцию на быках ездили... Зимой...

Здесь впервые появляется второй муж Симакиной, тракторист Лёня Симакин. Они познакомились в том же 1933 году. Вернувшись из Саратова, Симакина пошла жить к сестре, которая к тому времени вышла замуж за тракториста. Его приятель Лёня начал приходить, потом посватался. Она спросила сестру, что делать; та ответила: «Я не знаю, Тонька... Ведь сколько у нас ни живи, а все равно тебе надо определяться...» Пришел Лёня с сестрой, сговорились. О приданом речи не было: «Ведь у меня ни постели, ничего нет... Я ведь в чужой юбке пошла и в чужой одежде пошла к нему». Свадьбу справили в январе 1934-го, на Крещение. С Симакиной пришла ее двоюродная сестра, нянька Саня, которая и одолжила ей юбку.

Пример 26. Свадьба (Виноградский, 2012: 68)

Ну и вот, пришли. А у них маленькая была избенка: окошечки-то все на полу. Пришли, — а там свекровь была, и золовка, и деверь — Петька... Ну, наварили затирухи из муки, — это навроде похлебки. Сели обедать. Ну, чаво же, вина нет, так поели. Нянька ушла, я осталась. Мне золовка отдала свою кровать — там и тюфяк из соломы, там и дерюга, и подушки. Ну, осталась я... (Тяжело вздыхает, молчит.)

Весной Симакину приняли в колхоз. С того года и в колхозе, и в семье Симакиных дела пошли лучше. «Лёня получил деньги, вскоре, купил мне шубейку, купил мне калоши, купил чулки, купил мне на платье... Слава богу!» У них завелись овцы, и в следующий свой поход в Саратов Симакина гнала овец на рынок. 90 км, с овцами, доходили за день.

Пример 27. В Саратов, торговать (Виноградский, 2012: 58)

Я раза три-четыре ходила пешком со скотиной: с утра выйдем и уж к ночи придем в Саратов. Ну, уж нам и доставалось — все-таки далеко. Помню, в 1934 и в 1935 году гоня-

ли мы своих овец и телок. Придем в Саратов, — а там у меня была сестра двоюродная с мужем. Придем, загоним — а у нее были коровы, хлева. Переночуем. А утром рано муж сестрин нам зарежет, и на себе тащим по полтушки на Верхний базар, — торговать.

Симакина рассказывает это в самом начале разговора, когда Виноградский только что прибыл из Саратова, до Бурас на автобусе, «а вот от Бурас до Лоха полпути пришлось пешком идти — автобус отменили. Спасибо, электрик довез, колхозный... Все-таки далеко». Симакина, усмехнувшись снисходительно, говорит: «в старину мы не то что в Бурасы, — в Саратов ходили пешком...» Так сразу появляется ее постоянная тема: у нас была тяжелая жизнь, но как люди мы были лучше сегодняшних, сильнее, выносливее, смелее. «Тогда — все на себе! Это сейчас до уборной бояться пешком дойти...» (Виноградский, 2012: 86).

Как справлялись

Годы с 1934-го по 1938-й были, в общем, хорошие. Конечно, налоги были большие — иной раз невозможно было не выматериться. Симакина предупреждает Виноградского о матерщине — в США сегодня это называли бы «trigger warning» (осторожно, триггер!) — что показывает общее отношение крестьян к вежливым образованным посетителям, которые говорят по-городскому. Сама матерщина, возможно, смягченная или самой Симакиной, или Виноградским для печати, показывает знакомство с сексуальными практиками, о которых в советское время не говорилось.

Пример 28. Налоги (Виноградский, 2012: 59)

Мы жили так, что и мяса-то не ели, а все продавали. Тогда налоги были очень уж большие. Платили: три центнера картошки, десять килограммов масла платили... Шерсти с овец отдавали — два кило. У моей золовки была коза. Я пришла к ней — а сама-то я шерсть уж отнесла в Совет, — пришла и говорю: «Ариша, вот, дали тебе бумажку — с козы велят шерсть сдать...» А она на меня смотрит и говорит... Я ведь, Валера, изругаюсь сейчас! Говорит Ариша: «Да в три вас дыры! Да где это я им у козы возьму шерсти?! На хвосте, что ли, начешу?» (Смеется.) Так вот, и с козы брали двести граммов. И яйца, и масло брали. И мясо — двадцать килограммов... Мы трУсков, ну, кроликов держали: ими хорошо было выплачивать. Мясо — мясом выплачивали.

Но все же они оба работали, и в колхозе дела шли хорошо.

Пример 29. Хорошие года (Виноградский, 2012: 68)

Ну, а весну (1934 г. — А.Н.) мы стали работать — и он работает, и я работаю. Так до 1937 года и проработали, заработали хлеба много. Премировали меня два раза и его тоже... <...>

мы все делали: и косили, и пололи, и сарай-хлева глиной мазили, потом затирали и белили... И в поле все делали, и на быках, и на плугах... Что ж, надо где-то работать. А у меня еще детей не было, молодая я была... Трудодней мы много заработали. А тогда давали и пшеничку, и рожь, и чечевицу давали, и просо давали. Мы много получили — сыпать некуда. <...> Был у нас в деревне кредит, магазин. Мы сдали хлеба столько-то, в кредит. Купили телочку и овечку. И вот с этого времени мы начали жить... Потом тут наложили налоги. В каком это было году, я уж позабыла. Налог наложили, а денег-то еще не давали... Это, верно, был год 1939-й или 1940-й.

1939 год

Начало Второй мировой войны осталось для крестьян незамеченным. Во всех просмотренных материалах единственное упоминание находим в летописи Плотникова, где о 1939 годе говорится:

Пример 30. Плотников, 1939, (Осипов, 1995: 76)

трактора лигроиновые осенью все унас взяли вармию когда полишу дилили с Германией мы остались стракторами на твердом топливе

Лигроин — это не бензин, но все же это основанный на нефти самовозгорающийся продукт, который просто заливался в бак для топлива. Твердое топливо — это деревянные чурки для газогенераторного двигателя. Плотников пишет: «Вот было делав сзаготовкой чурки заготовить на пилить нетак трудно как ее высушити».

То, что для Плотникова было потерей оборудования, для Симакиных обернулось гораздо хуже. В 1939 году сильно подняли налоги: во-первых, ускорилась подготовка к войне, во-вторых, по новому договору надо было отправлять большое количество продовольствия в Германию. Кроме как с крестьян, брать новые ресурсы было негде.

Пример 31. Налоги. Тыквы (Виноградский, 2012: 69)

Потом тут наложили налоги. В каком это было году, я уж позабыла. <...> Это, верно, был год 1939-й или 1940-й. И вот, значит, налог. Опять собрали бригаду — налог платить. <...> Я сижую около окошка, гляжу. А народ-то идет, идет в бригаду-то. Сижую, гляжу. Народ обратно пошел, а Лёни-то все нет. <...> А Женька маленький, сын наш, на печке спал... Гляжу, идут... Еще гляжу — да батюшки мои! Это ведь к нам идут! <...> Идут с описью. Ну чего же описывать-то? Скотину-то мы еще летось сдали. Ну, зеркало было у нас. Самовар был. И тыквы были под кроватью... «Выкатывай тыквы!» — говорят. <...> Лёня-то выкатывать стал тыквы и говорит: «Да нате, забирайте...» А я стою и говорю: «Эх вы!

Одну семью угробили, а вот теперь другую угробляете...» Еще им говорю: «Господи, а до утра-то нельзя, что ли, было оставить...» А они — выкатывают тыквы, считают. И вот когда нас забрали в тюрьму. <...> Лёню посадили и меня посадили. Как раз вот в январе месяце. Посадили нас в сани, завернули в полог и повезли в Бурасы. Я кричала-кричала, а они везут и везут... Привезли, толкнули его в камеру, меня — в другую. Восемь дней сидела я. И Лёня там сидел. Потом Лёню увезли в Вольск, а меня оставили. Потом допрашивать взялись — два раза на день допрашивали.

Обвинение Лёне было такое: «Один из членов Совета показал, что его по башке ударили тыквой». Симакиной вменялись слова, что «угробили семью». К счастью, до того, как ее увезли, ей дал важный юридический совет новый после Ястребова председатель Совета.

Пример 32. Юридический совет

Когда меня забрали, он мне сказал укладкой: «Тося, ты не ви- нись, что эдак сказала-то, что Советская власть угробляет людей. Повинишься — статья-то тебе будет политическая...» Не знаю: он правду говорил, не знаю — нет. Ну, я, все-таки, как выведут меня к допросу, — не винюсь. Помню, как он говорил: «Пускай чего хотят делают — все равно ничего не сделают! Не застрелят, чай, тебя, но стращать тебя будут — не ви- нись!..» <...> И вот сколько меня ни допрашивали, я на своем настояла, не повинилась. Ой, и револьвером на меня стучали... Допрашивали, мучали-мучали меня, потом отпустили.

О детоубийстве

Из камеры на допрос Симакину водила конвоириша, тоже заключен- ная, из уголовных.

Пример 33. Конвоириша. Детоубийство (Виноградский, 2012: 69)

Конвоиром была женщина. Сама осужденная: сделала ребен- ка и в смородину его закопала, а сосед доказал. Ну, донес, ей дали три года за него — за ребенка-то. Вот она при тюрь- ме там помогала. Идет она, отпирает: «Пошли, Симакина, на допрос...»

От нежеланного ребенка можно было избавиться через аборт или детоубийство. При полном отсутствии медицинской помощи аборт был делом опасным. Энгельштайн пишет, что до революции среди крестьян детоубийство было гораздо более распро- странено, чем аборт, тогда как в городах, даже среди фабричных работ- ников — недавних крестьянок, аборт значительно преобладал (En- gelstein, 1992: 142). Когда большевики ввели самый либеральный в мире закон об абортах, практика детоубийства в деревне про- должалась. Вот запись выдающегося этнографа Феноменова, сде- ланная в 1923 году.

Парень Гришка гулял с девицей, по дням не гулял, а по ночам гулял. Она затежалела от его, все скрывалась от родителей и от людей. Ходила к нему навязываться, замуж чтобы взял, но он не взял: она бедная, а он хуть не очень богатый, а посправней ейного-то жил. Потом, когда отец ее узнал, что она в положении, он ее стал бить, выгонять стал. Она проживала кое-где: день сыта, а два дня голодная, потому что она не могла работать. Потом она, уже когда выгнана была отцом, хотела она родить в роце и удушить ребенка; у нас есть роца така возле деревни, — в ней всё девки рожают да ребят душат; и она так хотела, да не удалось ей, народ тут все ходил, помешали. Тут кака-то женщина уговорила ею и увела в деревню в Скокова к себе — они двое со стариком жили, и она там родила. Они ею поили, кормили — батька недели три ее не брал, потом сожалеся, взял ею.

Из дальнейшего рассказа узнаем, что молодая мать подала на Гришку в суд, но ничего не отсудила, потому что у него в деревне были большие связи. Пока она судилась, ребенок умер, не прожив и полугода. *«Теперь она в услуженьи»*. Феноменов спросил, сможет ли она выйти замуж. *«Конечно, выйдет. У нас это ничего: в нашем месте берут. На личико она хорошенька — молоденька (17 л.), ею возьмут с удовольствием»*.

У Бориса Миронова в его фундаментальном труде «Социальная история России периода империи» (Миронов, 2003. Т. 1: 201–206) содержится раздел о детоубийстве. Миронов отмечает как «бесспорный факт», что «детоубийство имело место в России, как и во всех странах мира в XVI–XVIII вв. <...> Проблема состоит в другом — являлось ли детоубийство в России редким, исключительным или массовым, бытовым явлением? Я склоняюсь к первой точке зрения. В источниках нет ни одного свидетельства об обычае убивать девочек или детей вообще (Там же: 201) (курсив в оригинале. — А.Н.). Однако далее Миронов отмечает, что «в отношении безнадежных инвалидов, а также и незаконнорожденных детей, чья судьба действительно была грустной» намеренно плохой уход и детоубийство были нередки (Там же: 206). Материалы Виноградского и Феноменова показывают, что детоубийство не было неслыханным делом и после 1917 года. В послесталинские времена и в этом тоже произошли перемены.

Следующий пример — из села Пилипы-Хребтиевские Хмельницкой области Украины. Село русскоязычное, потому что основано было старообрядцами в XVIII веке. Старообрядцы сохранили

А.Д. Нахимовский
Устная история
снизу. Материалы
к устной истории
русских крестьян
в XX веке

9. Единственная в своем роде книга, до сих пор не переизданная. После 1920-х и до 1990-х таких исследований не было.

и язык, и веру; когда стало возможно, то снова появился и батюшка. В примере говорится о работе на табачной плантации.

Пример 35. Мария Ягодина, 1934-2005

Страшно чяжело было. Это было варварски труд для женщин. Я (в)спомню кода, это живая каторга была. Не было как детёнку исть сварить. А зарабатывали ни рубля, нам не платили деньги. И вот я своих детей не видела маленьких. Их токо ночью приду пощупаю, — и на поле. Вот это какая была жизнь, можно было разжиться, чи можно было жить, чи можно было детей?! Пойдѣи на исповедь, батюшка говорит: «Винись, аборты делала?» А шо ж, не делала! А куда ж я их мала (могла. — А.Н.) родить? Я кажу: «Батюшка, да вы не знаете нашу жисть. Да вот нам николи не позавидовали, не сказали, что грех это. Потому что мусил, но нема что (должно, но никак. — А.Н.).

Симакина: суд и приговор

Через неделю после допросов Симакину вызвали в суд. Она и трое понятых вышли рано, чтобы успеть в Бурасы к девяти утра. Во время суда, Симакина и Лёня вину отрицали, и двое понятых их поддерживали. Порядок, кажется, соблюдался не вполне: «А Семка-то, третий понятой, — плел, плел, да и убег из суда незнай куда...» (Виноградский, 2012: 71). Суд, однако, нашел обоих виновными.

Пример 36. Приговор. Обморок (Виноградский, 2012: 71)

Ну, осудили нас... Лёне дали два года. Тут же его забрали, увели. А мне дали шесть месяцев принудительных работ. Как нам зачитали все это, повели его, — я как ляснулась на пол и не помню ничего... Его отвели, я очухалась немного, вышла на двор. И пешком пошла домой, в Лох...

Война

Симакина не рассказывает, отсидел ли Лёня свой срок. Его следующее появление — в конце 1941 года. Ему было 38 лет, он вначале был на брони, работал в Бурасах. Это был обычный порядок.

Пример 37. Зимнее расписание. Баня (Виноградский, 2012: 74)

Бывало, по всей зиме на ремонте мужики стояли, в МТС, в Бурасах. В субботу домой, в деревню придут. Уж с утра баню топишь. Как вымоются, так следом и выстираешь с них в бане-то. В бане и сушили... Нечем смениться-то было! А хочется с себя да с одежды грязь-то отмыть, чтобы идти чистенькому на всю неделю опять. (Следует долгое описание, как трудно было раз-

весить все сушиться в маленькой бане. — А.Н.) *Вот как жили!.. А сейчас чего? Сейчас — одни штаны испачкал, надевают другие. Другие испачкал — третьи надевает... Разве эдак штанов напасешься?..*

В 1941-м все было по-другому. Лёня домой не пришел, самой Симакиной пришлось идти в Бурасы.

Пример 38. Война. Лёню забирают на фронт. Часы-редкость (Виноградский, 2012: 98-99)

Стучится раз мне в окошко Федька Трунин: «Тетя Тоня, тетя Тоня...» Я встала с печки: «Чаво?» А он: «Тебе дядя Лёня звонил в сельсовет, чтоб ты утром везла ему военный билет, в Бурасы... Их завтра отправляют на фронт, с трактором...» «Батюшки!» — думаю. Плачу же! А у нас были труски (кролики. — А.Н.), под полом жили, в избе. <...> Поймала я труску, зарезала ее, затопила голанку и сварила. И ночью пошла в Бурасы. Иду, иду — нет никого нигде. Думаю: «Ну сколько же времени?!» <...> А у нас, как в Косую гору подымаешься, была Хмелевка. Деревня... Вернее, хутор. Там наша сродница жила. Я иду к ней. Стучусь... — «Кто там?» — «Бабушка Таша, это я, Тонька Пудовина...» (Пудовины — уличная фамилия Симакиных. — В.В.). Она из-за двери: «Миленькая, да ты это чтой-то?» — «Да ты отпирай», — говорю... Ну, отперла она, спрашивает: «Это чтой-то, нужна что ль какая тебя гонит?..» Говорю: «Конешно...» Говорю: «Сколько времени-то?..» А она в окно поглядела, говорит: «Не знаю... Еще вон зарницы-то нет...» — «А часы у тебя есть, бабушка Таша?» — спрашиваю. Она говорит: «Нет, миленькая, нет. Я пойду Костю Мещанова разбужу — у них, вроде, часы есть...» Она шарахнулась. Приходит, говорит: «Тоська, да ты что?! Времени-то — только три часа ночи...» Ну вот, только три часа, а я уже на Хмелевку пришла... Ну, посидела маленько, погрелась. Ста-ла тут уже заря заниматься. Я встала, пошла. И я уж в восемь часов пришла в Бурасы.

Стенные часы были редкостью, о ручных и речи не было. В другом месте Симакина описывает, как бригадир, чтобы узнать, настал ли полдень, меряет свою тень «лапами», т.е. стопами (Виноградский, 2012: 108).

Пример 39. Продолжение примера 38. Прощание. «Я завыла...»

А все уж — готовые, стоят у военкомата. Трактора тут же. Я всхожу в военкомат-то — Федя Казанкин сидит. Я спрашиваю: «А где Лёня-то?» — «Да вон, у начальника в комнате». Выходит Лёня: «Принесла, что ль, военный билет-то?» — спрашивает. «Принесла...», — говорю. А он говорит, что отправляют, мол, нас на фронт. Вместе с трактором. Ну, чего ж... Я завыла, билет отдала ему, он пошел к начальнику военкомата. Вышел... Простились, и он пошел. И уехали. А я домой пошла пешком.

ИСТОРИЯ

Лёня был ранен, но выжил, вернулся домой калекой. По случайности увечье у него было такое же, как у мужа Миньковой (Пример 5). Но даже и с одной рукой, он что-то приносил в дом.

Пример 40. По зёрнышку одной рукой (Виноградский, 2012: 74-75)

Когда он в январе 1944 года пришел с войны — у него плеча не было. Рука только что на центральной жиле держалась — он ее поднять не мог. Не мог сам голову мыть. Когда Лёня пришел, у меня было немножко хлеба. Зиму кое-как пережили. А тут уж весна — доели хлеб-то. А на улице обтаивать стало. А у нас было недалеко гумно, на задах... И вот Лёня пошел на гумно. Рука у него была вот эдак привязана... Ну, пошел он на гумно. Солнце яркое светит, тепло стало, водичка побежала. Я сумочку ему дала — на гумно-то идти. Ну, это недалеко. Края-то у гумна обтаивать под солнцем стали, а там по осени просо обмолачивали. И вот зернышки-то остались! И Леня по зернышку, по зернышку — из грязи просо выбирал и в сумочку складывал. В зубы сумочку-то брал! Руки-то одной нет, не работает одна рука... А Женька стоит на окошке, ему видать все. Ну, идет с сумочкой Лёня. Набрал проса. Две горсти. А Женька кричит: «Папанька идет, папанька идет! Несет чего-то!» Ну, папанька пришел — я скорей просо мыть. Вымыла его, стекло решето, вода сошла с проса — чисто вымыла. И в печку на противень — разровняла, сушу. Высохло оно. А уж они ждут-не дождутся! Высохло! А у нас была ступа и пест. Натолкла я проса и кашичку сварила. На тагане в маленьком чугушке. Вот мы маленько и наелись.

О жизни ветеранов-инвалидов написано немало, но, как всегда, больше всего о городских. Часто обсуждается их неприглядный вид, неподобающий облику советского города, и периодические «зачистки» городов от инвалидов, которые просили милостыни и занимались мелким криминалом (Bernstein, 2015; Dale, 2013; Edele, 2006). В деревне таких проблем не было. Однако деревня не получала от государства даже и той мизерной помощи, которая шла городским инвалидам. Масштабы ее, по первому постановлению Совнаркома о социальной помощи инвалидам (январь 1944 г.), сведены в следующей таблице:

	Не связанным с сельским хозяйством (в рублях/мес.)	Связанным с сельским хозяйством (в рублях/мес.)
инвалиды I группы	100	80
инвалиды II группы	75	60
инвалиды III группы	50	40

В том же месяце 1 кг муки стоил от 130 до 250 рублей, литр молока от 40 до 80 рублей¹⁰. Лёня не получал даже и свои 40 рублей: скорее всего нужны были какие-то бумаги, которых у него не было¹¹. Однако колхоз Лёне сильно помог: его назначили караульщиком.

Пример 41. После войны. Лёня сторож

Ну, мы мало после войны-то голодовали... Тут Лёня у нас пошел караулить. Эдак же принесет украдкой — с килограмм ли, с два ли... Вот так: из-за кармана, из-за сумочки ходили работать! Чтобы только с голоду не умереть.

Колхозы вообще старались помочь инвалидам. Алымов цитирует статью председателя колхоза в газете «Большевистская искра» от 19 июля 1945 г.: «В нашем колхозе имеется пять объездчиков, <...> которые круглосуточно охраняют посеы на корню. Кроме того, два человека <...> сторожат посев гороха. Вся эта сторожевая охрана подобрана из честных лиц, инвалидов Отечественной войны» (Алымов, 2010: 10).

Сторожевая охрана была необходима, чтобы остановить «кражу» еды с колхозных полей. Одна из крестьянских записей Алымова показывает объездчиков в действии. Рассказчик был в те годы подростком, работал в колхозе.

Пример 42. Анатолий Фомин. 1936–2005 годы. Вирятино (Алымов, 2010: 12)

Тогда мы горох поехали молотить. Приехал объездчик Андрей Иванович. Говорят, приехал проверять, чтобы никто не взял. А с бочкой, с водой, я-то маленький. А у женщин у всех, может, по пригоршине этого гороха, и они туда, в воду, у меня там полбочки воды — бух-бух. Говорят: ехай, ехай. А он видит, что я на лошади сижу, у меня ничего нет. Сижу на бочке. Сюда на конный двор приехал, они все туда, достает каждая из воды — домой. Домой придет — горох сварит ребятишкам.

Голод 1946–1947 года. Перемены власти

Контекст предыдущего примера — обычное недоедание послевоенных годов. Ни деревня Лох, ни село Вирятино не пережили голода 1946–1947 года. Засуха 1946 года сильно ударила по южным районам. Особенно плохо пришлось тем районам Западной Украины

10. <https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni>

11. «В результате ранений, обморожения, гангрены и неадекватной медицинской помощи миллионы советских солдат стали инвалидами во время войны. Консервативно их число оценивается в 2,75 миллиона, но скорее всего их было гораздо больше, принимая во внимание житейские и бюрократические препятствия к получению инвалидного статуса (и, следовательно, к скромному государственному пособию, которое причиталось инвалидам войны» (Bernstein, 2015: 114).

и Молдавии, которые впервые попали под Советскую власть в 1939 году, оказались в немецкой оккупации или вернулись в Румынию во время войны, а по ее окончании надолго стали частью СССР. Для них конец войны стал началом коллективизации, так что они «прошли» пятилетку 1928–1933 годов, от раскулачивания до голода, в два года.

Как уже упоминалось, во многих районах Украины и Молдавии были русские деревни, основанные старообрядцами в XVIII–XIX веках. Например, село Приморское Одесской области «было основано в XVIII в. казаками-некрасовцами, выходцами с Дона, а позднее пополнялось другими старообрядцами из сёл по нижнему течению Дуная...» (Касаткин, 2017: 565; Касаткин, 2016). Касаткин, который собирал записи старообрядцев в России и Украине, Эстонии и Молдавии, Бразилии и штате Орегон, побывал в Приморском в 2003 году и записал жизненную историю Дарьи Горшковой.

Пример 43. Дарья Куприяновна Горшкова. 1931–2003. Село Приморское, Одесская обл. (Касаткин, 2017: 566)

У нас (в)от была Румыния, мы жили тут при Румынии до сорокового года. Малая была — ходила в садик, пошла потом вот у первый класс. Пришли русские у сороковом году, отбили этих румын, стали тут русские. Запретили в церкву ходить. Тоже пошла в школу. Нас опять же узяли с первого класса у первый класс, учили русский язык нас. После года этого, как война началась двадцать первого июля чи в июне, румыны опять пришли, выгнали этих русских, мы остались у румынов. Узяли нас обратно у школу опять ниже классом.

В этом рассказе Горшковой примечательно, что ей запомнилось, что отобрала ее память. Русские запретили ходить в церковь. Снова послали в первый класс, учить русский язык. Потом пришли румыны и снова послали в первый класс. В остальном крестьян оставили в покое: *«Жили так сами собой, как хто умел. Сеяли коноплю, ткали полотна такие сами, чтоб сшить юбку какую-нибудь или кофту. О такую мы жизнь вели»*. Власть была румынская, но рядом с деревней был немецкий аэродром.

Пример 44. Немцы в войну (Касаткин, 2017: 567)

Нас тут немцы не обижали наше село. Может быть, де-то, как мы слышали, по книгах, по телевидению, что де-то оны делали плохо, но у нашем селе оны стояли, никому не делали плохо. Не трогали нас, покупали у нас молоко. Даже я, несила им молоко, де оны там жили, курочек носили туда им, петушков молоденьких. Оны ещё заплотють, сколько скажешь. Дорого платили, ещё тебе и шоколадку дадут там, угостят чем. В общем не обижали никого в селе у нас. Ну тут побочены сёла, как от слышала я, что там партизаны были, там что там делали, но у нас этого не было.

В оккупированных и управляемых немцами сельских районах шоколадок, конечно, не давали и кур забирали бесплатно, но об-

щее описание бывает схожим. Баранова пишет: «Для воспоминаний о войне характерен обобщенный образ немца-оккупанта, который присутствует в сознании рассказчика независимо от того, полемизирует он с ним или соглашается. <...> Общераспространенность такого образа оккупантов проявляется в стремлении рассказчика объяснить, почему он не подходит для описания ситуации в их деревне: “Так что говорят вот таких ни одного случая какого-то бесчинства не было, но правда и жили-то они не долго” <...> В сознании рассказчика присутствует представление о том, что делали немцы, и он стремится согласовать собственные воспоминания со стереотипом. Одна из наиболее распространенных стратегий — отнесение зверств оккупантов в соседние деревни/округи, достаточно хорошо известные рассказчику, но не относящиеся, видимо, к “своему” обжитому пространству: “Нет, вот в нашей округе, как я знаю, немцы не зверствовали, а вот еще в Волотовском районе, туда вот поближе к Соловьеву, по-моему, там вешали комсомольцев”» (Баранова, 1994: 48).

Крестьянские воспоминания о войне и оккупации — это особая, малоизученная тема. «Крестьянская» глава книги В.Н. Ковалева об оккупации никаких устных свидетельств не содержит¹².

Коллективизация, 1945 год

С приходом Советской власти сразу началась коллективизация. У Горшковой была большая крепкая семья, типичные кулаки. К беднякам она относится неодобрительно.

Пример 45. Коллективизация, раскулачивание (Касаткин, 2017: 567-568)

Ну потом пришли ж опять русские, всё это выгнали, стали у нас русские, стали колхозы делать. Забрал колхоз у нас косилки, и веялки, и кони, и коровы, разобрали наш забор, всё забрал колхоз. И де какие были овечечки, де зёрнышко, всё было везли. И подняли тут некоторые семьи, которые были проти этого, чтоб сдать. Забрали их на чёрную машину и повывезли в общем.

А большинство этих (в)от наших таких бедняков, пьяниц, которые были: «О! наши пришли! Забирайте их, кулаков, оны кулаки». И тут у нас у селе многих забрали на машину, увезли, так и по сей день нема. <...> Говорять русские, что мол оны держали там людей, не платили. Это просто семья, своих детей имеют пять-шесть человек, батька, матка. Тогда ж как рабы у стéпи, утром у степ, увечери домой. Семьи так работали, чтобы было.

Война закончилась девятого мая, ну и почали нас шарбуйть — всё выбирать, забирать. Ну, повыгребли всё, по ха-

12. Глава «“Колхоз” готическим шрифтом» в: Ковалев, 2011.

там ходили, даже родители у лежаночку закапывали зёрнушко, они отрывали, забирали всё, что было что съедобное. Вот всё вези, сдавай, всё вези, сдавай. <...> Забрали всех конев, и подводы, и косилки, и веялки. Это вот инвентарь — это всё забрали. И зерно забрали.

Из-за послевоенной разрухи и засушливого лета урожай 1945 года был невелик. 1946-й был гораздо хуже. «По силе и масштабам охвата территории засуха 1946 г. была больше, чем в 1921 г., и напоминала засуху 1891 г. Во многих районах дождей не было 60–70 дней подряд. <...> В засушливом 1921 году за май–июнь выпало в 2 раза больше осадков, чем в 1946 г.» (Волков, 1991). В селе Приморском засуха последовала сразу за коллективизацией.

Пример 46. Горшкова. Голод (Касаткин, 2017: 569)

Буду говорить про свою семью. Отец, мать и нас трое деток. А гляди по всех полках, по всех кутниках — не найдёшь что-нибудь, чтоб у рот можно было покласть. Все повысохли. Ну что, продавали всё, что было у нас там такое, всё попродали, и никому ничего не надо, и мы умираем. Никто ничего не даёт, не продаёт. Всё нема. Все голодны.

Сразу умер отец с голоду. Умер — закопали. Потом и девочка, моя сестра. И там люди все по селу мрут, даже разом соседи опухают, умирают. И на санки кладут их и везут на кладбище.

По селу идёшь, а люди лежат, той упал, той лежит уже, той доходит. Хоронить нема кому же, взять и закопать, бо все бессильные. И ещё снег такой высокой, мороз. Мама форя (хвоя). — А.Н.) лежала, говорит: «Дочечка, иди погляди, там Петька-то живой? И живые оны?» Иду — как чурбаки, хто как, хто согнутый, хто лежит. Приду: «Мамочка, все лежат, все лежат». — «О, дочечка, хто же хоронить будет?» — «Не знаю, хто их будет хоронить».

И так, пока мороз, лежали, той лежит, той лежит, той лежит. И семьями, я лично видала сама. Семьи. Вот открытые двери, фуртуна (буря. — А.Н.), дует, мороз. И как же копать — все бессильные. И придут, там снег отроют, там чуточку землю подолбают и туда его положили. А то едут, санками собирают. На санки поклали, наклали, повезли, там вскопали, всех туда в одну ямку поклали.

А потом уже стало стаять, весна уже, надо же убирать. Уже когда растаяло там всё, и уже земля мягкая сделалась, что ходили, хто остался живенькой, закапывали, чтоб не было видно. Мы их закапывали. На нашей от вулице вам час расскажут. Коло нас две семьи все умерли. Пять детей и matka, и батька умерли. Сбоку тоже, так само умерли. И собак люди ели, и крыс ели, и даже люди людей ели. Вот тут сейчас жива одна семья, умер батька, и matka, и сын, и дочка одна умерла, а две остались, старшая и младшая. Младшая мой годок была. И эта старшая уже такая

форая, уже скоро ей помереть. У голод нема чего есть. Она ей отрезала ляжку, ногу и ела. Потом она умерла, она взяла её, там колодец у неё был выкопан, она в той колодец её кинула. Во так. Люди видели. Так много по селу было слышно, что люди ели людей.

Так на степной земле Южной Украины были воссозданы условия блокады Ленинграда. Однако Горшкова выжила, а следующий, 1948 год, как когда-то 1937-й, был для крестьян гораздо лучше.

Пример 47. Горшкова. Облегчение в 1948 году (Касаткин, 2017: 571)

Потом у сорок восьмом году уродила пшеница, колхоз посеял там штошь. Уже мы зажили, дали нам по три кила пшенички на трудодень, а то ходили работали только за кашу. Мы тут начали крутить у каждой хате. Есть такая жёрна, и крутили, варили кашку и её ели и кушали. Только была уволю каша. Мельницу открыли у чужом селе три километра, пустили нас. Стали хлебушек есть, ну и так немножко отжили люди, которые остались. <...>

Ну председатель, которы был тут у нас, говорил, что придёт время, будете белый хлеб есть, кутя хотите есть, кашу есть не будем, хлеб белый будем только кушать.

При Брежневе предсказания председателя оправдались.

Заключение

Лишь небольшие отрывки из нескольких жизненных историй уместились в эту статью, и только история Симакиной была представлена более или менее подробно. Однако даже и на этом ограниченном материале можно поставить вопрос: в чем ценность крестьянских историй для исторической науки и исторической памяти? Ответ отчасти зависит от шкалы исторического внимания. В период с 1917 до 1953 года русские крестьяне были лишены многих гражданских прав и почти непрерывно жили под жестким угнетением властей. Историкам должно быть интересно, как проявляют себя отдельные личности, семьи и группы людей в таких экстремальных условиях. Какие можно разглядеть общие психологические черты и модели поведения? Как такие микронаблюдения соотносятся с большой исторической картиной народных движений? Устная история снизу, особенно жизненные истории крестьян, представляют незаменимый материал для такого рода исследований.

Библиография

- Алымов С. (2006). П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.
Алымов С. (2010). Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // НЛО. № 101, без пагинации. <https://magazines.gorky.me>

- dia/nlo/2010/1/nesluchajnoe-selo-sovetskie-etnografy-i-kolhozniki-na-puti-ot-starogo-k-novomu-i-obratno.html
- Баранова В.В. (1994). Устные воспоминания крестьян о войне // *Фольклор Великой Отечественной войны: сборник научных трудов / под ред. О. Е. Лебедевой и В. Федоровой*. Курган: Парус-М.
- Виноградский В.Г. (2009). Орудия слабых. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ.
- Виноградский В.Г. (2012). Протоколы колхозной эпохи. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ.
- Виноградский В.Г. (2017). Голоса снизу. М.: Дело.
- Волков И.М. (1991). Засуха, голод 1946–1947 годов // *История СССР*. № 4. С. 3–19.
- Гольдин В.Ф. (2009). Повествование в диалектном дискурсе // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика*. Вып. 1.
- Зима В.Ф. (1996). Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Институт Российской истории РАН.
- Касаткин Л.Л. (2010). Русская деревня в рассказах ее жителей. М.: АСТ-ПРЕСС.
- Касаткин Л.Л. (2016). Из деревенских рассказов // *Новый мир*. № 12. С. 39–48.
- Касаткин Л.Л. (2017). Избранные труды. Т. 2. М.: Гнозис.
- Ковалев В.Н. (2011). Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия.
- Лунгина Л. (2009). Подстрочник. Жизнь Лилианы Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Астрель.
- Маркс К. (1955). Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений*. Изд. 2. Т. 3. М. С. 1–4.
- Мионов Б.Н. (2003). Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Нахимовский А.Д. (2017). Крестьянский язык и Революция: Письма во власть до и после 1917 года. (The language of peasants and the Revolution) // *Revue des études slaves, «Philologie et Révolution»*, Vol. LXXXVIII. No 1-2. P. 113–134.
- Осипов Б.И. (1995). Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисловие и комментарий Б.И. Осипова. Омск: изд-во ОмГУ.
- Сейфуллина Л. (1923). Перегонной. М.
- Селищев А. (1928). Русский язык революционной эпохи. М.
- Феноменов М. (1925). Современная деревня. Т. 1-2. М.: ГИЗ.
- Фицпатрик Ш. (2008). Сталинские крестьяне. М.: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская политическая энциклопедия.
- Шафир Я. (1924). Газета и деревня. М.
- Яковлев Я.А. (1923). Деревня как она есть. М.: Красная новь.
- Bernstein F. (2015). Prosthetic Manhood in the Soviet Union at the End of World War II // *Osisris*. Vol. 30. No. 1. Scientific Masculinities (January 2015). P. 113–133.
- Dale R. (2013). The Valaam Myth and the Fate of Leningrad's Disabled Veterans // *Russian Review*. Vol. 72. No. 2. P. 260–284.
- Dekel-Chen J.L. (2005). Farming the Red Land: Jewish Agricultural Colonization and Local Soviet Power, 1923–1941. New Haven: Yale University Press.
- Edele M. (2006). Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // *Slavic Review*. Vol. 65. No. 1. P. 111–137.
- Engelstein L. (1992). The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca: Cornell University Press.
- Graziosi A. (1996). The great Soviet-Peasant war. Bolsheviks and Peasants, 1918–1933. Harvard Ukrainian Center.
- Graziosi A. (2017). Political Famines in the USSR and China: A Comparative Analysis // *Journal of Cold War Studies*. Vol. 19. No 3. P. 42–103.
- Gross J. (2001). *Neighbors*. Princeton University Press.

Lynd S. (1993). Oral History from below // The Oral History Review. Vol. 21. № 1. P. 1–8.

Nakhimovsky A. (2020). The Language of Russian Peasants in the XXth Century. Lexington Books.

Várdy S. B., Várdy A. H. (2007). Cannibalism in Stalin's Russia and Mao's China // East European Quarterly. Vol. 41. № 2. P. 223–238.

Oral history from below. Materials for the oral history of Russian peasants in the 20th century

Alexander D. Nakhimovsky, PhD, Associate Professor, Computer Science Department; Head of the Linguistics Program (retired), Colgate University. 13 Oak Drive, Hamilton, New York, 13346 USA. E-mail: adnakhimovsky@colgate.edu

Abstract. The author analyzes the life stories of those Russian peasants who were old enough to remember collectivization. The large collection of such life stories recorded after 1990 is a rich source of materials for the oral history and other fields of study; however, this collection remains unsorted. Such scholars as the ethnographer Sergei Alymov, the sociologist Valery Vinogradsky, the linguist Leonid Kasatkin, and the historian Tatyana Shcheglova have done much work to collect these materials and to analyze them in different disciplinary perspectives. However, their descriptions remain completely isolated, and the author uses their publications to show the internal unity of their work and to explain that a single archive would be very useful for future research. After a brief introduction, the article turns into a chronological narrative of the Russian peasant history from 1918 to 1953, which consists of those key events/episodes in the lives of narrators that inevitably coincide with the key moments of history. In the comments to the narratives, the author describes the narrators' psychological traits, their attitudes to the state, work and changes of fate, their connection with pre-revolutionary traditions, and their perception of the new reality.

Key words: civil war, NEP, collectivization, famines of 1932–1933 and 1946–1947, migration to the city, walking, court proceedings, infanticide, war, disabled veterans

References

Alymov S. (2006) *P.I. Kushner i razvitie sovetskoy etnografii v 1920–1950-e gody* [P.I. Kushner and the Development of Soviet Ethnography in the 1920s — 1950s], Moscow.

Alymov S. (2010) *Nesluchaynoe selo: sovetskie etnografy i kolkhozniki na puti "ot starogo k novomu" i obratno* [Nonrandom village: Soviet ethnographers and collective farmers on the path 'from the old to the new' and back]. *NLO*, no 101.

Baranova V.V. (1994) *Ustnye vospominaniya krest'yan o voyne* [Peasant oral memories of the war]. *Folklor Velikoy Otechestvennoy voyny*. Ed. by O.E. Lebedeva, V. Fedorova, Kurgan: Parus-M.

Vinogradsky V.G. (2009) *Orudiya slabyykh* [Weapons of the Weak], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.

Vinogradsky V.G. (2012) *Protokoly kolkhoznoy epokhi* [Records of the Collective-Farm Era], Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEU.

Vinogradsky V.G. (2017) *Golosa snizu* [Voices from Below], Moscow: Delo.

Volkov I.M. (1991) *Zasukha, golod 1946–1947 godov* [Drought, famine of 1946–1947]. *Istoriya SSSR*, no 4, pp. 3–19.

- Goldin V.F. (2009) Povestvovanie v dialektnom diskurse [Narration in the dialectal discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, no 1.
- Zima V.F. (1996) *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [1946–1947 Famine in the USSR: Causes and Consequences], Moscow: IRI RAN.
- Kasatkin L.L. (2010) *Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley* [Russian Village in the Stories of its Villagers], Moscow: AST-Press.
- Kasatkin L.L. (2016) Iz derevenskikh rasskazov [From the village stories]. *Novy mir*, no 12, pp. 39–48.
- Kasatkin L.L. (2017) *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol. 2, Moscow: Gnozis.
- Kovalev V.N. (2011) *Povsednevnyaya zhizn naseleniya Rossii v period natsistskoy okkupatsii* [Everyday Life of the Russian Population during the Nazi Occupation], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Lungina L. (2009) *Podstrochnik. Zhizn Liliiny Lunginoy, rasskazannaya eyu v filme Olega Dormana* [Word-for-Word: The Life of Liliana Lungina as Told by Her in the Film by Oleg Dorman], Moscow: Astrel.
- Marx K. (1955). Tezisy o Feuerbach [Theses on Feuerbach]. Marx K., Engels F. *Sobranie sochineniy*, 2nd ed., vol. 3, Moscow, pp. 1–4.
- Mironov B.N. (2003) *Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): Genesis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of the Russian Empire (18th — early 20th century): Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society and the Rule-of-Law State], 2 vols., Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.
- Nakhimovsky A.D. (2017) Krestyansky yazyk i revolyutsiya: Pisma vo vlast do i posle 1917 goda [The language of peasants and the Revolution: Letters to authorities before and after 1917]. *Revue des études slaves, "Philologie et Révolution"*, vol. LXXXVIII, no 1–2, pp. 113–134.
- Osipov B.I. (1995) *Avtobiograficheskie zapiski sibirskogo krestyanina V.A. Plotnikova: Publikatsiya i issledovanie teksta* [Autobiographical Notes of the Siberian Peasant V.A. Plotnikov: Publication and Study of the Text], Omsk: Izd-vo OmGU.
- Seifullina L. (1923) *Peregrnoy* [Humus], Moscow.
- Selishchev A. (1928) *Russky yazyk revolyutsionnoy epokhi* [Russian Language of the Revolutionary Era], Moscow.
- Fenomenov M. (1925) *Sovremennaya derevnya* [Modern Village], vol. 1–2, Moscow: GIZ.
- Fitzpatrick Sh. (2008) *Stalinskie krestiyane* [Stalin's Peasants], Moscow: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. Yeltsina, ROSSPEN.
- Shafir Ya. (1924) *Gazeta i derevnya* [Newspaper and Village], Moscow.
- Yakovlev Ya.A. (1923) *Derevnya kak ona est* [Village as It Is], Moscow: Krasnaya nov.
- Bernstein F. (2015) Prosthetic manhood in the Soviet Union at the end of World War II. *Osiris*, vol. 30, no 1 "Scientific Masculinities", pp. 113–133.
- Dale R. (2013) The Valaam myth and the fate of Leningrad's disabled veterans. *Russian Review*, vol. 72, no 2, pp. 260–284.
- Dekel-Chen J.L. (2005) *Farming the Red Land: Jewish Agricultural Colonization and Local Soviet Power, 1923–1941*, New Haven: Yale University Press.
- Edele M. (2006) Soviet veterans as an entitlement group, 1945–1955. *Slavic Review*, vol. 65, no 1, pp. 111–137.
- Engelstein L. (1992) *The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia*, Ithaca: Cornell University Press.
- Graziosi A. (1996) *The Great Soviet-Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1918–1933*, Harvard Ukrainian Center.
- Graziosi A. (2017) Political famines in the USSR and China: A comparative analysis. *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no 3, pp 42–103.
- Gross J. (2001) *Neighbors*, Princeton University Press.
- Lynd S. (1993) Oral history from below. *Oral History Review*, vol. 21, no 1, pp. 1-8.

- Nakhimovsky A. (2020) *The Language of Russian Peasants in the 20th Century*, Lexington Books.
- Várdy S.B., Várdy A.H. (2007) Cannibalism in Stalin's Russia and Mao's China. *East European Quarterly*, vol. 41, no 2, pp. 223–238.

Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России¹

Т.Г. Нефедова

Татьяна Григорьевна Нефедова, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН, 119017 Москва, Старомонетный переулок, д. 29. E-mail: trene12@igras.ru

Аннотация. В основу данной публикации положен одноименный доклад, сделанный автором 11 марта 2021 года на научном семинаре Чаяновского исследовательского центра и Центра аграрных исследований РАНХиГС. Доклад был подготовлен на основе ряда публикаций по проекту Российского научного фонда № 19-17-00174 «Развитие районов старого освоения в условиях социально-экономической поляризации и сжатия освоенного пространства Европейской России». Основная цель исследования состояла в выявлении проблем и последствий влияния поляризации пространства России на развитие сельской местности на разных масштабных уровнях от регионального до локального на примере регионов Центральной России, включающих Московскую и окружающие ее области. В докладе рассмотрена специфика сельской местности Центральной России, показаны особенности ее освоения и последствия длительной сельской депопуляции, наиболее сильной в регионах вокруг Московской области. Особое внимание уделено разным видам миграций населения (межрегиональным, внутрирегиональным и международным), их причинам, выявлению очагов современной концентрации населения. Подробно рассмотрена трансформация сельского хозяйства в этих регионах, его организационные и пространственные изменения, показаны основные векторы упадка и восстановления сельскохозяйственного производства и его влияние на сельское расселение. Выявлено, что поляризация сельского пространства происходит на всех масштабных уровнях: регионов, муниципальных районов, населенных пунктов. В статье применен комплексный подход, рассматривающий сельскую местность во взаимодействии с городами. Показано влияние инвестиций из городов на развитие сельской местности, усиливающаяся концентрация сельского населения в пригородах и роль городских дачников в реосвоении сельской местности и сохранении сельских населенных пунктов. Заканчивается статья рассмотрением последствий действий властей в отношении сельской местности.

Ключевые слова: староосвоенные районы, города, сельская местность, сельское хозяйство, миграции населения, землепользование, дачники

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153

-
1. Статья подготовлена по результатам проекта, поддержанного РНФ № 19-17-00174 «Развитие районов старого освоения в условиях социально-экономической поляризации и сжатия освоенного пространства Европейской России»

Начнем с того, что изучать сельскую местность России довольно сложно, очень разнообразная страна. Иногда кажется, что, изучив один, другой район, мы многое поняли, но достаточно отъехать немного в сторону, и все может оказаться совсем не так. Попробуем в качестве отправной точки объяснить причины этих пространственных различий.

Во-первых, они связаны с огромными размерами страны, которые ограничивают свободу маневра — невозможно такую территорию освоить относительно равномерно. В результате само по себе неравномерное развитие в России усиливается огромным пространством.

Во-вторых, природные условия очень разнообразны, наличествуют серьезные природные ограничения как жизни людей, так и определенных видов их деятельности.

В-третьих, при таких размерах страны неизбежна редкая сеть больших городов, которые оказывают сильное влияние на окружающую их сельскую местность. Эти различия по оси «центр–периферия» являются, по существу, универсальным принципом пространственной организации общества в России, формируя неравенство его возможностей. В разных регионах этот принцип выражен больше или меньше, но присутствует он практически везде.

В-четвертых, это незавершенная в России урбанизация. Рост крупных центров, в отличие от многих западных стран, у нас продолжается на фоне длительной депопуляции малых городов и сельской местности.

В-пятых, важно учитывать историческое наследие прошлого, тоже пространственно неравномерное, которое заметно влияет на современные процессы, как экономические, так и социальные.

Шестой фактор и, пожалуй, один из важнейших — очень сильная централизация экономики и специфика российских институтов, при которых все стекается в крупные центры и потом по крохам раздается регионам и муниципалитетам, что тоже способствует сильному расслоению.

И, наконец, седьмой фактор — социальное неравенство, стимулируемое в том числе предыдущим фактором, с которым тесно связано пространственное неравенство (Шкаратан, 2012: 53). В результате нарушается правило максимальных для всех возможностей (Сен, 2004).

Надо сказать, что при всех этих сложностях развития очень важно понимание того, что равных возможностей вообще быть не может. И каждый город, район, место, поселение имеет свои достоинства и недостатки. Эти ограничения и достоинства надо знать, недостатки отчасти компенсировать, но не подталкивать людей к отъезду из тех мест, где они хотели бы жить.

Основные подходы к исследованию поляризации пространства, применяемые в этой работе, сводились к следующим.

Прежде всего *комплексный подход*. Несмотря на то что основное внимание я уделяю сельской местности, она очень тесно связана с городами. Это единая система, в которой сельская местность и города постоянно перетекают друг в друга, меняя вектора. Это непременно надо учитывать.

Поскольку речь идет о староосвоенных районах, то их изучение требует *исторического подхода*. Многое зависит от накопленного или потерянного человеческого и экономического потенциалов.

С этим тесно связан *социально-демографический подход*, поскольку человеческий потенциал — это ключевое понятие для таких исследований.

Полифункциональный подход исходит из того, что сельская местность — это не только сельское хозяйство, особенно в этих нечерноземных регионах. Сельское хозяйство — это лишь одна из составных частей их экономики, и общее ее состояние зависит от институциональных условий и взаимодействий с другими отраслями.

И, безусловно, очень важен *географический полимасштабный подход*, который я применяю, начиная с первой книги «Сельская Россия на перепутье» (Нефедова, 2003). Исследование любого региона или района может двигаться от межрегиональных различий к межмуниципальным, меж-поселенческим и в определенных случаях к изучению отдельных поселений, и наоборот — от локальных исследований к анализу типичности того или иного места на более обобщенном масштабном уровне.

Специфика освоения и демографической ситуации регионов в Центре России

Речь пойдет о центральных районах России — Московской области и 9 областях в Нечерноземье, в основном ее окружающих. Кажется бы, в масштабе России — это небольшая территория. Однако если сравнить ее с европейскими странами, то по площади она больше Финляндии, Польши и даже Германии. Другое дело, что по численности населения мы можем ее сравнить, скорее, с Польшей. Без Москвы и Московской области — с Финляндией, а до Германии ей далеко и по населенности, и по экономическому потенциалу. Понимание того, что здесь происходит, особенно важно, так как это историческое ядро страны с мощным историческим пластом культуры. Тем не менее этим территориям, кроме Москвы, уделяется очень мало внимания, в отличие от районов нового освоения.

Как раз и начнем с освоения территории. Рисунок 1 показывает число первых упоминаний поселений в регионах, значительная часть которых, за исключением, может быть, Ивановской области, относится к IX–XIV векам. Освоение было довольно растянуто по территории Центра. Больше всего древнейших поселений находится в областях, расположенных вокруг Москвы, а также к юго-

западу и северо-западу от нее. В последующем, хотя освоенная территория в целом расширялась, наиболее плотно освоенные территории постепенно сжимались ближе к Москве, задавая старт поляризации.

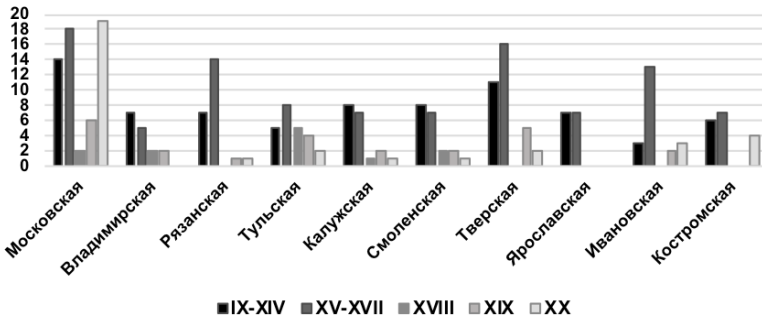

Рис. 1. Число первых упоминаний поселений на территории областей по векам

В результате к началу XX века это была территория с плотностью населения примерно равной современному Краснодарскому краю (рис. 2). Многие ученые, в том числе А.В. Чаянов, фиксировали здесь большой избыток сельского населения, который достигал, по его оценке, 20–40% (Чаянов, 1989) и стимулировал массовое отходничество трудоспособных крестьян мужского пола в Москву (рис. 3). Об этом свидетельствовали и данные выдачи крестьянам, уходящим на заработки, паспортов. Все это также способствовало ориентации сельского населения на крупный центр, заданной намного раньше начала бурной урбанизации XX века.

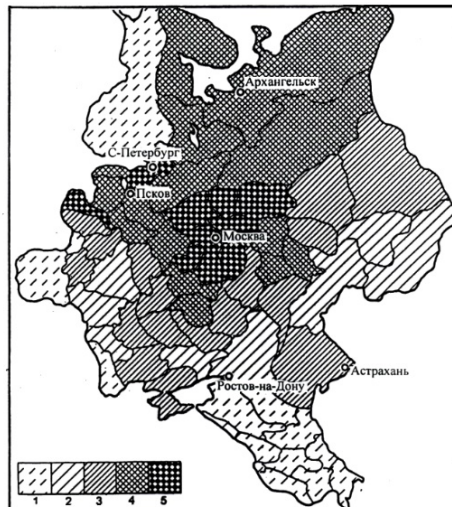

Рис. 2. Плотность сельского населения, чел./кв. км в 1897 г.

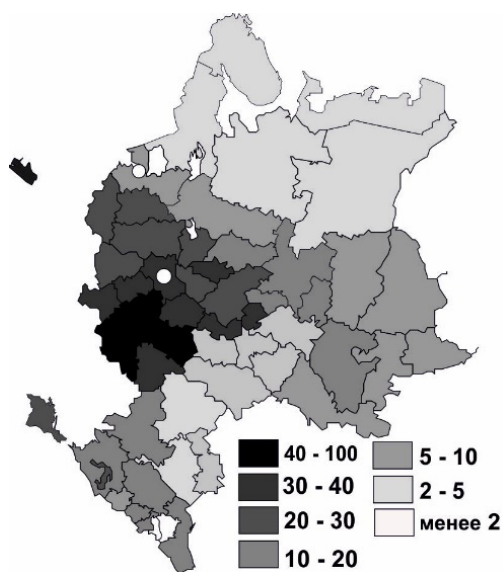

Рис. 3. Отходники: доля крестьян мужского пола, получивших паспорта 1) менее 1%; 2) 1–5%; 3) 5–10%; 4) 10–20%; 5) >20% трудоспособных мужчин (Рыбников, 1929)

В XX веке именно в этих районах произошла наиболее сильная депопуляция сельского населения, подгоняемая индустриализацией и быстрым ростом городов, требующих все больше рабочих рук (рис. 4). Даже если не принимать во внимание катастрофы первой половины века, только во второй его половине в относительно спокойные годы потери за пределами Московской области составили более 60% сельского населения. Я не люблю проводить аналогии, но биологи говорят, что при таких потерях в биологическом мире деградация популяции неизбежна. Ситуация осложнялась тем, что из сельской местности в последние 70 лет уезжали молодые и наиболее активные люди. Все это очень неблагоприятно сказалось на сельской местности центральных районов, где до сих пор наряду с отрицательным миграционным балансом наблюдается самая сильная естественная убыль из-за отсутствия молодежи и повышенной доли стариков (рис. 5).

Первоначальная, заданная мелкоконтурностью угодий сеть малых населенных пунктов еще больше измельчалась, население переезжало в центры сельских администраций, что было во многом задано укрупнением колхозов и совхозов. До 50%, а к северу от Москвы до 70% сельских населенных пунктов к настоящему времени либо нежилые, либо с населением менее 10 человек, по сути, умирающие.

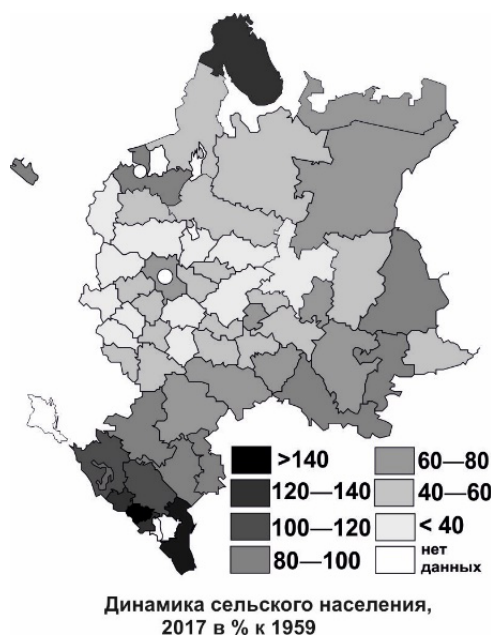

Рис. 4. Динамика сельского населения, 2017 г. в % к 1959 г.

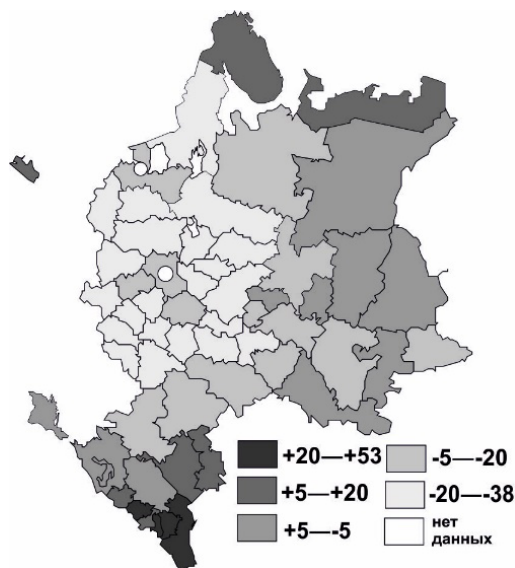

Рис. 5. Естественный прирост/убыль, человек в год на 1000 сельских поселений в среднем за 2014–2016 гг.

Чтобы понять стимулы депопуляции сельского населения на общестрановом уровне, сравним доходы регионов и сельских

поселений. Известно, что максимальные доходы региональных бюджетов характерны для добывающих уральских, северных и восточных регионов страны, а также для Москвы и отчасти Московской области, где концентрируются финансы и высший менеджмент крупных компаний. Немного повышены они и в наиболее успешных, тоже чаще экспортных, сельскохозяйственных регионах (Краснодарский край, Центральное Черноземье и другие). Большинство рассматриваемых нами регионов Центра вокруг Московской области (за исключением Калужской с ее мощным автомобильно-фармацевтическим кластером) имеют доходы на душу населения в несколько раз ниже. Однако если сравнить доходы бюджетов сельских поселений в среднем по региону, то картина оказывается удручающей. Северные и пристоличные регионы выделяются, но на остальной территории особенно бюджетного перераспределения приводят к тому, что доходы сельских поселений в расчете на одного жителя почти не зависят от успешности местной экономики, в том числе сельского хозяйства. Стимулов ее развивать у поселений нет (рис. 6). Поэтому что Краснодарский край, что Смоленская область имеют от 5 до 10 тысяч рублей доходов на одного жителя в год, а Брянская, Тульская и другие области — от 3 до 5 тысяч в год. И это важно. Государство пытается бюджетные доходы перераспределять, но регионов-доноров в 2020 году в стране было всего 11, остальные субъекты РФ дотационные. Конечно, население бежит из нищих поселений.

Рис. 6. Доходы бюджетов сельских поселений в среднем по регионам России в 2019 г., тыс. руб. на человека

Перейдем на более дробный уровень исследования по муниципальным образованиям. Как известно, миграции населения наглядно отражают привлекательность или непривлекательность территорий, причем для самых разных переселенцев: межрегиональных, внутрирегиональных и международных мигрантов. Чтобы не «расплываться» по территории, проведем профиль через Москву, например, от Санкт-Петербурга через Новгород, Тверь и муниципальные районы и города между ними до Москвы и на юго-юго-запад до Тулы и далее (рис. 7). На них видно, что все межрегиональные миграции направлены исключительно в Москву, Санкт-Петербург и Московскую область. Население Москвы ежегодно за счет только миграций из российских регионов увеличивалось в последние годы в среднем на 83 тысячи человек и за счет международных миграций — на 12 тысяч, в Санкт-Петербурге увеличение составляло, соответственно, 50 и 15 тысяч человек ежегодно. Даже крупные региональные центры — Великий Новгород, Тверь, Тула — теряют население в пользу Москвы или Петербурга. Лучше ситуация с внутренними миграциями, но они направлены преимущественно в региональные центры или в их пригороды (Мкртчян, 2018). Немного спасают ситуацию международные мигранты, хотя многие из них большей частью тоже работают в Москве, Московской области или в центрах регионов, просто жить дешевле в сельской местности.

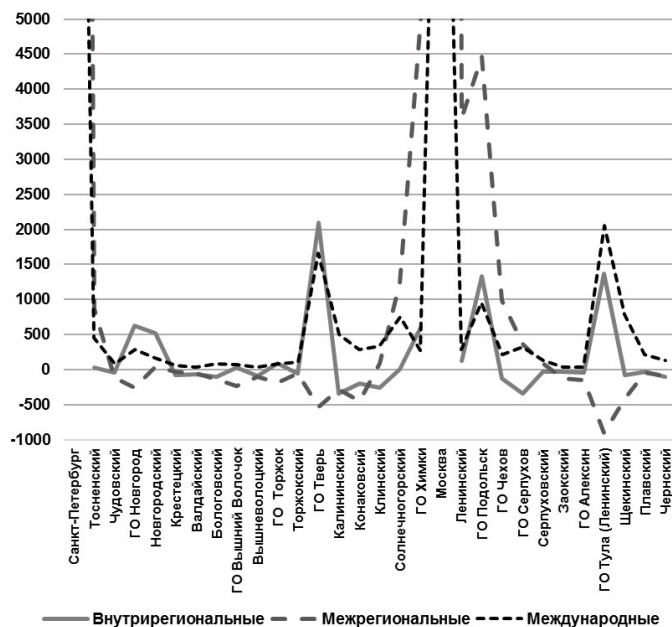

Рис. 7. Миграции населения вдоль профиля через Москву по муниципальным образованиям в среднем за 2012–2017 гг. человек в год (Нефедова, 2020)

Если сделать такой же профиль с юга Калужской области, от Жиздринского района через Калугу, Боровск, на Москву, дальше на Ростов, Ярославль, Кострому и далее к востоку Костромской области, то картина будет почти такая же. Единственное исключение — Ярославль, ставший межрегиональным центром для всего Северо-Востока, стягивая население не только из своего региона, но из Костромской, Ивановской и частично из Вологодской области.

В самой Московской области наибольшая относительная прибавка населения характерна не столько для перенаселенной Москвы с дорогим жильем, сколько для ближайших пригородов (рис. 8). Так что Москва по-прежнему расплывается в виде «масляного пятна», не помогли и попытки перенаправить вектор миграций на территорию Новой Москвы. По мере удаления от столицы сальдо миграций в области уменьшается, а за пределами Московской области уже наблюдается отток населения. Почти так же эту картину повторяет статистика ввода жилья. И совсем иная ситуация по доле занятого к экономически активному населению: лучше всего ситуация в Москве, а чем дальше, тем хуже.

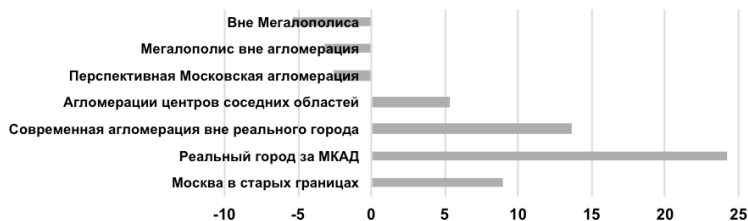

Рис. 8. Миграционный прирост на 1000 жителей с удалением от Москвы, в среднем за 2012–2017 гг., человек в год (Махрова, Нефедова, Тревиш, 2016)

Основные факторы, стимулирующие миграции в крупные центры и их пригороды

Если посмотреть на уменьшение заработной платы по мере удаления от столичного региона, то наибольшей она будет в среднем в муниципалитетах, примыкающих к Московской области с внешней стороны, то есть граничащих с ней, это 1-й пояс на рисунке 9. Дальше она резко падает уже во 2-м поясе, убывая далее. Та же ситуация наблюдается и при удалении от региональных центров внутри регионов, окружающих Московскую область. Самая высокая зарплата в среднем в пригородах, и дальше постепенное уменьшение до периферии (рис. 10). Причем ситуация в последние годы довольно стабильна, более того, перепады заработных плат только усиливаются. К этому следует добавить и уменьше-

ние занятости, особенно в бюджетной сфере в связи с объединением поселений и созданием городских округов, что привело к закрытию школ, больниц, фельдшерских пунктов, магазинов в сельских поселениях. Например, на большей части Костромской области за пределами пригорода Костромы доля трудоспособного населения, занятого только в бюджетной сфере, до массового объединения поселений составляла 70–80%. Резкое сжатие социальной сферы в результате образования городских округов стало катастрофой для многих сельских поселений, усилив отток населения.

Рис. 9. Заработная плата в 2013 и 2017 гг. в городах и районах областей, окружающих Московскую, по мере удаления от ее границ, тыс. руб. (Нефедова, Старикова, 2020)

Рис. 10. Заработная плата в 2013 и 2017 гг. в городах и районах областей, окружающих Московскую, по мере удаления от региональных центров, тыс. руб. (Нефедова, Старикова, 2020)

Еще один фактор, который усиливает отток населения в сельской местности, — это ее инфраструктурная необустроенность: подключение населенных пунктов к сетям газоснабжения, водо-

снабжения, обеспеченность скоростным интернетом и т.д. Например, на профиле по муниципальным образованиям от юга Калужской до восточных окраин Костромской области видно, что к югу от Московской области ситуация все-таки лучше (хотя и там подключены к газовым сетям только 20–50% населенных пунктов). А в регионах к северо-востоку от Москвы выделяются лучшей обустроенностью только большие города и их пригороды. На самом деле это плохой показатель, потому что подключение населенного пункта к сетям газоснабжения мало о чем говорит. Даже если подходит труба, то, как правило, подключено лишь 10–20% домов из-за слишком высокой стоимости локального подключения. В Московской области ситуация чуть лучше, но не во всей, и ухудшается по мере удаления от Москвы. Получается замкнутый круг: население уезжает, т.к. нет работы и дома не обустроены. А территория не обустраивается и социальная сфера сжимается, т.к. население уменьшается.

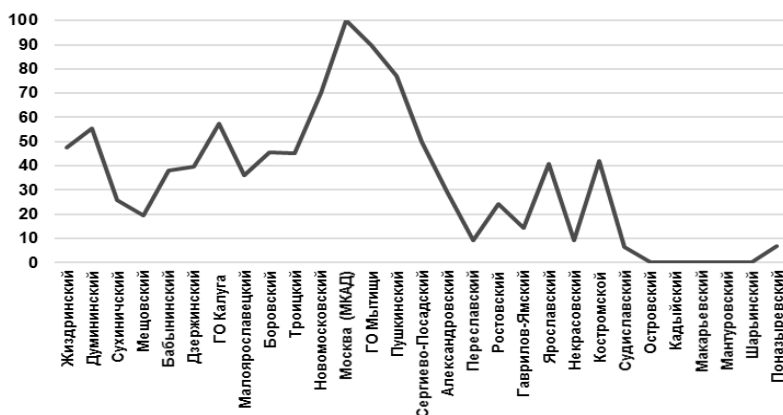

Рис. 11. Подключение населенных пунктов к сетям газоснабжения, по муниципальным образованиям на профиле: Калужская — Московская — Ярославская — Костромская области, в % (Нефедова, 2020)

Сжатие и перспективы сельского хозяйства в центре России на региональном уровне

Чтобы понять причины произошедшего в сельском хозяйстве центральных регионов, важно показать изменение их роли на общем фоне хотя бы Европейской России. Главным в постсоветское время стал сдвиг товарного сельскохозяйственного производства в южные регионы, где лучшее обеспечение теплом и влагой, а также человеческими ресурсами. Особенно это характерно для растениеводства: уход зернового хозяйства и сжатие землепользования в Нечерноземье видно на рисунке 12.

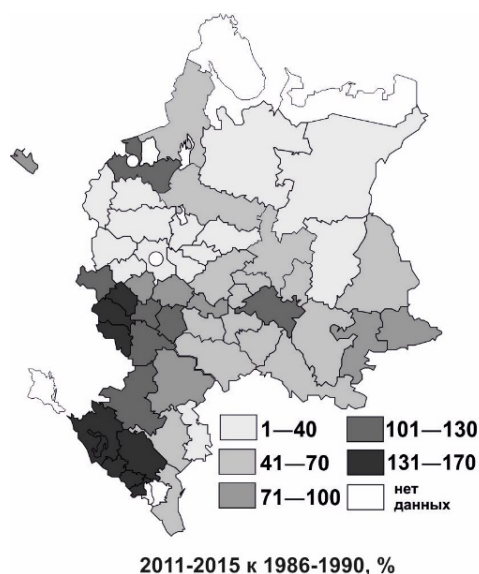

Рис. 12. Динамика производства зерна, в среднем за 2013–2017 гг. к 1986–1990 гг., в %

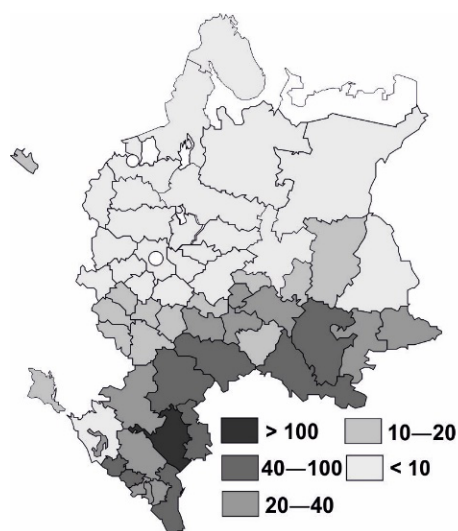

Рис. 13. Поголовье крупного рогатого скота на 100 сельских жителей старше 15 лет, голов

Выгодность экспорта зерна и наличие собственных зерновых кормов стимулировали в южных регионах развитие животноводства. На общем фоне падения роли личного подсобного хозяйства (Вегрен, Троцук, 2019) сжатие колхозного сельского хозяйства в Нечерноземье и сокращение рабочих мест не только компен-

сировалось личным подсобным хозяйством населения, но привело к его еще большему упадку (рис. 13). И это несмотря на расширение возможностей выпаса скота на зарастающих травой полях и пастбищах. Главными факторами стали сильная убыль и старение сельского населения, а также устремленность молодежи в города. Больше всего скота у населения в южных регионах, где выше плотность сельского населения и есть помощь предприятий с кормами. Вклад фермерских хозяйств по сравнению с южными районами также невелик. История освоения этих территорий показывает, что в условиях неблагоприятного сочетания тепла и влаги, которые наблюдаются в Центре России, особенно севернее Московской области, ограниченное растениеводство, возможно либо при избытке сельского населения, что наблюдалось в XIX — начале XX века, с очень большой долей ручного труда, либо с огромными дотациями государства при советском волюнтаристическом подходе (известно, что к концу 1980-х годов на 1 рубль продукции дотации составляли около 80 коп. (Александров, 1993; Серова, Шик, 2007)). При отсутствии необходимого человеческого капитала и больших дотаций всем производителям происходит возвращение к «мозаичному» освоению, но на совершенно новых экономических основаниях.

Рисунок 14 показывает, как изменилось землепользование в регионах Центра России. Всюду произошло очень сильное уменьшение посевных площадей. Немного лучше ситуация к югу от Московской области, где более благоприятны природные условия. Небольшое улучшение есть даже в Московской области, как это ни парадоксально, с ее дачно-коттеджной экспансией горожан. Это влияние инвестиций в сельское хозяйство из крупного центра. А посмотрите, что происходит с производством мяса в тех же областях (рис. 15). Идет восстановление животноводства при очень сильном сжатии землепользования. В Московской и Тверской областях почти восстановился позднесоветский уровень. Но и в других областях тенденция восстановления заметна.

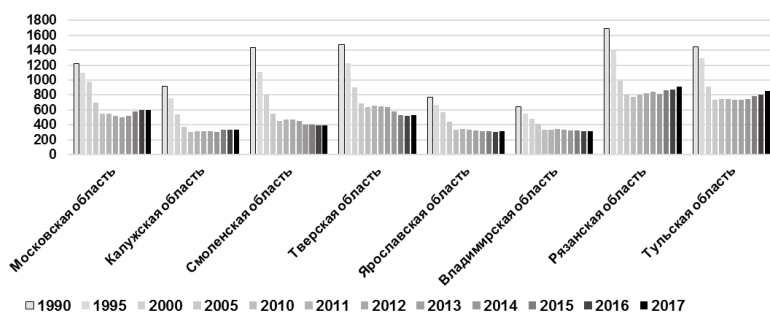

Рис. 14. Динамика посевных площадей в областях Центральной России, тыс. га. С 1990 по 2017 год (Нефедова, 2019)

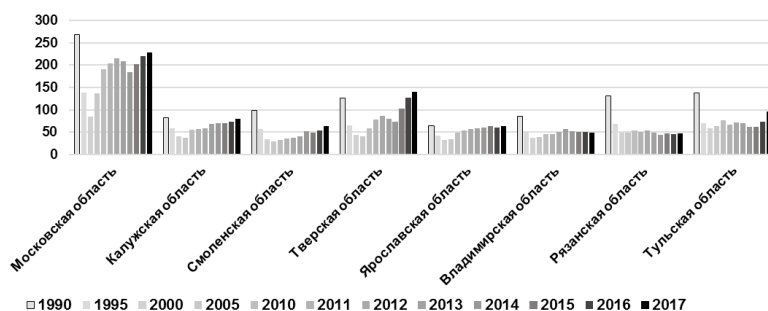

Рис. 15. Динамика производства мяса в областях Центральной России, тыс. тонн. С 1990 по 2017 год (Нефедова, 2019)

Это связано с тем, что кардинально изменилась сама система организации производства. Большая часть мяса, особенно птицы и свинины, производится в крупных организациях, чаще в агрохолдингах. Однако в этом есть и неудобная для сельской местности сторона. Агрохолдинги часто вытесняют остальных производителей и не взаимодействуют (в отличие от западных стран) с малым бизнесом. Более того, если в районе появляется животноводческий комплекс, там часто запрещают людям держать частный скот. Происходит сильная концентрация сельскохозяйственного производства. При этом, как правило, не видно пасущихся коров, поскольку применяется принципиально иная технология. Скот «гуляет» внутри светлых и проветриваемых помещений или в небольших загонах за высоким забором.

Именно такие крупные животноводческие комплексы стали мощными драйверами современного развития сельского хозяйства в регионах. Благодаря им и идет восстановление сельского хозяйства, наполняются полки магазинов в городах. Однако это не ведет к комплексному развитию сельской территории. Хотя и бывают исключения, но чаще главы этих комплексов сидят в Москве или в региональных центрах, в отличие от бывших директоров колхозов или совхозов, которые болели за свою территорию, старались развивать социальную сферу. И даже если не хватает работников на местах, агрохолдинги всегда завезут население автобусами из более крупных соседних сел или найдут мигрантов из Средней Азии. Масштаб такой концентрации достигает колоссальных размеров: доля одного крупного предприятия в сельскохозяйственном производстве в Псковской, Новгородской областях достигает 44%, в Смоленской и Калужской — 28–30% (Шагайда, Узун, 2019). Все сводится к одному, двум, трем очагам, которые снабжают города, а что происходит с окружающей сельской местностью, мало кого интересует. Огромные территории фактически выпадают из использования, население оттуда уезжает, и это может быть совсем близко от Московской области.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Эти новые процессы несколько сглаживают типичные для России пригородно-периферийные различия. Например, доля посевных площадей в муниципальных районах больше не у самого города, где характерно «дачное» освоение, а на расстоянии 30–60 км. Более того, даже на большом удалении наблюдается увеличение используемых сельскохозяйственных земель (рис. 16). Основными факторами забрасывания земель становится не только удаленность, но и качество почв, степень мелкоконтурности угодий и удаленность от дорог, поскольку крупным агрохолдингам важно быстро доставлять продукцию в города.

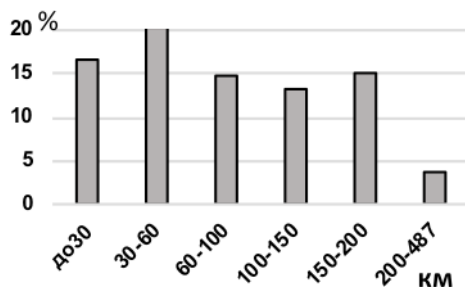

Рис. 16. Доля посевной площади в % в муниципальных районах по мере удаления от областных центров в регионах, окружающих Московскую область, км, 2017. (Нефедова, Медведев, 2020)

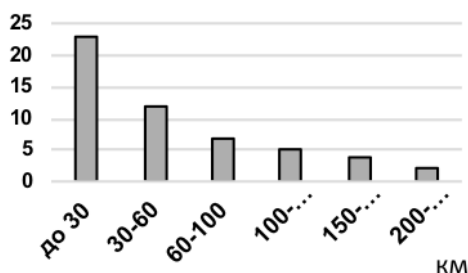

Рис. 17. Плотность сельского населения в муниципальных районах по мере удаления от областного центра в км в регионах, окружающих Московскую область, чел./кв. км, 2017. (Нефедова, Медведев, 2020)

В результате тенденции изменения пространственного сельского расселения и землепользования различаются. Плотность населения продолжает уменьшаться по мере удаления от центров регионов (рис. 17). В последние годы увеличивается сельское население только в пригородах, а на периферии — особенно сильная депопуляция. Посевные площади сжались везде. Но в советское время в этих нечерноземных регионах они также резко уменьшались

от пригорода к периферии. В последние годы все заметнее проявляются отдельные очаги восстанавливаемого с помощью крупных предприятий сельского хозяйства в так называемых опольях. Ведь первичное освоение этих территорий происходило именно от этих ополей (где, кстати, чаще возникали и города, частично и поэтому сельское хозяйство пригородов сохраняется). Потом, в советское время, стали массово осваиваться менее плодородные земли. А сейчас сельское хозяйство вновь возвращается к этим опольям, даже удаленным от городов. Таким образом, сжатие землепользования идет теми же путями, что и старое освоение, только с обратным знаком.

Эти очаги хорошо видны на местности, когда вдруг среди обширных заброшенных и зарастающих лесом бывших сельскохозяйственных угодий возникают распаханнные и обустроенные поля: значит, пришел или агрохолдинг, или какой-то еще инвестор. Например, в Ярославской области в советское время два лучших сельскохозяйственных района из 17 производили около 20% продукции. Сейчас два района производят более 80% мяса, половину молока и около 40% зерна. Помимо внешних инвесторов из областного центра или из Москвы, все более важным фактором становится сильный руководитель. Роль личности очень возросла. Мы не раз видели, как в сложнейших условиях председатель колхоза умудрялся сохранить предприятие, хотя и с уменьшением посевных площадей, и вполне успешно работать. В 1990-х — начале 2000-х годов чаще всего это были люди старшего поколения, которые имели связи в администрации, что помогало. Но встречаются и молодые. Так что не все безнадежно, хотя все же таких очагов немного.

Если обратиться к тому же примеру Ярославской области, больше всего успешных предприятий все-таки в пригородном Ярославском районе, потом — в Ростовском, Тутаевском (это соседи пригородного района вдоль трассы), Рыбинском (второй большой город, хотя природные условия там намного хуже). Малых предприятий много в Переславском районе, который непосредственно примыкает к Московской области, и в Ростовском — с более плодородными почвами вокруг озера Неро. Правда, необходимо учитывать, что, согласно последней сельскохозяйственной переписи 2016 года, из крупных предприятий реально осуществляют деятельность 60%, а из малых — только 30% (Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017).

Изменения численности населения в той же Ярославской области все-таки четко подчиняется закономерности «пригород–периферия». Только в пригороде Ярославля число сельских жителей увеличивается, а во всех остальных районах уменьшается. И сеть расселения на внутрирегиональном уровне меняется по общим закономерностям: число малых деревень катастрофически сокращается, они переходят в нежилые, более крупные деревни ста-

новятся малыми, а растет население только в селах с более чем 1000 жителей, то есть поляризация происходит на всех масштабных уровнях: регионов, муниципальных районов, населенных пунктов.

Что касается малого бизнеса, то пример Ярославкой области наглядно показывает: помимо всех перечисленных выше факторов очень важно историческое наследие. Больше всего микропредприятий, фермерских и личных подсобных хозяйств — в Ростовском районе вокруг озера Неро (рис. 18). Там же меньше всего заброшенных огородов (рис. 19). Этот район с XVI века был поставщиком овощей в Москву, и даже в XX веке тут были совершенно особые колхозы: населению давали (редкий случай для советского времени) подряд на выращивание овощей. Конечно, стимулом являются природные условия: на сапропелях вокруг усыхающего озера очень плодородная почва. Но население таяло здесь так же, как и в других районах. Зато те, кто остался, и даже дачники активно занимаются огородничеством, вдоль берега озера видны распаханые длинные гряды. Все, кто ездит по трассе Москва — Ярославль, знают, что всегда вдоль трассы стоят продавцы овощей, а также рыбы, ягод. Правда, сейчас все больше продают перекупщики, но у них есть продукция, народ здесь по-прежнему активен. А в конце XIX века об этом районе писали так: «Земля вся покрыта огородами и представляет собой пример самого интенсивного хозяйства. Когда видишь перед собой эти поля огородов, то можешь думать, что находишься посреди самого усовершенствованного бельгийского «грядкового» сельского хозяйства» (Безобразов, 1885). Эти тенденции, несмотря на все советские перипетии, сохранились, хотя, конечно, тоже сжались. Это очень важно поддерживать, но, к сожалению, этого не происходит.

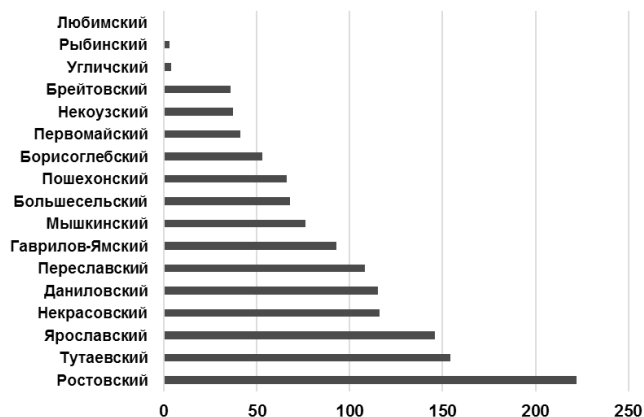

Рис. 18. Число микропредприятий, фермеров и индивидуальных предпринимателей в сельском хозяйстве. (Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017)

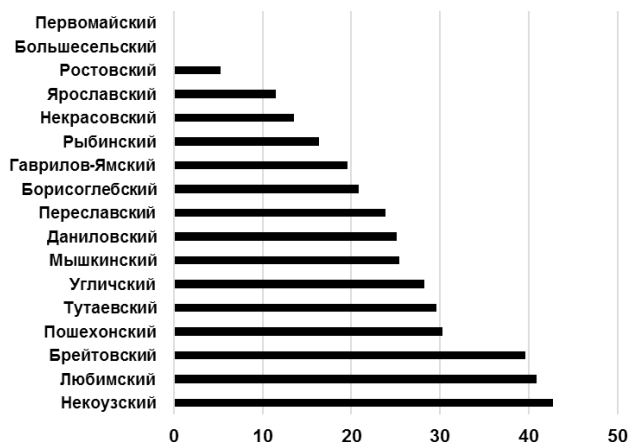

Рис. 19. Доля заброшенных земель в личных подсобных хозяйствах, %. (Всероссийская сельскохозяйственная перепись, 2017)

Чтобы не создавалось впечатление, что Ярославская область уникальна, — немного о соседней Костромской области. О ней в рамках Угорского проекта, реализуемого на периферии области, написано много (Потенциал Ближнего Севера, 2016; Ойкумена Ближнего Севера, 2016; Покровский, Нефедова, 2013 и др.). Здесь наблюдаются те же тенденции, что и в других нечерноземных регионах. Особенно ярко выражены различия между пригородом Костромы и периферией. Только пригород сохранил население при его катастрофическом уменьшении с середины XX века в других районах области (рис. 20). В результате доля одного пригородного района из 22 муниципальных районов и городских округов области (в которых значительную долю после объединения составляет сельское население) возросла в численности сельского населения с 8 до 27%. То же самое происходило с посевной площадью. Если сравнить изменение коэффициентов вариации сельского населения и посевной площади, то видно, как еще в советское время возрастали различия в населенности, притом что уменьшение посевных площадей искусственно сдерживалось командными методами и дотациями. В 1990-х годах коэффициент вариации посевных стал догонять дифференциацию населения, а в последние годы резко растет коэффициент (рис. 21). Так что поляризация населения на муниципальном уровне — это результат еще советского времени. Но наиболее сильное влияние на сельское хозяйство она оказывает именно в последние годы.

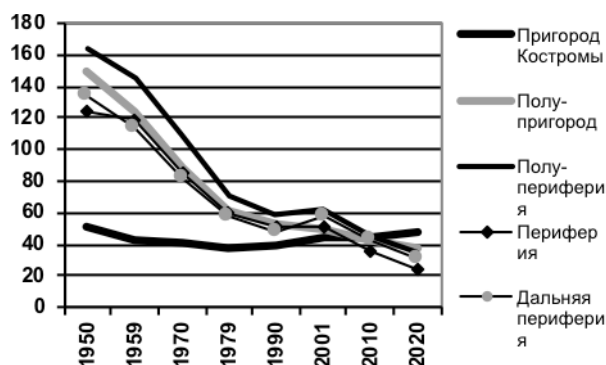

Рис. 20. Численность сельского населения с 1950 по 2020 г. по мере удаления от Костромы, тыс. чел.

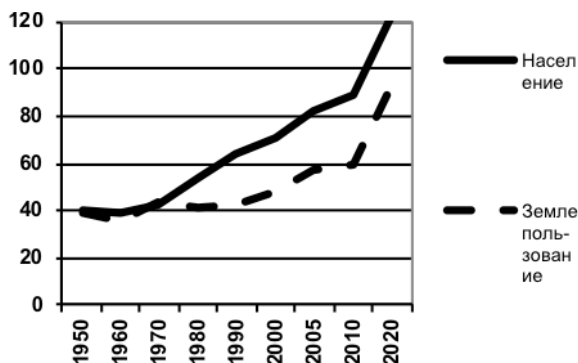

Рис. 21. Увеличение коэффициентов вариации населения и землепользования внутри Костромской области

Перспективы сельской местности староосвоенных регионов Центра России

На что же может опираться развитие сельской местности в настоящее время?

Рассчитывать на местных жителей? Конечно, трудовые ресурсы здесь становятся ключевыми (они вообще в Нечерноземье давно стали ключевыми). Надо учитывать, что тяжелые последствия длительной депопуляции совпали с глобализацией, дошедшей до удаленных деревень: население, особенно молодежь, теперь может сравнивать свои условия жизни с другими, том числе городскими, если учились в городе, то вернуться в деревню уже трудно. Поэтому обострилась проблема социальной среды, особенно важной для молодежи. Этот аспект недостаточно учитывается. Сделать удаленную деревню и даже малый город привлека-

тельное большого города при данных институтах можно разве что для городских дачников.

Опирается на идеи сохранения сельского образа жизни? Смотря где. В пригородах этот образ жизни для многих привлекателен. Но сохранить образ жизни на периферии в деревянных домах, без газа и водопровода, сохранить архаику личного подсобного хозяйства готово только старшее поколение, да еще некоторые этнические нерусские сообщества.

Рассчитывать на экономический потенциал? Это работает в южных регионах России, а в центральных — только выборочно. Здесь есть опасность зависимости от внешнего бизнеса и однобокости развития.

Рассчитывать на сильного руководителя? Местами это работает, и примеры отдельных районов это показывают. Но это касается руководителей предприятий и отдельных энтузиастов-фермеров, муниципальные руководители почти лишены финансовых ресурсов и вообще какой-либо инициативы.

Опирается на материальную культуру, исторически накопленные ценности? Это можно выборочно сохранить, но опять с помощью внешних импульсов: частных и государственных. Здесь нужна поддержка любых инициатив.

У нас есть несколько госпрограмм: комплексного развития сельских территорий, помощи инициативным проектам и другие. Однако, как показывают наши опросы в разных регионах, доступ к ним простых жителей очень ограничен. Опыт развития территориального общественного самоуправления (ТОСов) тоже работает, но чаще это вопросы благоустройства, создания музеев, иногда решение конфликтов, но отнюдь не решение кардинальных проблем.

Возвратная мобильность населения на фоне пространственной поляризации

На сельскую местность в последние годы сильное влияние оказывают два фактора (Между домом..., 2016). Первый фактор усиливает поляризацию — это современные «отходники» из сельской местности. В регионах вокруг Московской области из-за отсутствия работы и крайне низких заработков они составляют значительную долю сельского трудоспособного населения. По нашим оценкам, в удаленных районах от 15 до 30% зарегистрированного населения не живет постоянно в сельской местности, часть работает в городах с разным режимом: неделя или месяц на работе в городе и столько же дома, часть уже постоянно работает в городах, но продолжает числиться в сельской местности.

Второй фактор отчасти сглаживает поляризацию — это городские дачники, или временные «дезурбанизанты». В некоторых деревнях летом население увеличивается от полутора до трех раз

Т.Г. Нефедова

Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности...

по сравнению с зарегистрированным. И этот главный фактор нестабильности населения в сельской местности никак не учитывается.

На рисунке 22 на том же профиле по муниципальным образованиям, что и на рисунке 11, от юга Калужской области до окраин Костромской показано превышение числа дачников над количеством местного населения из расчета, что в летний сезон хотя бы два человека находятся на участке. Есть районы, в которых превышение горожан над местными в сельской местности превышает 3 раза (Московская область, пригород Калуги), а в дачном и относительно малонаселенном Александровском районе Владимирской области — более чем в 6 раз.

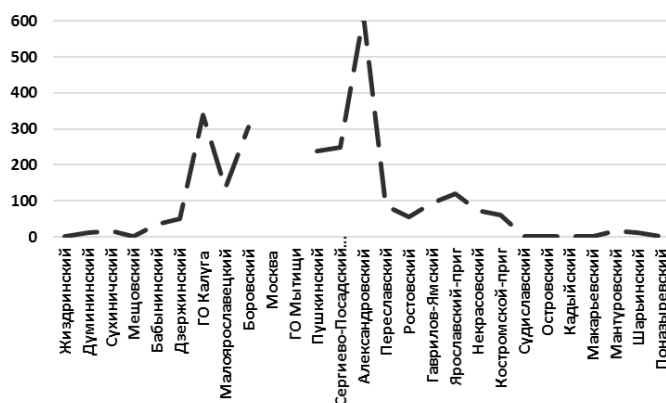

Рис. 22. Отношение числа горожан-дачников в летний сезон к численности сельского населения на профиле через Калужскую, Московскую, Владимирскую, Ярославскую и Костромскую области, %

Мы попытались показать на карте возможные направления экспансии горожан на дачи с учетом самых разных факторов: освоения территории садовыми товариществами, экологической привлекательности мест (наличие леса, водоема), числа небольших деревень, особенно желательных для дачников, степени их доступности для горожан с учетом дорожной инфраструктуры (см.: Нефедова, Медведев, 2020). Потенциал вокруг Москвы огромный, растянувшийся на сотни километров. Часть районов давно уже стали дачными, другие ждут покупателей. При этом дачи столь разнообразны, что доступны населению с самым разным достатком.

Можно привести два примера дачной экспансии в более крупном масштабе. Первый пример — среднеудаленные дачи в Ярославской области (бывшая Веськовская администрация, ныне вошедшая в городской округ Переславль-Залесский), которые мы подробно обследовали дважды: в середине 1990-х годов и в 2019 году. Бывшая глава сельской администрации по собственной инициативе собирала все данные по дачникам.

Переславский район расположен относительно близко к Москве (около двух часов езды на машине), он практически вошел в дачную зону столицы, а бывшая Веськовская сельская администрация прилегает к Переславлю. При этом в ней произошла поляризация сельского расселения — остались только малые (менее 30 человек) и более крупные (свыше 100 человек) населенные пункты. Численность постоянного населения в малых уменьшается, а населенные пункты более 100 человек продолжают расти (рис. 23). Дома и в тех, и в других востребованы горожанами под дачи. Но в более крупных населенных пунктах число дачников увеличилось значительно. Это специфика пригорода Переславля и сравнительно небольшой удаленности от Москвы. Здесь более обеспеченные дачники, предпочитающие более обустроенные сельские населенные пункты с необходимой инфраструктурой, магазинами и т.п. Все больше московских дачников покупают дома и на окраине Переславля-Залесского.

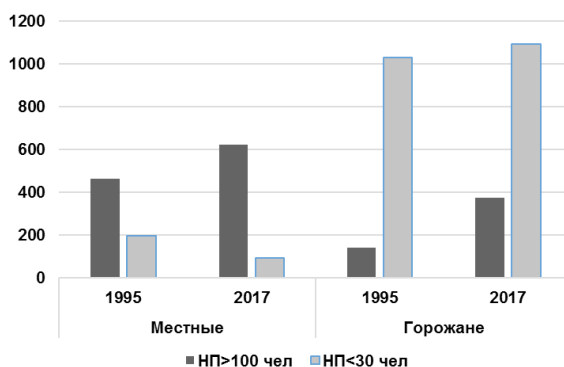

Рис. 23. Численность местного населения и горожан-дачников в 1995 и 2017 гг. в населенных пунктах разного размера в бывшей Веськовской администрации городского округа Переславль-Залесский, чел.

Другой пример — дальние дачи в Мантуровском районе Костромской области. Вся полоса деревень вдоль реки Унжи (приток Волги) все больше становится дачной, чаще для москвичей, несмотря на удаленность (550 км от Москвы). Еще в начале XX века лучше дренируемые террасы вдоль реки среди таежных лесов были плотно заселены (рис. 24). К концу советского времени население заметно поляризовалось, стянувшись к центрам сельских поселений. От прежде мощного колхоза остался десяток работников и полуржавая техника. Дачное реосвоение деревень началось еще в 1970-х и развернулось в 1990-х и в XXI веке. При этом в таких удаленных и живописных местах дачники больше тяготеют к малым деревням, где в летние месяцы составляют большинство населения, являясь основными работодателями для оставше-

гося работоспособного местного населения. При сильной убыли местного населения число домов в таких районах сократилось гораздо меньше и все еще составляет резерв для вторичного дачного использования.

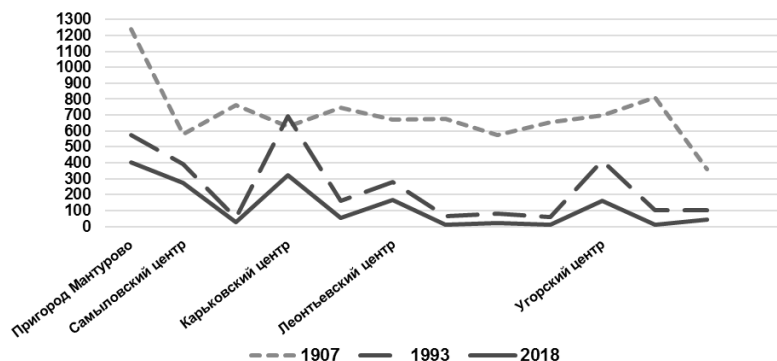

Рис. 25. Изменение численности и трансформация расселения вдоль реки Унжи к юго-западу от Мантурова, чел.

Так что же можно и нужно сохранять на таких удаленных и депопулировавших территориях? В рамках Угорского проекта Сообщества профессиональных социологов (Покровский, Нефедова, 2013) мы неоднократно проводили опросы местных жителей и дачников. Главный вывод — существуют разные пласты традиций, важные для местного населения и для горожан, купивших здесь дома. Для местных до сих пор характерна тоска по колхозам, надежной занятости и совместной работе, то есть последний пласт традиций, если смотреть с позиций сегодняшнего дня. А для дачников важнее более старые традиции: народные промыслы, связь с природой, культура и фольклор. И пути развития этих территорий горожане, полюбившие эти земли, видят иначе, чем местные: мелкое фермерство, удаленная работа, ремесла на базе народных промыслов, туризм, который может быть основан на связи с природой, и т.д.

И последнее. Депопулирующие сельские районы, из которых ушли традиционные для них отрасли, в последнее время все больше надежд возлагают на туризм. Для староосвоенных регионов Центра это очень важно, здесь множество уникальных туристических объектов. Но, к сожалению, их сохранение и восстановление легло на плечи в основном энтузиастов, которым крайне нужна государственная или региональная поддержка. В результате вокруг даже уникальных объектов, не так далеко от Москвы, полное запустение. В лучшем случае — вокруг расширяются дачи.

Вместо выводов я хочу еще раз кратко упомянуть, что недорабатывают и в чем ошибаются власти в отношении рассматриваемых районов.

Первое. Уже очевидно, что негативные последствия кампании по объединению поселений и массовому созданию городских округов были гораздо сильнее небольших финансовых выгод, на которые рассчитывали. Закрытие школ, больниц, ФАПов, детских садов в бывших центрах сельских поселений, даже если сохранились здания и есть ученики, в удаленных районах увеличило расстояние от деревень до социальной инфраструктуры до 20–40 км при плохих дорогах и отсутствии рейсовых автобусов. Это только подтолкнуло отток населения. Страна уже проходила нечто похожее при выделении «перспективных и неперспективных» деревень, хотя тогда это во многом было связано с укрупнением сельскохозяйственных предприятий. Но история ничему не учит. А современный удар именно по социальной сфере привел к серьезным негативным последствиям.

Второе — недостаточная поддержка малого бизнеса, в любом виде — частных хозяйств населения, фермеров. Причем не только и не столько сельскохозяйственного, но и лесного, сбора грибов и ягод, любых ремесел, разъездной торговли и т.п. Это нужно в России всюду. Но здесь так мало энтузиастов, готовых что-то делать, что их надо «на руках носить». Мы знаем многих людей, которые пытались организовать производство, но они не могли пробиться ни к кредитам, ни к какой-либо помощи. По-прежнему основное внимание — к крупным предприятиям и к возвращению сельского хозяйства в эти лесные районы, где оно очаговое и давно уже не главное.

Третье — разрушение потребкооперации. Даже если появляются в таких местах люди, готовые что-то делать, их попытки часто проваливаются. Местный рынок очень узок, магазины в районных центрах завалены продукцией крупных предприятий. В Москву не пробиться. Перекупщики приезжают редко и больше любят южные районы. А ведь прежде в каждом райцентре были предприятия потребкооперации, это ведь тоже занятость.

Четвертое — необустроенность местности самой элементарной инфраструктурой. Можно сослаться на то, что это замкнутый круг: населения мало, зачем обустривать, когда оно уменьшается. Но пример Финляндии, страны не самой богатой, с такими же сложными условиями, где тоже разреженное расселение и сельчане уезжают в города, показывает иное. До каждого дома и даже хлеба — прекрасная дорога, простые деревянные дома (не шикарные коттеджи) по внутреннему обустройству этим коттеджам не уступают. В каждом доме есть и газ, и водопровод, и канализация. Здесь нужна прямая помощь государства.

Т.Г. Нефедова

Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности...

Пятое — это отсутствие средств и полная «задавленность» местных властей. Очень многие руководители бывших сельских поселений, которых сейчас уже нет, прямо говорили, что лучше ничего не делать, чем при столь мизерных бюджетах отвечать за «нецелевое расходование средств» при любых попытках сделать «шаг вправо или влево», ведь заранее все предусмотреть невозможно. Это убивает всякую инициативу на местном уровне.

И последнее — игнорирование федеральными и региональными властями и госучреждениями (Минэкономразвития, Министерством сельского хозяйства и др.) городских дачников. Все мечтают развернуть потоки горожан, в том числе москвичей, назад в деревни. Но это абсолютная утопия. В современных условиях тенденции диаметрально противоположные, привлекательными становятся все более крупные города. На постоянное место жительства горожане едут лишь в пригороды. Отдельные примеры переезда в деревни, конечно, есть, но это крошечные и очень разреженные очаги, хотя в интернете множество рассуждений о том, как плохо в городе и хорошо в деревне. Зато дачников миллионы, и не только в пригородах, даже в деревнях. Это наш российский путь временной сезонной дезурбанизации. К сожалению, дачников не любят ни федеральные, ни региональные, ни местные власти. Зато местное население оживает, когда приезжают дачники. Это и занятость, и доходы, порой единственные.

В целом экономическая поляризация пространства, благодаря специфике российских институтов, пока еще стимулирует миграции в главные центры и их пригороды. Что, в свою очередь, пролонгирует урбанизацию и усиливает социально-экономическую поляризацию и социальное опустынивание внутренней периферии, расположенной между центрами. Как разорвать этот замкнутый круг и может ли Россия развиваться иначе — это главный вопрос.

Библиография

- Александров Ю.Г. (1993). Будущее колхозно-совхозного строя в России // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука.
- Безобразов В.П. (1885). Народное хозяйство России: Московская (центральная) промышленная область. СПб. Т. 2.
- Вегрен С., Троцук И.В. (2019). Парадоксы развития личного подсобного хозяйства в современной России // Крестьяноведение. Т. 4. № 4. С. 22–50.
- Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года (2017). Т. 2. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам РФ. М.: ИИЦ «Статистика России».
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2016). Поляризация пространства центрально-российского мегаполиса и мобильность населения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 5. С. 77–85.
- Между домом и... домом (2015). Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Нефедовой Т.Г., Аверкиевой К.В., Махровой А.Г. М.: Новый Хронограф. URL: <http://ekonom.igras.ru/data/bhah2016.pdf> Нефедова Т.Г.

- Мкртчян Н.В. (2018). Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Сер. геогр. № 6. С. 26–38.
- Нефедова Т.Г. (2003). Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство.
- Нефедова Т.Г. (2019). Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства Европейской части России // Пространственная экономика. Т. 15. С. 36–56.
- Нефедова Т.Г. (2020). Контрасты социально-экономического пространства в Центре России и их эволюция: два «разреза»-профиля // Региональные исследования. № 2 (68). С. 18–38.
- Нефедова Т.Г., Медведев А.А. (2020). Сжатие освоенного пространства в Центральной части Европейской России: динамика населения и использования земель в сельской местности // Изв. РАН. Сер. геогр. Т. 84. № 5. С. 645–659.
- Нефедова Т.Г., Старикова А.В. (2020). Миграции населения как способ его адаптации к поляризации пространства в Центре России // Социологические исследования. № 10. С. 24–38.
- Ойкумена Ближнего Севера России (2016) / Ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Университетская книга.
- Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (2013). «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России // Социологические исследования. № 4. С. 13–35.
- Потенциал Ближнего Севера (2014): экономика, экология, сельские поселения / Научн. ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Логос.
- Рыбников А. (1928). Основные вопросы плана сельского хозяйства. М.: Новая деревня.
- Сен А. (2004). Развитие как свобода. М.: Новое издательство.
- Серова Е.В., Шик О.В. (2007). Мировая аграрная политика. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Чаянов А.В. (1989). Крестьянское хозяйство. М.: Экономика.
- Шагайда Н.И., Узун В.Я. (2019). Драйверы роста и структурных сдвигов в сельском хозяйстве России. Научн. доклады РАНХиГС. М.: Изд. дом «Дело». № 4 (19).
- Шкаратан О.И. (2012). Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Т.Г. Нефедова

Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности...

Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia

Tatyana G. Nefedova, DSc (Geography), Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. 119017, Moscow, Staromonetny per., 29. E-mail: trene12@igras.ru

Abstract. The article is based on the presentation made on March 11, 2021 at the scientific seminar of the Chayanov Research Center and the Center for Agrarian Studies of the RANEPA. The presentation summarized publications based on the research supported by the Russian Science Foundation (project No. 19-17-00174 "Development of the old-developed regions under the social-economic polarization and the reduction of the developed space of European Russia"). The research aimed at identifying challenges and consequences of the Russian spatial polarization for rural areas at different levels – from regional to local – on the example of Central Russia (including the Moscow Region and its neighboring regions). The author considers features of rural areas in Central Russia, describes trends of their development and consequences of the long-term rural depopulation which was especially strong around the Moscow Region. The author focuses on different types of migration (interregional, intraregional and international) and their reasons; identifies centers of the contemporary population concentration; describes the transformation of agriculture in these regions, its organizational and

spatial changes, the main trends in the decline and revival of agricultural production and its impact on rural settlement; proves that the polarization of rural areas affects all levels – regions, municipal districts and settlements. The article is based on the integrated approach that considers rural areas in their interaction with cities: the influence of urban investments on the development of rural areas, the increasing concentration of the rural population in the suburbs, the role of summer residents in the redevelopment of rural areas and in the preservation of rural settlements. Finally, the author assesses the consequences of the authorities' decisions for rural areas.

Key words: old-developed regions, cities, rural areas, agriculture, population migration, land use, summer residents

References

- Aleksandrov Yu.G. (1993) *Budushchee kolkhozno-sovkhozno stroya v Rossii* [The future of the collective-farm system in Russia]. *Krest'yanstvo i industrialnaya tsivilizatsiya*, Moscow: Nauka.
- Bezobrazov V.P. (1885) *Narodnoe khozyaystvo Rossii: Moskovskaya (tsentralnaya) promyshlennaya oblast* [National Economy of Russia: Moscow (Central) Industrial Region], Saint Petersburg, vol. 2.
- Wegren S., Trotsuk I.V. (2019) Paradoxy razvitiya lichnogo podsobnogo khozyaystva v sovremennoy Rossii [The paradoxes of smallholdings in contemporary Russia]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 4, pp. 22–50.
- Vserossiyskaya selskokhozyaystvennaya perepis 2016 goda [All-Russian Agricultural Census 2016] (2017), vol. 2. *Predvaritelnye itogi Vserossiyskoy selskokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda po sub`ektam RF*, Moscow: IITs "Statistika Rossii".
- Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. (2016) Poliarizatsiya prostranstva tsentralno-rossiyskogo megalopolisa i mobilnost naseleniya [Polarization of the space of the Central-Russian megalopolis and population mobility]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 5, pp. 77–85.
- Mezhdum domom i... domom* (2015) *Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Ed. by T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Makhrova, Moscow: Novy khronograf.
- Nefedova T.G., Mkrtchyan N.V. (2018). Regionalnye stolitsy Rossii i ikh prigrorodnyye osobennosti migratsionnogo balansa [Regional capitals of Russia and their suburbs: Features of the migration balance]. *Izvestiya RAN. Seriya geographicheskaya*, no 6, pp. 26–38.
- Nefedova T.G. (2003) *Selskaya Rossiya na pereputie. Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads. Geographical Essays], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Nefedova T.G. (2019) Razvitie postsovetetskogo agrarnogo sektora i poliarizatsiya selskogo prostranstva Evropeyskoy chasti Rossii [Development of the post-Soviet agrarian sector and polarization of rural Russia in its European part]. *Prostranstvennaya ekonomika*, vol. 15, pp. 36–56.
- Nefedova T.G. (2020) Kontrasty sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva v Tsentre Rossii i ikh evolyutsiya: dva "razreza"-profilya [Contrasts of the social-economic space in Central Russia and their evolution: Two "sections"-profiles]. *Regionalnye issledovaniya*, no 2, pp. 18–38.
- Nefedova T.G., Medvedev A.A. (2020) Szhatie osvoennogo prostranstva v Tsentralnoy chasti Evropeyskoy Rossii: dinamika naseleniya i ispolzovaniya zemel v selskoy mestnosti [Reduction of the developed space in the central part of European Russia: Population dynamics and land use in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya geographicheskaya*, vol. 84, no 5, pp. 645–659.
- Nefedova T.G., Starikova A.V. (2020) Migratsii naseleniya kak sposob ego adaptatsii k poliarizatsii prostranstva v Tsentre Rossii [Migration of the population as a way of its adaptation to the polarization of the space in the center of Russia].

- tation to the polarization of space in Central Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10, pp. 24–38.
- Oikumena Blizhnego Severa Rossii* [Oikumene of the Russian Near North] (2016) Ed. by N.E. Pokrovsky, T.G. Nefedova, Moscow: Universitetskaya kniga.
- Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (2013) “Kletochnaya globalizatsiya” i tendentsii v selskikh soobshchestvakh Blizhnego Severa Rossii [“Cell-like globalization” and trends in the rural communities of the Russian Near North]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4, pp. 13–35.
- Potentsial Blizhnego Severa* [Potential of the Near North] (2014): ekonomika, ekologiya, selskoe poseleniya. Ed. by N.E. Pokrovsky, T.G. Nefedova, Moscow: Logos.
- Rybnikov A. (1928) *Osnovnye voprosy plana selskogo khozyaystva* [Main Issues of the Agricultural Plan], Moscow: Novaya derevnya.
- Sen A. (2004) *Razvitiye kak svoboda* [Development as Freedom], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Serova E.V., Shik O.V. (2007) *Mirovaya agrarnaya politika* [World Agrarian Policy], Moscow: Izdatelsky dom GU VShE.
- Chayanov A.V. (1989) *Krestyanskoe khozyaystvo* [Peasant Economy], Moscow: Ekonomika.
- Shagaida N.I., Uzun V.Ya. (2019) *Drayvery rosta i strukturnykh sdvigo v selskom khozyaystve Rossii* [Drivers of Growth and Structural Shifts in the Russian Agriculture], Moscow: Izdatelsky dom “Delo”. RANEPa Scientific Reports, no 4.
- Shkaratan O.I. (2012) *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i realnost* [Sociology of Inequality. Theory and Reality], Moscow: Izdatelsky dom VShE.

Т.Г. Неведова

Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности...

Дискуссия по докладу Т.Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России»¹

**К.В. Аверкиева, О.Б. Глезер, Т.Г. Нефедова, А.М. Никулин,
Н.Е. Покровский, М.Г. Пугачева, С.Н. Смирнов, А.И. Трейвиш**

Ксения Васильевна Аверкиева, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН. 119017 Москва, Старомонетный переулок, 29. E-mail: k_averkieva@igras.ru

Татьяна Григорьевна Нефедова, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН. 119017 Москва, Старомонетный переулок, 29. E-mail: trene12@igras.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Никита Евгеньевич Покровский, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия. E-mail: npokrovsky@hse.ru

Ольга Борисовна Глезер, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН. 119017 Москва, Старомонетный переулок, 29. E-mail: olga.glezer@igras.ru

Марина Геннадиевна Пугачева, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: puma7@yandex.ru

Сергей Николаевич Смирнов, доктор экономических наук, заведующий Центром анализа социальных программ и рисков Института социальной политики НИУ ВШЭ. 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: socpol@hse.ru

Андрей Ильич Трейвиш, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии РАН, 119017 Москва, Старомонетный переулок, 29. E-mail: trene12@yandex.ru

Аннотация. На совместном семинаре Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ и Чаяновского исследовательского центра МВШСЭН 11 марта 2021 года состоялось обсуждение доклада д.г.н., главного научного сотрудника Института географии РАН Нефедовой Т.Г., посвященного проблемам поляризации социально-

1. Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

экономического пространства и перспектив сельской местности в староосвоенных регионах Центра России. Участвовавшие в семинаре географы, социологи и экономисты в дискуссионном порядке обсудили вопросы движущих сил современного сельского развития России, соотношение советского аграрного наследия и современных трендов трансформации сельских территорий, роль различных сельско-городских слоев — отходников, дачников и, конечно, самих сельских жителей в сохранении и возможном реосвоении сельских пространств. В оживленной дискуссии были обсуждены и разобраны ключевые понятия доклада: поляризация, сжатие сельских пространств, особенности их староосвоенности, региональные и локальные примеры в основном депрессивных, но иногда и устойчивых путей сельского развития. Определенное внимание было уделено новейшим тенденциям сельского развития прошлого и нынешнего года, связанным с влиянием пандемии как на город, так и на деревню. Отдельная тема, обсуждавшаяся на семинаре, — значение, направление сельско-городских миграций как в самой России, так и из стран ближнего зарубежья в Россию. Не обошли вниманием участники семинара и вопрос субъективного фактора отдельных сильных руководителей на местное устойчивое сельское развитие. Вместе с тем признавалось, что в условиях усиливающейся как государственной, так и рыночной централизации ресурсов, сопровождающихся так называемой оптимизацией сельской социальной инфраструктуры (часто фактически ликвидацией сельских школ, больниц, учреждений культуры), в условиях маломощного и неэффективного сельского муниципального самоуправления в основном нарастают негативные тенденции дальнейшего усиления депрессивных тенденций на сельских территориях Центра России. В этой ситуации признавалась особая ценность староосвоенных сельских регионов, способных использовать свой историко-культурный потенциал для нового сельского развития.

Ключевые слова: поляризация, дифференциация, центр, периферия, депрессия, регионализация, староосвоенные регионы, культура

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-154-169

А.М. Никулин: Татьяна Григорьевна Нефедова представила нам чрезвычайно разносторонний и глубокий доклад о противоречиях и парадоксах российского сельского развития на эмпирических примерах из Центральные области России. Теперь прошу вас выступить со своими комментариями, вопросами, идеями.

Н.Е. Покровский: Прежде всего хочу поблагодарить Вас, Татьяна Григорьевна, за приглашение на Ваш доклад. Я хотел бы высказать несколько суждений. Первое, что приходит на ум, если обобщить всю созданную Вами картину, это то, что у Вас очень «неудобный» доклад. «Неудобный», но очень честный. Диагноз, поставленный Вами перспективам сельской России, весьма тяжелый. Какой я мог бы сделать вывод, опираясь на Ваши данные, на Ваше мнение и на свои собственные впечатления и исследования? Первое и главное: «точка возврата» к чему-то прошлому пройдена окончательно. В среде крестьяноведов с некоторой внутренней опаской скажу: по существу, крестьянства как класса больше нет, в прежнем смысле его не будет и в будущем. Ибо нет экономики, которая поддерживает эту группу населения.

Во всех трендах в сельском хозяйстве, которые Вы так деликатно и достаточно ясно наметили (Вы все же старались искать позитив), — это чувствуется. Речь у Вас шла о каких-то хозяйствах в Нечерноземье, территориально граничащих с агрохолдингами, больших частных фермах, которые поступательно развиваются сами по себе. Все это для Вас позитив на фоне общего статистического негатива. Но согласимся, к населенным пунктам («деревням»), к местным сообществам «крестьян» этот «позитив» отношения не имеет. Развивающиеся хозяйства и тем более агрохолдинги фактически не используют местную рабочую силу («крестьянство»). Мы сами прекрасно знаем по нашим площадкам, что по разным причинам так называемые «крестьяне» не способны работать в современных условиях, скажем деликатнее, большинство из них не способны влиться в современное продуктивное сельскохозяйственное производство. Большинство не готовы работать в целенаправленном, ритмичном, механизированном и роботизированном современном индустриальном сельском труде. В этом я с Вами согласен по всем пунктам.

Единственный диссонанс у меня возник с Вашими выводами, когда Вы начали говорить про «крепких хозяйственников разных возрастных групп», которые-де «знают», что делать, и т.д. Вы правы, этих кейсов можно набрать немало. Но строить модель Нечерноземья на кейсах сильных хозяйственников, «маяках производства», с социологической точки зрения — для меня не убедительно, потому что ничего они, эти «маяки», не сделают. И по Вашим же графикам и таблицам видно, что даже в рамках муниципальных районов они никакой погоды не делают. Какой вывод я для себя делаю, притом не первый раз? Традиционная сельская экономика по большому счету уходит, а с ней, естественно, идет на убыль и традиционное сельское население. Как оно уходит? Болезненно или тихо умирает? И то и другое. Это отдельный разговор, и здесь должны вмешиваться специалисты по социологии управления и социальной политике — как это будет происходить, как можно снять тяжелейшие проблемы депрессии и ухода.

Сельское население уходит, это факт. Сжимаются обработанные площади, сжимаются населенные пункты, их число в реестре постоянно убывает. Отдельные островки относительного выживания расположены почти исключительно вдоль федеральных и региональных трасс. Но на километр вглубь мы видим тишину — разор и умирание. По каким таким причинам сохраняются «островки выживания» при отсутствии в них продуктивной экономики? Вопрос для социальных географов, социологов: почему что-то все еще остается в сельском Нечерноземье и на Ближнем Севере? Но в целом генеральный вывод состоит в том, что ситуация очень, очень тревожная и во многом драматичная. Я бы сказал, что она рубежная. Мы находимся, как мне кажется, в центре переосмысления сельских пространств, смены функции географии территории, вооб-

ще смены большой модели сельскохозяйственной экономики. И никуда от этого не деться — надо быть реалистами.

Территории из одного формата, традиционного, переходят в свой совершенно новый вариант. И вот здесь возникает естественный вопрос: а есть ли новый смысл в этих покинутых или покидаемых территориях, и если есть, то в чем он заключается? Мы всегда говорили, что Россия — самая пространственная страна в мире, «от моря до моря», и при этих словах грудь наполнялась возвышенной гордостью. Но сейчас закономерно возникает другая тема: являются ли территории благом или проклятием страны? Я сам себе задаю этот вопрос. Многие географы, культурологи, социологи и с одной стороны к этому вопросу подходят, и с другой. Нечерноземье, его территории с их демографической убылью населения и деградацией населенных пунктов, это благо или проклятие? Мне кажется, в Вашем докладе есть скрытый ответ на мой вопрос. А именно: эти явно деградирующие территории представляют собой очень серьезный потенциал для городского населения в рамках неких новых моделей жизнеустройства, нового состава населения, новых мигрантов. Вы их называете «дачниками». Термин идет от А.П. Чехова и А.М. Горького и несет негативную смысловую нагрузку праздности и пустозвонства. Одним словом, «дачники».

Но в современных условиях намечающейся центробежной дезурбанизации «дачники» приобретают совершенно новый смысл. По большому счету, это городское население, городской средний класс, стремящийся выйти за пределы мегаполиса со всеми его проблемами и, я бы сказал, врожденными пороками и обосноваться вне города на внегородских территориях. Мегаполисы задыхаются и скоро подойдут к черте исчерпания своих перспектив. Это особенно хорошо видно в случае Москвы с ее бесконечным расширением (расползанием) в область и строительством своего рода многоэтажных гетто («человейников»). В таком мегаполисе продвинутое население жить не хочет ни при каких обстоятельствах. На наших глазах происходит своего рода обмен населением: те, кто стремится в мегаполисы из малых городов и сельских поселений, и Вы это очень хорошо показали, выталкивают из мегаполисов другую, очень большую категорию населения, пресытившуюся проживанием в мегаполисе. «Центробежники» (назовем их так) — это профессионалы с образованием, крепкий средний класс, высший средний класс, которые уже сыты по горло москвами, питербургами и т.д., с их благами и прочим. «Центробежникам» нужна хорошая экология, нужны ландшафты, нужны места (исторической) памяти, инфокоммуникации (список можно продолжить). И куда движется это «центробежное» население? Ответ: оно движется на внегородские территории, которые раскрывают свой новый потенциал. Дачная миграция — одно из ранних проявлений этого синдрома ухода из мегаполиса. Это потенциал создания «коридоров» выхода из мегаполиса, то есть «коридоров» по определенным географическим

Дискуссия
по докладу
Т.Г. Нефедовой

маршрутам с экономическим наполнением. Это выход на дальние территории, вплоть до 600 км от мегаполиса. И под этим углом зрения и приведенные Вами сегодня цифры, и наши социологические обобщения станут не столь болезненными для многих, как сейчас.

Тогда и ответ на вопрос: просторы и дистанции Центральной России — это благо или проклятие? — решится в позитивном ключе. Естественно, территория становится благом в контексте обратной миграции. Когда транспортные пути, обустроенные самым различным образом, будут существенно облегчать преодоление географического пространства. И тогда эти вновь возникающие внегородские кластеры вдруг окажутся не только временными летними «дачками», не обустроенными, без дорог, без газификации, без канализации и водоснабжения, без инфраструктуры сервисов. Они начнут обрастать внутренней структурой.

Кстати сказать, и местным сельским хозяйством, которое начнет их обслуживать малыми хозяйствами, а не агрохолдингами. Утопия это или что-то не утопичное? Не хочу утверждать, что так будет на все 100%, но это возможный вариант. Он требует расчетов, моделирования и исследования — географами и социологами. Пока к этому варианту использования внегородских, бывших сельхозтерриторий не готовы ни федеральные, ни региональные, ни местные власти. Не готово и общественное мнение. Этот вариант они не видят, что называется, в упор. И очень жаль. Ранняя готовность к будущим изменениям могла бы облегчить решение многих проблем. Хотя весьма заметная центробежная миграция из городов в период пандемии COVID-19 несколько сняла пелену непонимания почти очевидного.

Завершая, я хочу сказать, что возникает интересная «география», в кавычках и без. География и социология того, где, как, на каком основании эти кластеры будут возникать. Где будут завершаться эти «коридоры» выхода? Наши любители «русской старины», «скреп», сарафанов и кокошников утверждают, что все деревни зацветут, всюду агротуризм возобладает — будут везде пляски и гармошки. В социальной сети «ВКонтакте» десятки групп, которые с большим напором рассказывают нам, как здорово жить в деревне, как горожане процветают там, не меняя ничего, а лишь приобщаясь к труду на родной ниве (прямо по Ф.М. Достоевскому). Оставляю эту современную мифологию без внимания. Я совсем о другом. Эти кластеры, выходы, направленность «коридоров» будут заключать в себе совершенно четкие, на мой взгляд, позиции, которые их обусловили. Где-то они совпадут с населенными пунктами, существующими или существовавшими, а где-то от них отклонятся. По каким параметрам? Это экология, ландшафт, рекреационная привлекательность, связь с исторической памятью — так называемыми «местами памяти»; наличие хотя бы остаточного местного сельского населения, которое будет и проводником, и амортизатором между горожанами и внешней средой, транспортная инфра-

структура, вне всякого сомнения. Ибо это не будет невозвратная миграция из города «с сожжением мостов». Это будет «маятниковая миграция», «жидкостная», в духе Зигмунда Баумана, заполняющая лакуны. Завершить хотел бы вот таким резюме. Еще раз повторяю: я абсолютно не утверждаю, что вот это произойдет и тем более в ближайшее время и в полном объеме. Я лишь утверждаю, что это один из вариантов, на мой взгляд, достаточно реалистичный, из набора других вариантов, которые могут быть предложены. Но в любом случае назад пути нет.

К.В. Аверкиева: У меня не будет такой пламенной речи, как у Никиты Евгеньевича, после него вообще сложно говорить. Но у меня есть реплики. Я начну с того, что мне очень нравятся выводы, которые получились у Татьяны Григорьевны, я с ними полностью согласна, но хотелось бы подискутировать по деталям. Момент первый — обустроенность сельской местности, как нам ее измерять. Тем более что Татьяна Григорьевна сравнивает, что происходит у нас и в Финляндии. Меня смущает: возможна ли 100% газификация сельской местности? По-моему, ответ очевиден: если мы в обозримой перспективе — нет. Или сельское водоснабжение: это возможно только в станицах, например, где очень плотное население, там централизованный водопровод. Гораздо полезнее и эффективнее иметь собственную скважину, свой насос, потому что верить старой колхозной инфраструктуре уже никто не хочет, поэтому это не показатель. То же водоотведение — уже давно технически решили проблему, используя септики. Да, это не дешево, но кому хочется, тот может это сделать. Из бесед с сельскими жителями понятно, что заработать себе на септик можно отходничеством, несистемным предпринимательством, например, продавая лишнюю картошку. Конечно, вопрос обустроенности, безусловно, очень актуальный, но, как мне кажется, он уже переходит в плоскость индивидуальных стратегий, и в этом плане сельская местность идет каким-то своим путем. Вторая ремарка — по поводу упадка личных подсобных хозяйств. Тут тоже интересный момент. Из доклада Татьяны Григорьевны у меня сложилось впечатление, что подсобное хозяйство задавлено агрохолдингами и иными тяжелыми обстоятельствами, которые не дают ему развиваться. У меня есть ощущение, что зачастую от товарного личного подсобного хозяйства отказываются просто из-за доступности продовольствия, ведь гораздо дешевле купить пакет молока, чем иметь корову. Тут играют свою роль торговые сети, которые в разном виде приходят хотя бы в райцентры, куда можно добраться. В общем, тут сложный момент. И из этого вытекает следующая идея: в сельской местности все настолько тонко сейчас происходит, что очень трудно это все оценивать с позиции какой-то официальной статистики и даже здравой логики. Казалось бы, что объективно приходит тот самый конец крестьянству, конец многим традиционным аграрным и сельским ценностям, но почему-то мне совершенно не хо-

чется говорить о том, что пришел конец сельской местности. Все время невольно приходят на ум разные контрпримеры. И последняя реплика: в набор тех опор, что помогают развиваться сельской местности, почему-то не попало качество среды. Все-таки, как это ни утопично звучит, сельская местность — это среда, как раз противопоставляемая свехурбанизированной, свехуплотненной городской. Понятно, что, грубо говоря, хорошая экологическая обстановка не заманит никого в сельскую местность, но мне кажется, что этот контраст сред, городской и сельской, рано или поздно срабатывает еще сильнее, чем сейчас. Я не говорю про чисто природные достоинства сельского пространства, все гораздо сложнее, чем просто свежий воздух. Об этом тоже хочется поговорить отдельно, а пока с моей стороны только такие наброски.

Т.Г. Нефедова: Во-первых, о возможностях обустройства. В принципе, обустройство возможно и в более мелких селах. В Угорах в Мантуровском районе Костромской области есть водопровод. Это не такое уж большое село, правда, бывший центр сельского поселения. Так что часто это просто нежелание заботиться и вкладывать средства в эти территории. То же самое с газификацией: в принципе, это возможно, особенно, когда труба недалеко. Однако это проблема государства, не нам ее решать. Что касается индивидуальных стратегий, то тут нельзя забывать, что местное население бедное, и даже если подведут трубу к поселению, то, как правило, подключение к дому стоит таких денег, которые в принципе не по силам местным жителям. Поэтому эти проблемы должно решать государство, иначе они не будут решаться. Сваливать это на голову местных жителей с их мизерными зарплатами нереально. Даже дачники не все могут это осилить, потому что в отдаленных местах дачники не очень богатые, часто пенсионеры. Теперь об отсутствии личного подсобного хозяйства. Конечно, сейчас можно все купить, но если город далеко, магазины закрылись, то сама ситуация должна была бы стимулировать сельских жителей больше выращивать и держать скот. А в этих районах этого не происходит, и именно потому, что сменилось население, преобладают в основном старухи, которые держали скот до последнего, но сейчас уже не могут, как и заготавливать или покупать сено на зиму. А молодежь действительно ориентирована на супермаркеты и мечтает уехать в город. Что касается пессимизма. Да, грустно, не хочется говорить о конце. Я тоже все время ищу какие-то выходы в виде дачников, в виде тех редких сельских жителей, которые что-то пытаются делать, даже малые предприятия создавать. Мы все занимаемся поисками этих крупниц. И последнее — о качестве среды я хотела бы сказать. Помимо экологической важна социальная среда. В городе своя среда, но мы здесь все-таки очень изолированы друг от друга, ушел в свою квартиру и не общаешься. В сельской местности всегда сложно. Когда я в Костромской области, я тесно общаюсь с теми, кто там живет, и вижу, какая там

сильная зависимость от соседей и вообще от среды. Так что единственным горожанам, которые подолгу живут в деревне, несладко. В городе в этом плане гораздо легче. Поэтому мы говорим и о преимуществах, и о недостатках жизни в сельской местности. И это тоже надо учитывать.

М.Г. Пугачева: Пандемия как-то повлияла на описываемую Вами ситуацию? Ведь многие постарались пережить карантин не в мегаполисах.

Т.Г. Нефедова: Я специально не стала об этом говорить, потому у нас с Аллой Георгиевной Махровой будет очень подробный доклад о влиянии пандемии на отношение горожан к жизни в сельской местности на Апрельской конференции в НИУ ВШЭ. В общих чертах: мы рассматривали три типа регионов — Московскую область, Ярославскую (тот же Переславский район, о котором я говорила, и Некрасовский район на севере области) и наше любимое наиболее удаленное Угорское поселение в Костромской. Пандемия точно сказалась в Московской области: число людей, которые туда переехали не только летом, но остались довольно долго жить до ноября (мы брали последние данные на конец ноября), довольно велико. Уже в Переславском районе ситуация противоположная — там летом приехало много народу, но в ноябре осталось мало. По тем же причинам обустройства: жить в сельской местности в осенне-зимний период очень тяжело. Еще хуже ситуация в Некрасовском районе. В Угорском поселении остались 4 семьи горожан, которые обычно не остаются, но в этот раз остались. И периодически я узнавала об их трудностях. Правда, сейчас вот одна семья уезжает. Но это единицы. Таким образом, на удаленные районы пандемия не повлияла, а вот на привлекательность Московской области повлияла существенно.

С.Н. Смирнов: Татьяна Григорьевна, огромное спасибо за доклад. Один момент, Вы правильно говорили о миграции, о пережидании пандемии в этих пригородных местностях, но, на мой взгляд, главное, как мы оцениваем перспективу: насколько люди будут жить там более-менее постоянно, насколько, как говорит Никита Евгеньевич, «пресыщенные “прелестями” мегаполиса предпочитают прелести сельской жизни»? Причем не только в Угорах, в Переславле. Каковы предпосылки их закрепления? Если в селе есть нормальная инфраструктура — своя скважина, свое независимое от коммунальщиков хозяйство, то обнаруживается другая проблема: приобретение продуктов и товаров для повседневного потребления. Если это Переславль, я не сомневаюсь, что будет развиваться курьерская служба. Но есть и другой момент — это доходы (я имею в виду не пенсионеров). Только что ВЦИОМ провел обследование, и выяснилось, что одна четверть опрошенных по репрезентативной выборке более чем удовлетворены дистанционными формами работы. А это значит, что им требуются лишь какие-то разовые выезды в Москву. Более того, возможности удаленной работы расширяют-

ся, потому что часть работодателей в Москве, согласно другим публикациям, предпочитают сейчас нанимать людей в регионах на более низкую заработную плату. И не в этом ли некая предпосылка положительного влияния пандемии на дезурбанизацию?

Т.Г. Нефедова: Что касается возможностей дезурбанизации — я недаром показывала, что в Переславском районе в последние годы наблюдается все большее тяготение дачников к крупным селам и расположенным ближе к Переславлю. Это говорит о том, что люди все-таки очень ценят инфраструктуру. Там, вблизи Переславля или на его окраине была возможность остаться хотя бы до ноября (дальше мы просто не следили). Но и оттуда значительная часть горожан уехала, все-таки и это далеко от Москвы. Уже в Некрасовском районе, который близко к Ярославлю (между Ярославлем и Костромой), те, кто обычно уезжал осенью, те и уехали, несмотря на ковид. Несмотря даже на то, что это всего 60 км между двумя городами, столицами регионов. Там даже есть газовая труба, которая подведена к селу, так что село формально газифицировано, в отчетах все в порядке, но для подведения к дому требуется несколько миллионов рублей. И на этом все застопорилось. Местные жители не в состоянии оплатить подвод трубы к дому, большинство дачников тоже не в состоянии, поэтому жить зимой там невозможно. Хотя интернет есть, в отличие от Угор, где все гораздо сложнее.

Н.Е. Покровский: В 12-м номере журнала «Социологические исследования» я с молодыми коллегами опубликовал статью, которая посвящена влиянию пандемии на миграцию в сельскую местность городских жителей. Там и статистика, и качественные интервью. Это к слову. И еще: понимаете, ожидать того, что за год пандемии «прорвется плотина» и все население страны из мегаполисов ринется в сельскую местность — нельзя. Но то, что это «окно прорублено» и люди, которые никогда в жизни не были в сельской местности, вдруг там оказались и поняли, что там замечательные перспективы могут быть при определенных условиях, — вне всякого сомнения. Иными словами, некий тренд обозначил себя. И надо думать, как это будет в будущем, расширится он или умрет сам по себе. Это вопрос.

О.Б. Глезер: У меня комментарий. Большое спасибо за доклад, он был очень длинный и благодаря этому мы без всякой спешки спокойно услышали все, что хотела сказать Татьяна Григорьевна. Есть о чем подумать полнее, чем это бывало обычно. Я хотела обратить внимание, что категория «населенное пространство» немыслима без парной категории «освоение, освоенность». Сельская местность, если ее продолжать называть сельской местностью, а не сельско-городским континуумом или как-то еще, принципиально отличается от городской своей континуальностью, сплошной освоенностью, в отличие от узлового характера городской местности. И в этом смысле новое реосвоение сельской местности, там,

где оно происходит, конечно, коренным образом ломает парадигму «сплошной освоенности», потому что оно может быть только фрагментарным, точечным, оно даже не всегда узловое. Как это ни странно, но освоение холдингами или реосвоение, как мне кажется, как раз носит значительно более площадной характер. Хотя оно вроде бы меньше связано в смысле трудовых ресурсов с местным населением, с точки зрения дорог, инфраструктуры, распахки оно ближе к площадному освоению. Мне кажется, что стоит подумать над тем, можно ли говорить, что это реосвоение именно сельской местности, поскольку она так сильно трансформируется в своих каких-то основополагающих чертах и свойствах, то остается ли она все еще сельской? Понятно, что она НЕ городская, но не стоит ли подумать над каким-то новым обозначением этой территории, чтобы не вводить всех в заблуждение или же не оговариваться каждый раз, что сельская местность — это не та местность, где занимаются сельским хозяйством.

Т.Г. Нефедова: Я не совсем согласна в том, что в сельской местности обязательно сплошная освоенность. Те регионы, которые я рассматриваю, с мелкоконтурным освоением, и там никакой сплошной освоенности не было. В Костромской области 70% занимают леса, и среди лесов есть только отдельные очаги сельского хозяйства. Они и раньше были, и сейчас, просто очаги стали меньше.

О.Б. Глезер: Я перебую, потому что мне кажется, меня не поняли. Я имею в виду «сплошную освоенность» населенных территорий. Лес не относится к населенной территории.

Т.Г. Нефедова: Невозможно в таких районах провести четкую границу между населенной и ненаселенной территорией. Лесная территория увеличилась, поля зарастают лесом, освоенная территория уменьшается.

О.Б. Глезер: Тогда в чем сжатие?

Т.Г. Нефедова: В том, что увеличивается площадь леса и уменьшается освоенная, и в том числе населенная территория.

О.Б. Глезер: Я не согласна с этим. Мне кажется, она фрагментируется, мне этот термин больше нравится. Это следующая стадия за «поляризацией». Она централизуется, она фрагментируется, а следовательно, характер ее освоенности становится менее сплошной. Менее площадной. Вокруг поля не распаханы, дороги в большем запустении, чем они были. Допустим, уменьшаются связи между населенными пунктами, если нет школы, значит, (дети) не ходят. А раз уменьшается связанность, значит, это тоже работает на увеличение фрагментарности.

Т.Г. Нефедова: Фрагментарность, конечно, увеличивается, деревни как бы «удаляются» друг от друга. Но если в деревне осталось 3–5 человек, ничего вокруг не распахивается, а люди собирают грибы-ягоды и подрабатывают на соседних лесоразработках, то территория все равно еще освоена и заселена. Другое дело, что раньше там жили 200 человек. Сжатие усиливается. Но я не могу

сказать, что территория и была сплошь освоена, она и прежде была довольно фрагментарна. Это специфика лесных районов, где самые разные способы освоения. Если бы речь шла о южных территориях, там — да, там было сплошное сельскохозяйственное освоение. Там, кстати, тоже ведь идет забрасывание неудобных земель. А тут как было очаговое, так и осталось, просто очаги стали меньше.

О.Б. Глезер: Ну нельзя Костромскую область отнести к «очаговому» заселению. По любому районированию расселения Архангельская — еще да, и то без южной части, но Костромская...

Т.Г. Нефедова: У меня даже есть карта заселения территории Костромской области. За пределами юго-западного пригорода это были либо отдельные острова среди лесов, побольше или поменьше, либо заселение шло вдоль рек. Все остальное — леса.

А.И. Трейвиш: Этот спор не имеет решения. Можно вмешаться?

О.Б. Глезер: Да, как специалисту по сельско-городскому континууму.

А.И. Трейвиш: Нет, не по сельско-городскому. Хотя «муж и жена — одна сатана», на самом деле, между двумя «сатанами» есть разногласия, в том числе даже в понимании сельской местности. Но только не такие, как между Ольгой Борисовной и Татьяной Григорьевной, а другие. Мы какое-то время довольно долго спорили — что такое «сельская местность», в том смысле, что Татьяна Григорьевна склонна к ее расширительному пониманию, что это все, что вне городов. Тогда леса — тоже сельская местность, в том числе Гослесфонд, огромные таяжные массивы, тундры и болота — это все сельская местность. А я говорил — нет! Там корень «сел», должно быть наСЕЛение, расСЕЛение, это должна быть обжитая местность, раз она сельская. А если там никого нет, кроме временных кочевников, которые пришли-ушли, то это вообще не сельская местность, а природная территория.

Но мы не будем в это углубляться, потому что рано или поздно оказывается, что привычные нам понятия, старые, традиционные, начинают трещать по швам. Это то же самое, что и социальная категория крестьянства. Есть оно или нет его? Там, где одни фермеры остались, предприниматели, это крестьяне или нет? «Крестьянское фермерское хозяйство» — помните такую вещь из ранних постсоветских времен? Многие говорили, что это оксюморон, что, если оно фермерское, оно уже не крестьянское. Ну об этом лучше крестьяноведам судить. А я по образованию, отчасти до сих пор по роду своей деятельности профессиональной, «зарубежник». И мне интересно, что происходит «за бугром», похоже там на нас или нет. В чем-то похоже, в чем-то — нет. Допустим, вот приводилась в пример Финляндия, что это страна не самая богатая. Да, не самая богатая, даже в Европе. Есть нефтяная Норвегия, есть Люксембург, Швейцария и т.д. Но все-таки она богаче России. Кстати, богатство страны — это тоже большой открытый социально-экономический вопрос. У нас все время говорят: «Мы — богатейшая страна»,

имея в виду как раз обилие территорий, а функцией размеров территорий, как правило, является обилие всяких природных ресурсов. Вот, мы богаты от природы. Но еще Иван Посошков, может быть, первый русский профессиональный экономист петровского времени (хотя плохо кончил — умер в Петропавловской крепости), писал в своей книге «О скудности и богатстве»: «И в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, а в коем царстве люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатым». Это я по памяти, но близко к тексту цитирую. Вот по этому критерию, конечно, Финляндия существенно богаче России. Но при этом своего газа там нет, он весь импортный, а газификация в этой самой сельской местности, обжитой, в моем понимании, гораздо больше. Про дороги я не говорю, причем речь идет не только о магистральных автомобильных дорогах, и не только о межпоселенных, речь идет о внутрихозяйственных дорогах. Их, конечно, отдельно фермеру не построить, это делается на том или ином государственном уровне.

Ну да, у нас столько еще надо построить, столько еще надо газифицировать! Сейчас у нас принята программа почти полной газификации, на бумаге она рано или поздно будет выполнена. Именно почти сплошной. На бумаге трубу к какому-то поселению подведут, а дальше — платить миллионы, каждому. А миллионов нет. Но! При этом процессы в Финляндии, на изумление, идут те же самые, что в России. Население стягивается в Хельсинки, который формально не очень большой город, миллиона там нет, но это только формально, потому что так административно «нарезано». А если взять реальные пригороды, которые прилегают с запада, с востока и с севера, то это уже полуторамиллионная агломерация. И огромное количество дачников.

Не все страны мира дачные, не у всех есть эта форма сезонной дезурбанизации. И тут я с Никитой Евгеньевичем практически согласен: действительно, это форма дезурбанизации, только такая специфическая, сезонная в основном. «Дачников» огромное количество в Скандинавии, особенно в Финляндии. Эти их «мёкки», «касамёкки» — «июньский домик» — там у большинства практически, как у нас. У половины горожан — точно, а скорее всего и больше. Но, опять же, это сугубо временное население, которым ни сплошного, ни даже часто очагового реально нового освоения не достичь. Но оно «садится» на существующую инфраструктуру, на обустройство территорий, и если этой инфраструктуры нет, оно не «садится». Процессы идут такие же!

А.М. Никулин: Разрешите сформулировать мой вопрос о степени «старости» «староосвоенности». Ростов Великий, например, более староосвоенный, чем Москва. В Переславле-Залесском стоят такие церкви, которые в Москве построили только через 500 лет. Ксения Аверкиева в одном из своих докладов приводила пример староосвоенности в вологодских землях, хотя, конечно, эти земли гораздо ме-

нее староосвоенные по сравнению с ростовскими и московскими. Так есть ли иерархия староосвоенности как таковая? Или мы все, что более-менее к XIX веку было освоено, так «чохом» и считаем староосвоенным? Существует ли «пространственно-временной континуум староосвоенности» в географии? И что тогда считать «новоосвоенностью», она тоже должна существовать? По крайней мере, применительно к нашей стране, а не к Финляндии.

А.И. Трейвиш: Я скажу, почему это понятие национальное и не имеет полноценных аналогов, хотя есть английский эквивалент — «old или early developed regions, areas». Терминологические аналоги есть, а исследований, которые проводились у нас в позднесоветское время, нет, и мы решили их повторить — сейчас у нас идет проект по староосвоенным районам. Интерес к староосвоенным территориям оживился именно в позднесоветское время потому, что до этого времени львиная доля исследований, в том числе географов и многих региональных экономистов, социологов и т.д., проводилась по районам нового освоения, это был такой «освоенческий угар». Нужно понимать, что жуткий крен на эти новые районы определялся не только демографическими потерями первой половины XX века (войнами, репрессиями, голодоморами и т.д.), но огромными колонизационными устремлениями — по сути, унаследованными от дореволюционной России, которая переживала период демографического бума (столыпинские переселения в значительной степени определялись относительным аграрным переизбытком населения старых земледельческих районов). Я однажды считал, какая доля публикаций географов (всех: физико-географов, нашего сравнительно малочисленного крыла социально-экономических географов) посвящена восточным и северным территориям, оказалось, около 50%! Конечно, писали и о Москве, о ее проблемах, украинские географы писали об Украине, белорусские — о Белоруссии, а это в основном всё староосвоенные территории как ни крути. Но этот очень большой крен в новые «ура-освоенческие» проекты совершенно непропорционален ни населению, ни вкладу в экономику. Может быть, кроме Тюмени, где тюменская нефть и потом газ начиная с 1970-х годов содержали экономику позднего СССР, а уж постсоветского — тем более. Страна у нас гигантская, и гигантомания тоже гигантская. И вот этот лозунг «Освоим все не освоенное!» — вообще свойственен большим странам, особенно когда есть избыток каких-то мобильных ресурсов, в первую очередь трудовых, человеческих. Вы помните призывы ехать на Дальний Восток, движение комсомолок и т.д.? Все это было. Когда весь этот бум начал потихоньку сдуваться и угасать, появился более системный интерес к староосвоенным районам, осталось очень много не решенных научных проблем. В том числе о возврате староосвоенных территорий. Есть несколько критериев, например, уровень освоенности, какой он должен быть для «староосвоенных». Если район потерял эту свою «старую освоенность», просто

опустынел (и до какого уровня?), то можно ли его относить к староосвоенным? И вот этот самый возраст — на мой взгляд, это относительная шкала, причем подвижная — в этом сложность. Когда у вас наступает какая-то определенная новая стадия развития, то практически — это моя субъективная точка зрения, коллеги ее могут не разделять — все районы, все территории, которые были освоены на предыдущем витке, на предыдущей стадии, автоматически «стареют» и становятся «староосвоенными». Другой вопрос, как мы определяем эти стадии, какая там конкретная хронология и т.д. Но это не единственная точка зрения. Поэтому ваш вопрос какого-то однозначного ответа в географической науке не имеет.

А.М. Никулин: Правильно ли я понимаю, что фактически под «староосвоенными» регионами мы можем понимать сельскую Россию «образца» 1920-х годов? Все, что было более-менее тогда освоено? Но и то можно говорить уже, что «Столыпинская колонизация» — это некоторое новое освоение. Я правильно понимаю, что фактически «новое освоение» — это коллективизация и то, что после нее бросились осваивать регионы Сибири, Дальнего Востока, целины и т.д.?

А.И. Трейвиш: Я думаю, что можно перевести в «староосвоенные» все, что было создано в период этой форсированной индустриализации, даже вплоть до 1950-х годов. У Татьяны Григорьевны был отсчет от 1959-го, но он просто связан с переписью населения. Где-то в середине 1950-х годов закончилась форсированная сталинская индустриализация, при Хрущеве она еще по инерции частично продолжалась, но тот чудовищный переворот, который произошел в экономике, в социальном организме страны, связанный с индустриализацией 1930–1950-х, тогда закончился. Или стал заканчиваться. А вообще-то говоря, мы уже 30 лет живем в постсоветское время и при другой системе. И через какое-то время все советское, все, что было «создано в СССР» (это же скользкая категория), — чем дальше, тем все, что освоено в предыдущую эпоху, как бы ее ни называли, легче переводится в «старое». Все советское уже старое. Уже или становится.

Вопрос: На каком основании в графиках выделялись пригородные и другие районы, в общем, районы в зависимости от удаленности от региональных центров?

Т.Г. Нефедова: Эти районы выделялись по положению: если район примыкает к региональному центру или окружает его, он считался пригородным. Соседей пригородного района можно уже назвать «полупригородом», соседи третьего порядка — полупериферия и так далее. Также на графике по зарплате выделялись районы по удаленности от Московской области: те, что граничат с Московской областью, это приграничные (первый пояс), дальше уже соседи второго порядка, третьего и т.д.

А.М. Никулин: Мне кажется, что из выступления Татьяны Григорьевны следовало, что сельская местность в разных своих прояв-

лениях — весьма разнообразна. Коллега Александра Чаянова Александр Челинцев утверждал, что «проблема сельскости — это проблема регионализации». И в этом докладе, даже только на примере так называемых «староосвоенных» районов, даже на примере только центральных областей, окружающих Москву, было показано, насколько все-таки разнообразны региональные оттенки. Это и ополье, и центры, и периферии. Да, во многих сельских регионах ситуация тревожная и даже угрожающая, с каждым годом ухудшающаяся. И тем не менее можно обнаружить примеры самого разнообразного позитивного сельского развития, даже и в достаточно депрессивных регионах.

Иногда в наших дискуссиях мы, в зависимости от наших полевых исследований, находимся в некотором плену субъективных впечатлений. Кто-то побывал в депрессивной сельской местности, увидел только печальные и негативные явления и утверждает: «Все, это конец, повсюду безработица-пьянство, наступление леса, исчезновение деревни!», а кто-то оказался среди явлений и событий крепкой и успешной сельской жизни и говорит: «Знаете, я видел отрадное: крепкое фермерское хозяйство, экологическую деревню, замечательный сельский праздник! Деревня развивается!». И те, и другие отчасти оказываются правы. Главное достижение и сила этого доклада — убедительный анализ того, насколько разнообразна наша страна, насколько в ней могут проявляться самые причудливые направления как сельского упадка, так и сельского развития. Конечно, новые сельские инициативы, как правило, возникают в регионах староосвоенности, именно там чаще происходит современная трансформация сельской местности от аграрного производства к рекреации, туризму, краеведению. Огромное спасибо за Ваше выступление, Татьяна Григорьевна, и Вам заключительное слово.

Т.Г. Нefeldова: Я только могу поблагодарить всех за то, что меня внимательно слушали и дали возможность рассказать об исследованиях за последние пару лет. Я для себя многое получила из нашего обсуждения. Спасибо.

Discussion of the presentation of T.G. Nefeldova “Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia”²

Kseniya V. Averkieva, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Staromonetny Per., 29, Moscow, 119017. E-mail: xsenics@yandex.ru

Olga B. Glezer, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; 119017, Moscow, Staromonetny per., 29. E-mail: olga.glezer@igras.ru.

2. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Tatyana G. Nefedova, DSc (Geography), Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; 119017, Moscow, Staromonetny per., 29. E-mail: trene12@igras.ru.

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Nikita E. Pokrovsky, DSc (Sociology), Chief Researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS; Professor, National Research University Higher School of Economics; 101000, Moscow, Myasnitskaya St., 20. E-mail: npokrovsky@hse.ru.

Marina G. Pugacheva, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: puma7@yandex.ru

Sergey N. Smirnov, DSc (Economics), Head of the Center for Analysis of Social Programs and Risks, Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics; 101000 Myasnitskaya St., 20, Moscow, E-mail: socpol@hse.ru.

Andrei I. Treivish, DSc (Geography), Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; 119017, Moscow, Staromonetny per., 29. E-mail: trene12@yandex.ru.

Abstract. On March 11, 2021, at the joint seminar of the Center for Agrarian Studies of the RANEPa and the Chayanov Research Center of the MSSES, the researchers discussed the presentation of Tatyana Nefedova, DSc (Geography), the Chief Researcher of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, on the polarization of the Russian social-economic space and the prospects of rural areas in the old-developed regions of Central Russia. Geographers, sociologists and economists discussed the driving forces of the contemporary rural development in Russia, the relationship of the Soviet agrarian heritage with the new trends in the transformation of rural areas, the role of various rural-urban strata — migrant workers, summer residents and villagers — in the preservation and possible redevelopment of the countryside. The participants considered the key concepts of the presentation: polarization, reduction of rural areas, features of their previous development, regional and local examples of the mostly depressive but sometimes sustainable ways of rural development. Some participants focused on the latest trends of rural development (2020–2021) as determined by the impact of the pandemic on both the city and the countryside; discussed the meaning and directions of rural-urban migrations both in Russia and from neighboring countries to Russia; emphasized the role of the subjective factor (strong leaders) in the local sustainable rural development. The participants admitted that, under the increasing state and market centralization of resources accompanied by the so-called optimization of rural social infrastructure (in fact many rural schools, hospitals and cultural institutions were just closed) and given the weak and ineffective rural municipal self-government, there are growing negative trends of the strengthening depression in rural areas of Central Russia. However, the old-developed rural regions have the historical-cultural potential for a new rural development.

Key words: polarization, differentiation, center, periphery, depression, regionalization, old-developed regions, culture

Дискуссия
по докладу
Т.Г. Нефедовой

Жизненные циклы экопоселений

Е.В. Кузнецова

*Елизавета Владимировна Кузнецова, аналитик, Проектно-учебная лаборатория муниципального управления, НИУ ВШЭ. 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
E-mail: evkuznetsova@hse.ru*

Аннотация. Экопоселения — одна из форм идейной общины, ставящая своей целью организацию экологически чистого пространства для совместного проживания группы людей. Самым распространенным типом экопоселений в России являются поселения родовых поместий. В рамках статьи рассматриваются ключевые факторы, влияющие на развитие родовых поместий, производится анализ его ключевых этапов. В исследовании подтвердилось предположение о присутствии определенных стадий, через которые проходят поселения родовых поместий в процессе формирования, выделены факторы успешности.

В целом поселенцам необходимо следовать нескольким правилам, которые определяют успешную групповую динамику. Во-первых, серьезно относиться к отбору в члены поселения, что играет важную роль не только на экономическом уровне (опытные поселенцы видят, каких ресурсов не хватает человеку для развития своего поместья), но и на уровне коммуникации. Во-вторых, как можно раньше формализовать экономическое взаимодействие: сформировать четкий процесс голосования за инициативы, выбрать инициативную группу, которая будет заниматься сбором средств. В-третьих, быть готовыми к некоторому разочарованию и уходу членов, ожидания которых не подтвердились. В-четвертых, постараться реализовать максимально возможное количество проектов на первых этапах строительства поселения, чтобы таким образом сильнее сплотить людей и сформировать мини-группы, в рамках которых жителям было бы комфортно взаимодействовать друг с другом.

Ключевые слова: экопоселения, поселения родовых поместий, анастасийцы, социальная структура сельских сообществ, местные сообщества, рурализация, сельская жизнь, групповая динамика, психология

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-170-179

Экопоселения — одна из форм идейной общины, ставящая своей целью организацию экологически чистого пространства для совместного проживания группы людей. Самым распространенным типом в России являются поселения родовых поместий. Изначально идея родового поместья была предложена Владимиром Мегре в книге «Анастасия» — первой из 10 книг серии «Звонящие кедры России». Популярность книг породила развитие движения, и поселения родовых поместий (далее — РПП) стали повсеместно появляться во многих регионах России. Основная идея последователей движения — анастасийцев — в необходимости иметь собственный гектар

земли в безвозмездном пользовании и передавать его из поколения в поколение. Своя земля необходима для того, чтобы получать «родовую энергию» и восстановить способности, утраченные человечеством в ходе истории. Гектар земли — минимум для самовоспроизводимости и создания максимального биоразнообразия. Постройка своего поместья — создание рая на земле своими руками. Здесь важно, что подразумевается именно проживание в поселении — то есть построение локального сообщества, объединенного идеологической программой. Обычно поселения родовых поместий располагаются в сельской местности в относительной удаленности от городов, что, с одной стороны, обеспечивает экологичность проживания, но с другой — требует поиска новых источников средств к существованию.

Исследователи изолированных сообществ обратили внимание на то, что поселения родовых поместий проходят через схожие этапы на пути формирования и развития — жизненные циклы (Задорин и др., 2014; Позаненко, 2016). В рамках данной работы предпринимается попытка рассмотреть эти жизненные циклы не из социологической, а из психологической перспективы и понять, применима ли какая-то из моделей групповой динамики для анализа того, как меняются отношения внутри поселения.

Исследование было проведено в рамках бакалаврской дипломной работы по специальности «Психология» под руководством Артемия Алексеевича Позаненко.

Методология исследования

Поселения, охваченные исследованием, расположены в 12 областях России, от Новосибирской области и до Краснодарского края, в 17 поселениях были проведены 26 полуструктурированных интервью. В качестве основного метода анализа данных выбран тематический анализ (Холтон, 1981) с последующим построением модели динамики отношений внутри поселений и факторами, на нее влияющими.

Факторы, влияющие на групповые процессы в поселениях родовых поместий

Зимовка. Важным понятием для всех родовых поместий, считающимся в том числе одним из критериев его успешности, является процент зимующих семей — доля людей, проживающих в поместье круглогодично. По данным ресурса «Поселения.ру» на май 2020 года, из 420 зарегистрированных поселений только в 146 люди остаются зимовать (Родовые Поселения, 2020). Зимовка является важным критерием, влияющим не только на формирование опыта и самовосприятие поселенца, но и на групповую динамику. Говоря о зимовке, информанты вспоминают сложности быта в завалах

снега, нехватку общения, скуку, связанную с малым количеством людей в поселении.

Общие проекты. Основным связующим фактором в поселениях является наличие совместных проектов. Первоначально они связаны с инфраструктурными задачами, например, уходом за дорогами, их расчисткой. Когда первичные потребности удовлетворены, поселенцы начинают облагораживать пространство вокруг себя. Так, в некоторых поселениях есть «поляна» — общая территория, на которой происходят внутриселенческие сборы. На этом же этапе возникают проекты по строительству общего дома или клуба. В таком доме в дальнейшем проводятся мероприятия, отмечаются праздники. Иногда жители начинают организовывать кружки «для своих». Во время проживания в поселении может возникнуть потребность в общей электрификации, в связи с недостаточной мощностью личных генераторов и солнечных батарей. Далее появляются образовательные проекты для детей, например, своя школа, детский сад, драматический театр. Повсеместно и вне зависимости от того, построен ли общий дом, распространены детские лагеря «для своих», а иногда и для детей из близлежащих деревень.

Конфликты. Очень важную роль в формировании группы играют нормативные способы разрешения конфликтов, а также действия при обострении конфликтных ситуаций. Большинство конфликтов в поселениях родовых поместий возникают на двух основаниях: материальной или идеологической.

Конфликты на материальной почве в основном прагматического характера: часты случаи, когда люди, например, отказываются от взносов на расчистку дорог и другие базовые инфраструктурные нужды, потому что по каким-то причинам считают этот сбор необоснованным (так, на расчистку дорог не хотят сдавать деньги те, у кого нет машины), из-за чего в поселении происходит глобальный конфликт, и часть людей либо дистанцируется от общества, либо поселение делится на почти не взаимодействующие между собой группы.

Идеологические конфликты случаются на более ранних стадиях развития группы. Так, многие пытаются «вслепую» применять принципы, описанные в книгах Мегре, и категорично настаивают на исключительно экологичном образе жизни, например, отказываясь от центрального электроснабжения и протестуя против электрификации поселка. Этим поселенцы не только реализуют таким образом понимаемую экологичность, но и манифестируют независимость от «системы» — государства.

Лидерство. В основном в поселениях родовых поместий преобладает трансформационное лидерство: член сообщества придумывает какой-то проект, и вокруг него объединяется инициативная группа, которая этот проект развивает. Формальным лидером в поселениях, зарегистрировавших юридическое лицо, может считаться тот, кто является его председателем. Также есть практика

выкупа всей земли в собственность одним человеком, и последующая его продажа. Собственник земель, таким образом, может играть ключевую роль именно в заселении территории: ему принадлежит решающее слово при приеме новых членов. Таким формальным лидерством можно манипулировать: в некоторых поселениях идут судебные распри по поводу сбора денег и их растраты. В целом же лидерские амбиции поселенцами нивелируются и порой осуждаются: основным базисом для комфортного взаимодействия внутри группы является равенство социальных статусов.

Мотивация. Важным фактором успешного формирования групповой динамики выступает мотивация поселенцев. Так, поселения делятся на строго и не строго идеологические. Это различие не только диктует особенности отбора поселенцев, но и порождает большое количество споров. Многие жители ПРП сознательно уходят от ассоциации себя со стигматизированным ныне понятием «анастасиец», не без оснований считая, что общество рассматривает «Звениящие кедры России» как секту, и не желая по этой причине маргинализироваться. Более того, неполное следование идеологии движения информанты рассматривают как позитивный фактор для привлечения новых последователей, если не движения «Звениящие кедры России», то по крайней мере людей, стремящихся к экологичному образу жизни.

Правила поселения. Близким к мотивационному критерию является наличие правил поселения, то есть каких-либо прописанных норм, соблюдение которых ожидается от вновь прибывших. Так, во многих ПРП существует запрет на межевание территории, чтобы не нарушалась общая концепция. Поскольку по канонам «Звениящих кедров» необходимо придерживаться вегетарианства, неодобрительно относятся к животноводству, иногда желающие им заниматься вообще не принимаются в поселение, а иногда — маргинализируются.

Правила отбора членов поселения. На этот фактор успешности формирования поселения влияет в первую очередь юридический аспект: в некоторых поселениях земля находится в личной собственности, и продать ее можно кому угодно, однако гектар земли сельскохозяйственного назначения вряд ли может использоваться для других целей, кроме построения родового поместья. В поселениях со строгим отбором обычно ниже абсентеизм и текучка: поселенцы уже на этапе знакомства не позволяют покупать землю тем, кто, по их мнению, будет не способен на ней проживать (не хватит денег, поддержки, слишком молод, одинок). В одних поселениях прием в члены происходит путем голосования простым большинством, в других — требуется единогласное одобрение. Также есть практика «испытательного срока», когда желающие поселиться приезжают на субботники и гостевые дни и показывают себя «в деле».

И последним выделенным мной фактором оказалась причина отъезда из поселения: она влияет на динамику косвенно. Потеря члена группы в любом случае негативно отражается на групповом

процессе, но причина, по которой это происходит, также важна. В основном люди покидают поселение потому, что не справляются с бытовыми и/или финансовыми трудностями; в таком случае они возвращаются обратно в город и используют поместье как дачу или пытаются продать. Еще одной причиной может быть слабая инфраструктура: например, когда в семье несколько детей, а школа далеко, приходится менять место жительства. Причиной отъезда может стать чрезмерная эскалация конфликтов и несовпадение взглядов на желаемый образ жизни, из-за чего принимается решение переехать в более «дружественное» по мировоззрению поселение.

Модель формирования группы в экопоселении

Если в динамике наблюдать историю развития группы в поселениях родовых поместий и пытаться сверить их с предложенными в прошлом концептуальными моделями развития группы, наиболее применима, на наш взгляд, модель развития группы Такмена (Tuckman, 1965). По Такмену, группа проходит через стадии формирования, конфликта, нормирования и функционирования. В родовых поместьях процесс идет сходным образом. Так, поселение начинается с инициативной группы — нескольких людей, принявших решение сформировать свою общину, и редко — с одного инициатора. Поиск единомышленников осуществляется через порталы «Анастасия.ру», «Поселения.ру» и группы в социальных сетях. Эта стадия соответствует стадии формирования группы по Такмену.

Далее происходит поиск места для будущего поселения, решение юридических задач, регистрация. Параллельно с этим через всевозможные каналы коммуникации идет активный рекрутинг новых членов. Поскольку рекомендуемый В. Мегре размер поселения составляет 150 поместий, то часто ищется земельный участок площадью более 100 гектаров. На этом же этапе, при наличии рядом с таким участком деревни, идет знакомство и попытки дестигматизировать группу заранее — чаще всего про «Звенящие кедры» поселенцы не распространяются. Далее, когда земля размежевана и будущие поселенцы приступают к построению поместий, в группе процветают взаимопомощь и взаимовыручка. Когда же поместье построено, и людей начинает затягивать тяжелый и непривычный для горожан быт, группа сдвигается на стадию конфликта. Случаются бытовые разногласия в рамках инфраструктурных проектов, часть людей, особенно из рекрутированных в процессе формирования поселения, переходят в абсентеизм и не принимают активного участия в жизни группы. На данном этапе часто возникают структурные конфликты, и поселение может даже разделиться на два юридических лица и полностью рассориться. Далее группа переходит в стадию нормирования: либо формулируются нормы для более-менее бесконфликтного сосуществования, то есть выбирается дата

обязательных для посещения общих собраний, а совместные мероприятия не проводятся, и группа ведет разобщенный образ жизни; либо удастся выбрать приемлемый для всех принцип принятия решений, например вечевой, предложенный Владимиром Мегре, и группа выходит из конфликта готовой к продолжению совместной деятельности и осуществлению различного рода проектов. На стадии нормирования важно выделить необязательность участия в общественных инициативах (организация ярмарок, лагерей и пр.), так людей перестает тяготить ощущение, что они не обладают свободой выбора, а потому они начинают чувствовать себя комфортнее. Далее группа переходит на стадию функционирования: поселенцы понимают, что не обязаны «со всеми дружить», и общаются в кругу тех, с кем комфортно. При появлении инициатив реализуются совместные проекты. Текучка присутствует, но по личным причинам, а не из-за конфликтных ситуаций.

Динамическая модель формирования отношений в экопоселениях

На основе выделенных факторов и самооценки успешности поселений жителями можно построить модель формирования динамики отношений внутри поселения и выделить наиболее важные на каждом из этапов.

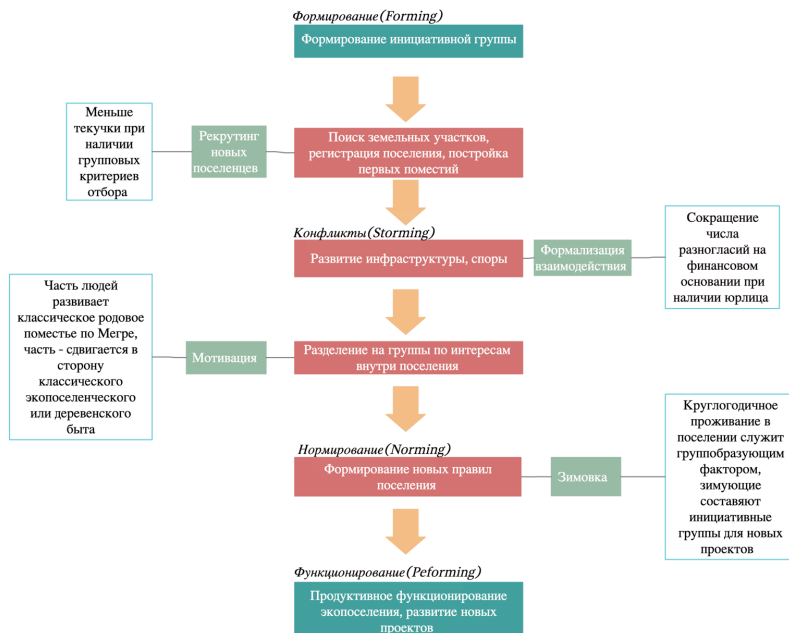

Схема 1. Групповая динамика в поселениях родовых поместий

На представленной схеме можно наблюдать, что играет наиболее важную роль при переходе группы к следующему этапу функционирования. Рассмотрим подробнее каждый из выделенных критических факторов для перехода группы к следующему этапу.

На этапе формирования поселения особенно важны ритуалы рекрутинга новых поселенцев (они значимы и на последующих этапах, но именно на начальном играют критическую роль). Так, если в поселение принимают без первичного знакомства с соседями, впоследствии происходит эскалация конфликтов на фоне разницы интересов и характеров. В случаях же когда для переезда в поселение необходимо пройти обряд инициации (знакомство со всеми жителями, анкетирование), число конфликтов и текучка снижаются. Приведу описание порядка принятия в одно из крупных ПРП.

«Рекомендуемый сценарий: семья приезжает на гостевой день, знакомится. Может пожить хотя бы неделю у нас, можно пожить в общем доме или в палатках (в теплое время). Приветствуется, если семья поучаствовала в дне общения (каждая 3-я суббота месяца) и в субботнике (каждая 4-я суббота месяца). Также можно походить по поместьям, пообщаться лично, познакомиться с каждой семьей. После чего заявить о своем желании вступить. Вступить можно на очередном собрании каждую первую субботу месяца. Вступающая семья рассказывает о себе на собрании, о своих планах, а каждый из жителей может задавать любые интересующие их вопросы. Типичные вопросы: как вы собираетесь зарабатывать на своей земле? Как планируете строиться? Чем планируете заниматься на своем поместье? Есть ли образ своего поместья? И так далее. Потом семью просят временно удалиться, и идет внутреннее обсуждение и голосование. Если все голосуют за, то семья принята. С этого момента у нее начинается испытательный срок, за который она должна построиться и переехать. Сейчас этот срок равен 3 годам, но может обсуждаться индивидуально для каждой семьи. Спустя год подводятся первые итоги переезда семьи. Есть возможность вступить в постоянные жители, если семья выполнила все условия и переехала жить в поселение раньше. Переход в статус постоянных осуществляется на очередном собрании».

Так, с потенциальными поселенцами происходит не только знакомство, но и проверка их на деле: поселенцы смотрят на то, как потенциальный сосед взаимодействует с другими людьми, работает. Более того, присутствует даже испытательный срок с целью недопущения простаивания земли без хозяина.

Когда в поселении начинают развивать инфраструктуру, критически важно формализовать взаимодействие внутри поселения. Так, при регистрации юридического лица при голосовании большинством за ту или иную статью расходов исчезают конфликты по финансовым вопросам (сдавать/не сдавать средства на что-то, что конкретный поселенец может считать не нужным для себя).

«Например, ежегодно собираемся для ремонта дорог. Мы ежегодно проводим ревизию, плановое обслуживание. ЛЭП есть, у нас есть своя КТП, трансформаторная подстанция, есть свои электросети, они принадлежат ДПН юрлицу, в общем балансе не ходят, есть план передать их государству, чтобы не обслуживать. Расчетный счет, ежегодный счет. Бухгалтер наемный на аутсорсинге. Есть взнос ежегодный обязательный 2400, есть целевые взносы на ремонт дорог. Наш домик тоже был за счет целевого взноса, соответственно все чеки, всю документацию можно посмотреть. 6 тысяч мы приняли на общий дом, и разбили этот платеж на 2 года, в 2019-м 2 тысячи, и в 2020-м 2 тысячи, чтобы людям было комфортно платить. Все оформляется протоколом общего собрания. Если кто-то не согласен, к ним подходят люди тут же, на собрании, и общаются, рассказывают. И объясняют, что так и так, это необходимость. Должна быть какая-то культурная составляющая жизни. Те, кто был жестко против, меняли свою точку зрения прямо на собрании. А вообще бывает, что действительно голоса против, и либо вопрос снимается на какое-то время, откладывается, и если человек жестко против, то мы либо переносим принятие решения, либо делается запись в протокол. Но в основном такие вопросы поднимаются, насущные и политкорректные. Подразумевается, что по таким вопросам нет разногласий, то есть стараемся сводить вопросы в модуль жизненной необходимости. Чтобы вопросов не было».

Так, формализация и протоколирование взаимодействия значительно снижают уровень разногласия и помогают нормализовать процесс принятия решений. Более того, есть способ решения проблемы несогласия, когда оно протоколируется. Принятие решения не простым большинством, а абсолютным положительно влияет на атмосферу общих собраний: те, кто не понимает смысл реализации проекта, чувствуют себя услышанными.

Далее группа начинает делиться на подгруппы по изначальной мотивации и интересам: кто-то разочаровывается непосредственно в идеях «Звонящих кедров» и переходит в формат более традиционной экожизни, кто-то обращается к сельскому образу жизни и реализует практики, изначально не соответствующие догматам анастасийства, например, начинают выращивать животных на убой. Некоторые же продолжают радикально придерживаться правил, рекомендуемых Анастасией, чем порой вызывают снисходительное отношение соседей, изменивших подход на более реалистичный.

Но изначально объединяющий фактор все равно идеологический. Пр процитируем одну из информанток, круглогодично живущую в поселении:

«Ну тут стоит говорить о том, что мы все-таки были вдохновлены единой идеей. И когда эта идея раскрывалась через книги,

каждый сам понимал, что именно он хочет, и какого труда ему будет достаточно для самовосстанавливающейся экосистемы».

Развитие поселения требует новых правил взаимодействия, менее идеалистичных и более гибких. По мере формулирования этих правил происходит некоторая внутренняя динамика: люди, круглогодично живущие в поселении, создают инициативные группы, которые занимаются развитием необходимых поселению побочных проектов. Обычно сначала строятся клуб или общий дом, затем — образовательные учреждения (детские сады, кружки), при успешности которых запускаются коммерческие или культурные проекты (досуговые центры).

Важно, что перед началом реализации совместных проектов жителям необходимо удовлетворить базовые потребности:

«В целом все хорошо. Конечно, было бы лучше, чтобы был больший общий дом для общих праздников и собраний, чтобы были лучшие дороги, своя школа и так далее. Все это нужно просто строить нам. Я считаю, что сейчас у нас этап, когда уже много семей заканчивают строительство своего жилья и закрывают первые необходимые потребности, а значит, уже все больше будет времени на общие дела».

Успешно пройдя через эти стадии, экопоселение становится устойчивым с точки зрения своего дальнейшего развития и состава, исчезают конфликтные ситуации, и обстановка становится более гармоничной. Поселение использует подходящие именно им рычаги регулирования конфликтов: в некоторых угрожают привлечением органов власти, в некоторых — пытаются решить конфликты мирным путем — «по душам» поговорив с несогласными.

Так, поселения родовых поместий, при соблюдении некоторых базовых правил взаимодействия, становятся комфортной средой для проживания и самореализации. Успешное прохождение стадий развития экопоселения гарантирует устойчивость его дальнейшего функционирования, а принятие наиболее комфортных для каждого поселенца условий сосуществования может уменьшить количество возникающих конфликтов.

Библиография

- Задорин И.В., Мальцева Д.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. (2014). Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. Т. 2. С. 64–77.
- Позаненко А. (2016). Самоизолирующиеся сообщества — Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. Т. 25. № 1. С. 129–153.
- Родовые поселения: статистика (2020). <http://poselenia.ru/poselenie>
- Холтон Дж. (1981). Тематический анализ науки. М.: Аспект Пресс.
- Tuckman B.W. (1965). Developmental sequence in small groups // Psychological Bulletin. Т. 63. № 6. Р. 384–399.

Elizaveta V. Kuznetsova, Analyst, Design-Training Laboratory for Municipal Administration, National Research University Higher School of Economics. 101000, Moscow, Myasnitskaya St., 20. E-mail: evkuznetsova@hse.ru

Е.В. Кузнецова
Жизненные циклы
экопоселений

Abstract. Ecovillages are forms of the ideological community that aims at providing a group of people with an environmentally friendly space for living together. Some kind of the contemporary estate is the most widespread type of ecovillages in Russia. The author considers the key factors affecting the development of such ecovillages and its main stages. The study confirmed the author's assumption about the certain stages in the ecovillage development and about the factors of its success. In general, villagers have to follow several rules that ensure the successful group dynamics. First, to select members of the settlement very carefully, because this choice has an important impact not only on the economy (experienced settlers understand what resources a person lacks for the development of his estate) but also on communications. Second, to formalize the economic interaction as fast as possible: to ensure a clear process of voting for initiatives and to choose an initiative group responsible for fundraising. Third, to be ready for disappointments and departures of members whose expectations were not met. Fourth, at the first stages of the ecovillage development, to try to implement as many projects as possible in order to unite people and form mini-groups for the comfortable interaction of ecovillagers.

Key words: ecovillages, settlements of estates, anastasians, social structure of rural communities, local communities, ruralization, rural life, group dynamics, psychology

References

- Zadorin I.V., Maltseva D.V., Khomyakova A.P., Shubina L.V. (2014) Alternativnye selskie poseleniya v Rossii: stihijnaya vnutrennyaya emigratsiya ili osoznanny transfer v budushchee [Alternative rural settlements in Russia: Spontaneous internal migration or a conscious path to the future]. *Labirint*, vol. 2, pp. 64–77.
- Pozanenko A. (2016) Samoizoliruyushchiesya soobshchestva – socialnaya struktura poselenij rodovoyh pomestij [Self-isolated communities – social structure of estate settlements]. *Mir Rossii*, vol. 25, no 1, pp. 129–153.
- Rodovye poseleniya: statistika [Estate Settlements: Statistical Data] (2020). <http://poselenia.ru/poselenie>.
- Holton G. (1981) *Tematichesky analiz nauki* [Thematic Analysis of Science], Moscow: Aspekt Press.
- Tuckman B.W. (1965) Developmental sequence in small groups. *Psychological Bulletin*, vol. 63, no 6, pp. 384–399.

Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?»

Российская история. 2020. № 5. С. 3–14

В.В. Кондрашин

*Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН; 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
E-mail: vikont37@yandex.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-180-184

Опубликованная в журнале «Российская история» статья М.Ю. Мухина с претенциозным названием «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» оставляет тяжелое впечатление — автор проигнорировал аграрно-крестьянский аспект проблемы. Остается неясным, сделал ли он это намеренно, или, будучи исследователем отдельных аспектов нэпа, просто не владеет необходимой информацией, или не понимает научной значимости указанного важнейшего аспекта.

На наш взгляд, подобной ситуации не случилось бы, если бы Мухин назвал статью «Некоторые итоги столетнего изучения промышленности, торговли и других сфер экономики СССР в годы нэпа» или «К вопросу об итогах изучения важнейших аспектов нэпа отечественными исследователями». Хотя и в данном случае факт игнорирования зарубежной историографии (в статье упомянута лишь монография Л. Самуэльсона) и аграрно-крестьянской проблематики в целом выглядел бы, по меньшей мере, странным для статьи, помещенной на первых страницах ведущего российского академического журнала по истории России.

Думаю, что даже не профессиональным исследователям, а обычным любителям отечественной истории, среди которых немало читателей «Российской истории», из школьной программы известен факт, что нэп на завершающем этапе фронтовой Гражданской войны был введен прежде всего из-за проблем в сельском хозяйстве и деревне. И что же, в последующий период, до «слома нэпа», в советской деревне и аграрном секторе экономики не происходило ничего заслуживающего внимания исследователей?

«Анализ» работ советских историков на указанную тему автор статьи сводит к одной фразе: «Достаточно полно оказались освеще-

ны вопросы аграрной экономики» (с. 5). К ней дается одна ссылка на монографии Ю.А. Полякова (1967 года издания) и В.П. Данилова (1979 года издания). Но ведь кроме В.П. Данилова и Ю.А. Полякова аграрный аспект нэпа активно изучался и другими советскими историками (Н.Я. Гущиным, Ю.С. Кукушкиным и др.)! А после 1979 года разве В.П. Данилов и центр по аграрной истории Института истории СССР (Института российской истории РАН) ничего не сделали в области изучения советской деревни и сельского хозяйства СССР в годы нэпа, да и самого феномена нэпа?

Мухин в статье «отдельно» отмечает международный научный проект «Рабочий активизм в Советской России, 1918–1929» как «ценный опыт сотрудничества с зарубежными коллегами» (с. 8). Но почему-то несколько томов документов о положении в советской деревне в годы нэпа и в период его слома, об аграрной политике Советского государства в данный период, опубликованных под научным руководством В.П. Данилова в рамках международных проектов Института российской истории РАН «Крестьянская революция в России», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание» с участием крупнейших западных исследователей советской истории, не вызвали его интереса. Они, что же — не «ценный вклад»? Или выполнены не на должном научном уровне? И поэтому их можно «забыть» в статье, озаглавленной «Сто лет изучения нэпа», содержащей указания автора на наиболее значимые достижения исследователей в данной области?

Наряду с вышеназванными М.Ю. Мухин не посчитал нужным отметить и другие документальные публикации, в том числе выполненные под руководством упомянутого в статье А.К. Соколова, а также крупнейших историков-аграрников России (сотрудников ИРИ РАН) В.В. Кабанова, Н.А. Ивницкого и др.: «Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927. Документы и материалы» (М., 1991); «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.» (М., 1997); «Письма во власть. 1917–1927» (М., 1998); «Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах» (М., 2001); ««Тянут с мужика последние жилы...»: налоговая политика в деревне (1928–1937 гг.): сборник документов и материалов» (М., 2007). Это далеко не полный список. В этом же ряду по непонятным причинам проигнорированный автором статьи пятитомный сборник документов «Как ломали нэп» (стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.), который также был подготовлен к печати В.П. Даниловым и наиболее авторитетным в настоящее время исследователем истории СССР сталинского периода О.В. Хлевнюком.

Таким образом, можно констатировать, что в «итоги столетнего изучения» не вошли важнейшие документальные издания эпохи «архивной революции» в СССР–России, посвященные нэпу, в том числе подготовленные сотрудниками Института российской истории РАН.

На наш взгляд, в «программной» «итоговой» статье о достижениях отечественной историографии не помешало бы вспомнить и о так называемой «бухаринской альтернативе» сталинской коллективизации, которую, анализируя феномен нэпа, обосновывал В.П. Данилов и поддержал один из основателей западного крестьяноведения Т. Шанин. Но об этом в статье — ни слова. Как и о продолжавшейся несколько лет в Московской высшей школе социальных и экономических наук дискуссии по актуальным проблемам крестьяноведения и истории России в рамках теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» и междисциплинарного симпозиума «Куда идет Россия? / Пути России». В опубликованных материалах данных научных форумов содержится немало интересных суждений участников о нэпе и его судьбах, особенно с акцентом на аграрно-крестьянскую проблематику (см.: Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015).

Касаясь зарубежной историографии, можно было бы не ограничиваться одним, хотя и очень заслуженным, исследователем эпохи нэпа (Л. Самуэльсоном), а как минимум вспомнить и о других не менее авторитетных исследователях проблемы: например, о недавно ушедшем из жизни выдающемся знатоке советской истории С. Коэне (труды о Н.И. Бухарине), не менее крупном исследователе советской экономики периода нэпа Р.У. Дэвисе, М. Левине (изучавшем становление советской («сталинской») системы) и других.

Еще досаднее, что М.Ю. Мухин не заметил многочисленных монографических трудов российских и зарубежных исследователей (кроме уже названных) по аграрно-крестьянской проблематике нэпа, увидевших свет в последние десятилетия, особенно в российских регионах! Для них в его статье не нашлось места даже для одной фразы...

Вот лишь некоторые из них, известные широкому кругу специалистов и любителей истории: Анфимов А.М., Вылцан М.А. Кулак в российской деревне: миф и реальность // Новые страницы истории Отечества (Пенза, 1991); Селиванов А.М. Социально-политическое развитие российской деревни в годы НЭПа: историография, проблемы (Ярославль, 1994); Ибрагимова Д.Х. Нэп и перестройка: Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку (М., 1997); Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века (М., 1997); Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 1920-х годов как исторический источник (М., 1999); Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия (Волгоград, 2007); Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) (М., 2010); Роголина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века (М, 2010); Вещева О.Н. Налоговая политика советского государства в деревне в период НЭПа (Самара, 1999);

Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века (М., 2000); Марискин О.И. Государево тягло: налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX в.: (по материалам Среднего Поволжья) (Саранск, 2004); Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.) (Новосибирск, 2005); Чернышева А.В. Механизм государственного управления деревней в условиях нэпа: проблемы функционирования (М., 2005); Скрыпников А.В. Российская деревня в годы новой экономической политики: тенденции и противоречия социально-экономического развития российской деревни в условиях НЭПа (М.; Пенза, 2006); Саблин В.А. Экономика крестьянского двора на Европейском Севере России в 1920-е годы: (к проблеме модернизации аграрной подсистемы) (М.; Вологда, 2006); Бабашкин В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации (М., 2007); Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории / Отв. ред. В.А. Ильиных (Новосибирск, 2008); Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены (М., 2009); Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири (М., 2010); Есикова М.М. Влияние землеустройства и агропропаганды на аграрную культуру России (1917 — начало 1930-х гг.) (на материалах Центрального Черноземья) (М., 2010); Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы (Новочеркасск, 2014); Yuzuru Taniuchi. The village Gathering in Russia in the Mid. 1920's. (Birmingham, 1968); Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России–СССР (1905–1930) (М., 1996); Markus Wehner. Bauernpolitik im proletarischen staat. Die bauernfrage als zentrales problem der sowjetischen innenpolitik. 1921–1928 (Köln, 1998); Капустян А.Т. Украинское крестьянство и власть в первые годы нэпа // Отечественная история. 2001. № 5. С. 165–173; Асаока Д. Советская власть и крестьянство: идея «рабоче-крестьянского союза» // Российская революция и век СССР: В 5 т. Т. 2. Сталинизм как цивилизация (Токио, 2017. С. 3–43, на японском языке); Окуда Х. К вопросу о предпосылках коллективизации: настроения работников низовых партийных и советских структур в период нэпа // Российская история. 2018. № 4. С. 14–16 и многие другие.

Автор статьи об «итогах изучения нэпа», видимо, не считал важными и материалы многочисленных сессий по аграрной истории Восточной Европы, в ходе которых период нэпа всегда обсуждался их участниками, в том числе сотрудниками ИРИ РАН. Например, об этом шла речь и на последней, XXXVII сессии Симпозиума, состоявшейся 22–25 сентября 2020 года в Воронеже, сопредседателем которой был автор настоящего письма.

В заключительной части статьи, где автор перечисляет, по его мнению, перечень наиболее перспективных тем, аграрно-крестьянская тематика снова отсутствует. Что это значит? Все уже ясно? Или «мужику» уже не место в академической истории?

Эмоциональный стиль настоящей заметки был бы невозможен, если бы в начале статьи или в ее конце автор как-то объяснил свою позицию по данному вопросу. Но он этого не сделал. Это письмо появилось как протест против игнорирования в крестьянской стране, каковой в период нэпа являлась Россия, крестьянства, а также против незаслуженного забвения достижений российских и зарубежных исследователей данного ключевого аспекта истории России первой половины XX века.

**Response to the article by M.Yu. Mukhina “A hundred years of the NEP studies. Is it time to make conclusions?”
Russian History. 2020. No 5. P. 3–14.**

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Chief Researcher, Head of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Драма деревянного зодчества Заонежья

Петтерссон Л. Архитектура деревянных церквей и часовен Заонежья / Предисл. М. Мильчика, С. Петтерссон; ст. В.П. Орфинского, И.Е. Гришиной; под науч. ред. М. Мильчика, И. Гришиной; пер. с фин., англ. — М.: Три квадрата, 2020. — 544 с. ISBN 978-5-94607-231-1

Е.С. Никулина

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-185-188

Эта удивительная книга замечательного финского ученого Ларса Петтерссона (1918–1993) представляет собой богато иллюстрированный том фотографий и чертежей деревянного зодчества Русского Севера, как приложение к его фундаментальному труду «Архитектура деревянных церквей и часовен Заонежья». В ней читатель найдет список памятников, библиографию и архивные материалы, словарь терминов, а также научные статьи и комментарии современных российских и финских авторов.

В предисловии, озаглавленном «Ларс Петтерссон — первооткрыватель церковного деревянного зодчества Заонежья», научный редактор книги — известный искусствовед Михаил Мильчик дал развернутую характеристику Петтерссону-ученому и его вкладу в исследование и сохранение истории традиционной архитектуры Карелии.

Петтерссон начал свою академическую карьеру в конце 1930-х годов, изучая деревянную архитектуру православных храмов на территории Финляндии. Парадоксальным образом Вторая мировая война на время прервала, а затем предоставила ему возможность дальнейшего углубленного изучения любимой темы. Дело в том, что командование финской армии на оккупированной территории Карелии решило обеспечить охрану религиозных зданий и предметов, чтобы продемонстрировать «свободу вероисповедания, которую предоставляют финны... что есть прямая противоположность большевистскому времени» (с. 11), а заодно исследовать общие истоки традиционной архитектуры Карелии и Финляндии.

Именно для этой цели молодого архитектора-искусствоведа Ларса Петтерссона в звании прапорщика отправили на территорию оккупированного Заонежья, придав ему в помощь чертежника Ойву Хелениуса. В 1942–1944 годах они провели тщательную инвентаризацию (с чертежами, обмерами, фотографиями, описаниями) всех 133 деревянных церквей и часовен Заонежского полуострова, который по количеству и значению своих архитектурных сооружений получил метафорическое название Пелопоннесского полуострова Карелии. Ведь именно в Заонежье располагается уникальный архитектурный комплекс Кижи, а также многие другие замечательные памятники деревянного зодчества. Несмотря на суровые условия войны, эта подвижническая работа была проделана очень своевременно, ибо из 133 исторических объектов, бережно зафиксированных Петтерссоном и Хелениусом, к настоящему времени сохранилось только 32.

С окончанием войны Ларс Петтерссон вернулся к научной работе в университетах Финляндии. По материалам своих военных полевых исследований он в 1950 году защитил двухтомную диссертацию «Церковная деревянная архитектура Заонежья», вскоре переработав и опубликовав ее в виде монографии.

В последующие десятилетия Петтерссон стал крупнейшим искусствоведом Финляндии. Как отмечает его внучка Сюзанна Петтерссон в биографической статье этой книги «Ларс Петтерссон: искусствоведение как образ жизни»: «Он был учителем нескольких поколений финских искусствоведов. Главным объектом его внимания стала архитектура, в особенности деревянные церкви. Он написал множество монографий, посвященных как отдельным храмам, так и более обширному анализу традиций церковного зодчества. Он прослеживал связь между архитектурой финских церквей и историей европейской архитектуры» (с. 16). Глубочайшая искусствоведческая эрудиция давала возможность Петтерссону находить ассоциации в элементах архитектуры заонежских церквей с религиозными традициями Византии и даже буддизма. Но главный вклад ученого в изучение старинной деревянной архитектуры — в обосновании и применении метода комплексного типологического анализа, совмещенного с методом датировки исторических памятников на основе натурного изучения. Петтерссон первым среди иностранных и отечественных исследователей старинной деревянной архитектуры тщательно рассмотрел памятники древнего зодчества в процессе их эволюции, детально уточняя временные границы каждого исторического периода, подтверждая свою типологию эмпирическим анализом материалов и инструментов, расположением церквей и часовен на местности, их размерами и типами строений, планировками различных помещений, детальной характеристикой строений: фундамент, стены, крыши, потолки, пол и его высотный уровень, двери, окна и другие проемы в стенах, лестницы и крыльца, столбики, перила и их декорирование, внутреннее убранство,

покраска строений. В результате этой обширной и тщательной аналитической работы Петтерссон смог сгруппировать исследуемые храмы по их объемно-планировочным характеристикам в 24 типа с поэлементной типологией строительных технологий и форм.

Вместе с тем надо отметить, что научный труд Петтерссона представляет интерес не только для архитекторов и искусствоведов, но также для историков, социологов и антропологов. Дело в том, что обилие фотографий, чертежей, рисунков Заонежья 1942–1944 годов не только реконструирует местную церковную архитектуру, но и дает широкую панораму повседневной жизни сельского населения Карелии в то время. В объектив фотоаппарата Петтерссона и Хелениуса часто попадали, кроме собственно церковных строений, крестьянские избы, природные ландшафты карельских деревень, наконец, сами сельские жители: взрослые и дети. В результате читатель книги Петтерссона словно на машине времени переносится в религиозную и мирскую жизнь карельских деревень второй четверти XX века.

В заключении этой объемной и богато иллюстрированной фотографией и чертежами книги помещена статья В.П. Орфинского и И.Е. Гришиной «Уроки Петтерссона», в которой рассматривается влияние работ финского ученого на позднесоветское и постсоветское изучение архитектурного наследия традиционного деревянного зодчества Карелии. Авторы статьи приходят к выводу: «Глубокое освоение и развитие принципов научных разработок Ларса Петтерссона в 1970-х годах послужило импульсом для расширения и оживления в Карелии изысканий, посвященных народному деревянному зодчеству, а вслед за тем — и для новых инициатив по его охране и профессиональному обучению реставраторов» (с. 526). На базе типологической системы Петтерссона в начале 1980-х годов была проведена инвентаризация памятников деревянного зодчества Республики Карелия, в результате было зафиксировано более 5 тысяч традиционных крестьянских построек. При подготовке и во время выполнения этой работы типологическая система Петтерссона стала эффективным учебным пособием, дававшим возможность успешно осваивать специфику полевого исследования традиционной крестьянской архитектуры. И в настоящее время в Этноархитектурной научной школе Петрозаводского университета ведется подготовка студентов по специальности инженер-реставратор памятников деревянного зодчества.

Несмотря на подвижничество и героизм своей военно-полевой работы, давшей столь плодотворный результат для многих поколений финских и российских специалистов в изучении традиционного сельского деревянного творчества, профессор Ларс Петтерссон оставался скромным человеком, о чем свидетельствует воспоминание автора предисловия этой книги Михаила Мильчика: «Летом 1989 года во время конференции, посвященной 275-летию Преображенской церкви в Кижях, в которой участвовал и Пет-

терссон, я во всеуслышание сказал о его огромном вкладе не только в русскую, но и в мировую культуру. В ответ он смутился, заметив, что и не думал ни о каком вкладе, а делал все лишь потому, что ему было интересно, понимая, что это удивительное разнообразие архитектурных форм и решений никогда и никем не изучалось, а во время войны многие постройки могут погибнуть, оставшись никому не известными» (с. 9).

The drama of the wooden architecture in the Onega Region
Pettersson L. Architecture of Wooden Churches and Chapels in the Onega Region. Preface by M. Milchik, S. Pettersson; article by V.P. Orfinsky, I.E. Grishina; ed. by M. Milchik, I. Grishina; transl. from Finnish, English. — Moscow: Tri kvadrata, 2020. — 544 p. ISBN 978-5-94607-231-1

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571. E-mail: nikulina@ranepa.ru.

Пора валить в деревню. По материалам круглого стола на форуме «Устойчивое развитие сельских территорий»

К.В. Аверкиева

*Ксения Васильевна Аверкиева, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН. 119017, Москва, Старомонетный переулок, 29.
E-mail: k_averkieva@igras.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-189-196

15 ноября в рамках форума «Устойчивое развитие сельских территорий» на платформе Общероссийского гражданского форума состоялся круглый стол с интригующим названием «Пора валить в деревню. Готовы ли деревни, сёла, экопоселения и другие “малые территории” к принятию переселенцев из крупных городов?». Основной темой для обсуждения должен был стать дезурбанизационный тренд, наметившийся (или хотя бы чуть обозначившийся) в различных регионах России и усилившийся, по крайней мере на словах, в разгар пандемии COVID-19 и условиях карантина. Планировалось, что участники дискуссии смогут порассуждать о том, кто именно сейчас нужен сельской местности, кого готовы принять сельские территории и сельские жители, как горожанину влиться в сельский социум, с какими трудностями сталкиваются переселенцы. В обзоре мероприятия, опубликованном в «Новой газете», цель мероприятия заявлена как «поиск способов грамотной дезурбанизации общества»¹.

Во вступительном слове модератор круглого стола *Д.П. Соснин* (координатор проекта Комитета гражданских инициатив «Муниципальная карта России: точки роста») упоминал о том, что, по различным оценкам, в карантин Москву покинули около 2 млн человек. Вспоминались и слова спикера Госдумы В.В. Володина о том, что на село готовы переехать 25 млн человек. Казалось бы — вот он ресурс для ревитализации сельской местности. Но оказалось, что не только сельская местность не готова принимать горожан, не располагая необходимой инфраструктурой (здесь хочется вспомнить историю студента из Омской области, который был вынужден заби-

1. <https://novayagazeta.ru/articles/2020/11/17/87993-begstvo-iz-gorodov>

ратся на дерево, чтобы подключиться к онлайн-занятиям в вузе², но и сельские жители не хотят воспринимать переселенцев как полноценных соседей и членов сельских сообществ.

Тем не менее обозначенная проблема существует: горожане стремятся в сельскую местность, кто-то начинает с варианта сезонных перемещений, кто-то переезжает на некоторое время и пробует свои силы, кто-то перебирается в село и остается надолго. Насколько новые жители села смогут влиться в сложившиеся сельские сообщества, если таковые существуют, действительно загадка. Основной идеей, от которой отталкивались организаторы круглого стола (*И.В. Задорин* — руководитель исследовательской группы ЦИРКОН, *Д.П. Соснин* и *Д.В. Соловьёв* — консул Союза экопоселений и экоинициатив), стала социальная эксклюзия горожан в сельской местности, в рамках круглого стола предполагалось найти варианты включения новых поселенцев в сельские сообщества. А если такое включение невозможно, как сделать так, чтобы сельские жители начали воспринимать приезжих горожан не просто как чужаков, а хотя бы как ресурс для развития своих территорий?

Развернувшаяся в эфире дискуссия не то чтобы не дала ответов на поставленные вопросы, скорее, она показала, насколько сложно найти взаимопонимание даже между заинтересованными в развитии сельских территорий специалистами. Набор экспертов сам по себе заставил задуматься о социальной пропасти между городами и сельской местностью: в числе участников были представители экопоселений, неординарных проектов, размещенных в сельской местности, организаторы «школ переселенцев» и другие, кто действительно работает с сельской местностью. Но не было никого, кто бы представлял какие-то рядовые случаи переезда в сельскую местность вне институциональных рамок или специализированных проектов, как не было ни непосредственно сельских жителей, ни представителей местного самоуправления. Череда выступлений оказалась любопытной, но в большей степени она выглядела как палитра различных инициатив горожан и набор взглядов, а не как дискуссия на заявленную тему.

Первым выступал *Константин Липатов*, представитель сети экопоселений во Владимирской области «Добрая Земля»³. Этот проект уже более 10 лет на виду и на слуху у исследователей сельской местности, поскольку он не вписывается в формат экопоселений, основанных на различных религиозных учениях (как, например, «Анастасиевцы» и некоторые другие). Он возник из желания нескольких семей переехать из города в сельскую местность, но так, чтобы не требовалось вливаться в существующие сети, поскольку они понимали, что контраст между бывшими горожанами и коренными сельскими жителями будет настолько велик, что комфортно-

2. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fad651e9a79472bc32a5ce6>

3. <https://dobrayazemlya.ru>

го сосуществования не получится. Поэтому поселок был основан в чистом поле, желающие примкнуть покупали земельные участки и начинали строить дома, параллельно налаживалась социальная жизнь поселения.

Константин Липатов подчеркивал, что существующий поселок — это изначально что-то противопоставленное существующей сети расселения. И до сих пор никаких налаженных связей между жителями экопоселения и соседями из исторических деревень не получается. Есть недопонимание (как и в рядовых случаях застройки бывших сельскохозяйственных угодий), если дома и заборы перекрывают привычные жителям сёл маршруты в лес или на реку, и есть «адресное экономическое сотрудничество с теми, кто на нас зарабатывает», когда жители экопоселений покупают продукты у местных жителей или нанимают их для выполнения хозяйственных работ.

За 10 лет на «Доброй Земле» (которая представляет собой уже не одно поселение в Судогодском районе, а несколько участков) обосновались около 30 семей, некоторые пробовали и переезжали в другие поселения. Сейчас попасть в поселение стало проще, чем раньше, поскольку к участкам стало легче подвести инженерные коммуникации, можно активно включаться в уже сложившуюся социальную жизнь, для детей есть семейный детский сад, регулярно проводятся праздники. Для тех, кто только думает присоединиться, доступен формат гостевого дома, чтобы пожить в поселении и ознакомиться с его устройством поближе.

Второй спикер — *Владимир Мартышин*, житель села Ивановское на Лехте в Ярославской области. История Ивановского и его школы известна многим, кто интересовался развитием этого региона. Она действительно небезынтересна: в 1997 году сельская школа рассматривалась как неперспективная (что несколько странно для мелкоселенной Ярославской области, 57 учеников для сельской школы — это не так мало), а спустя 15 лет в школе обучалось уже свыше 180 учеников и существовал конкурс для поступления — 7 человек на место, который, если верить СМИ⁴, сохраняется и до сих пор.

За историей преобразования школы стоит сам докладчик — Владимир Мартышин — переехавший в Ивановское из Москвы еще в 1993 году. Он устроился работать в сельскую школу и был заинтересован в ее сохранении, постепенно стал ее директором и занялся переустройством. Постепенно школа, сохраняя статус муниципальной, приобрела название «Школы целостного развития», где директор стал воплощать свои идеи православно-патриотического воспитания школьников. Еще в 1990-х в Ивановское и окрестные деревни стали приезжать знакомые Мартышина, поддерживавшие его идеи, стала формироваться сельская община единомышленников, которая начала притягивать новых поселенцев. Ядром жизни

Е.В. Аверкиева

Пора валить в деревню. По материалам круглого стола на форуме «Устойчивое развитие сельских территорий»

4. <https://pravoslavie.ru/125406.html>, <https://riafan.ru/1157610-selo-v-yaroslavskoi-glubinke-vozrozhdaetsya-blagodarya-unikalnoi-shkole>

общины стала школа. Образование в ней построено на идеях возрождения духовных ценностей и патриотического воспитания, наряду с привычными дисциплинами школьники ходят на уроки «Отечественного» и «Добролюбия».

Сельская община стала разрастаться, и постепенно в Ивановском и вокруг него началось замещение коренного населения приезжими (в СМИ их нередко называют «православной интеллигенцией»). По оценкам Мартышина, за 20 с лишним лет в село и окрестности переехали около 400 человек. Переезжали семьями, в числе которых многодетные. Сейчас в школе около 180 учеников, 55 сотрудников. При школе существует интернат, до 2019 года был также кадетский корпус на 30 мест, сейчас он закрыт. Переехавшие в село, с одной стороны, включаются в сельскую жизнь (так, создан сельскохозяйственный потребительский кооператив, в подсобных хозяйствах производится продукция, которая идет на реализацию как в Ивановском, так и в Москве), с другой — не теряют связь с городом. Большинство мужчин работает за пределами Борисоглебского района.

Данный пример, как и в случае с экопоселением, не позволяет говорить о включении поселенцев в сельский социум, скорее, он показывает, как может пройти замещение сельского населения. По сути, получилось рассредоточенное поселение единомышленников, возникшее, в отличие от экопоселений, по принципу «браунфилд», то есть на базе существовавших населенных пунктов.

После небольшого выступления *Дмитрия Соловьёва*, который имел опыт проживания в различных новых формах сельских населенных пунктов и рассказывал о вариантах включения в такие проекты, выступил социолог *Никита Покровский*, руководитель «Угорского проекта» в Костромской области. Он попробовал вернуть дискуссию в русло включения горожан в сельскую местность, уходя от идеи конструирования нового сельского существования.

Н.Е. Покровский кратко рассказал про «Угорский проект» (это не поселение, а скорее научная база в уже укрупненном Угорском сельском поселении Мантуровского района Костромской области). Стараниями его участников небольшая деревня Медведево сохраняется от полного вымирания и отключения от коммуникаций. Многолетняя борьба за эту деревню показала, насколько горожане на самом деле не интересны сельским жителям, а борьба за налаживание быта в деревне дала понять, насколько сельская инфраструктура далека от требований горожан. Ни дачники, ни горожане без прописки, даже проживающие в сельской местности продолжительное время, совершенно не нужны властям сельских поселений и муниципальных районов: субсидии в местные бюджеты все равно выделяются только на постоянное население, а других выгод от приезжих практически нет, в отличие от очевидных неудобств. Горожане усложняют привычные «серые» схемы природопользования, придают огласке неправовые формы взаимоотношений власти

и населения, требуют от властей постоянного напряжения и работы, которую они предпочли бы не выполнять. Поэтому «хипстерский» призыв переезжать в деревню, по мнению Н.Е. Покровского, не принесет ничего, кроме разочарований.

Чтобы наладить связь между селом и городом, Н.Е. Покровский предлагает создавать условные «коридоры» для переселения горожан в сельскую местность, чтобы существовала оценка сельских территорий по ряду параметров, исходя из которых желающие переехать могли бы найти подходящие населенные пункты. В числе параметров — экологическая обстановка и ландшафтные условия, наличие остаточной инфраструктуры и сетей инфокоммуникаций, численность постоянного населения и навыки сельских мастеров, которые могли бы помочь обустраиваться поселенцам. Обеспечить доступность такой информации о сельских территориях — одна из задач местных властей.

Следующим в дискуссии стал комментарий социолога *Владимира Якимца*. Он, опираясь на свои исследования в Костромской и Ярославской областях, республиках Татарстан и Крым, говорил о том, что сельская местность все же ждет горожан, но квалифицированных, которые могли бы работать в сельском здравоохранении, образовании, занимать посты в сельских администрациях.

Итог первой части дискуссии подводила *Дарья Рудь*, которая представляла проект «Melnica Space» в Заокском районе Тульской области и данные опроса блогера Ольги Савельевой, проведенного в 2015 году. На их основании Дарья выделила основные барьеры, удерживающие горожан от переезда в сельскую местность:

1. отсутствие инфраструктуры и бытовые сложности. Многое приходится делать самим и помощи ждать неоткуда;
2. пугает состояние сельской медицины и время ожидания скорой помощи;
3. никто не предполагает включаться в сельскохозяйственное производство, у всех иные мотивы — рекреация, воспитание детей, другие занятия («постаграрный смысл существования сельского поселения»);
4. не хватает «мостов» между сельскими жителями и горожанами, если бы это было, было бы легче принимать решения о переезде.

Затем последовали выступления представителей «школ переселенцев», тех, кто помогает горожанам принять решение о переезде в сельскую местность.

Первой выступала *Антонина Кулясова* из Устьянского района Архангельской области, она представляла проекты «Живая школа», «Экопоток» и «Лесная школа на Устье»⁵. Изначально она работала с сельской молодежью, пытаясь помочь ребятам найти

5. <https://medium.com/country-side-settlers/кулясовы-прикладная-экосоциология-на-русском-севере-64c6d99e6c84>

стимулы для возвращения в сельскую местность после учебы. Позже появился проект совместно с горожанами, заинтересованными в развитии сельских территорий. Он подразумевал онлайн-обучение и офлайн-практику с проживанием в сельской местности, так называемое «пробное проживание». Этот проект интересен тем, что он все-таки встроен в существующую деревню и не подразумевает конструирования нового населенного пункта или сообщества (хотя изначально Кулясовы искали себя в экопоселениях), он направлен на поиски точек соприкосновения горожан и коренных жителей. Любопытен проект еще и тем, что его авторы — супруги Кулясовы — ученые, которые совмещают образовательную и исследовательскую деятельность с собственными экспериментами по включению в сельскую жизнь, они много рефлексируют по поводу наблюдаемых процессов.

По их мнению, существующая сельская местность не очень готова к приему горожан. Отчасти и из-за неписаного клише «деревня должна умереть» и «что ни делай, она все равно умрет». Это мешало как сельским жителям увидеть ресурсы развития своей территории, так и горожанам принять твердое решение о переезде. Показательно, что власти Устьянского муниципального района и ближайшего сельского поселения сначала очень интересовались проектом, а сейчас дистанцировались от него. Эта социальная дистанция между приезжими горожанами и местными жителями сохраняется из-за того, что не все горожане готовы «считывать культурный код» местных жителей, учитывать их менталитет. И горожане привносят индивидуализм в сельскую местность, а это ее разрушает.

Не менее интересными наблюдениями делилась *Ольга Долгова*, сооснователь архфермы Melnitsa Space. Ядром этого проекта стал комплекс колхозных построек в Заокском районе Тульской области. Этот район чрезвычайно популярен у московских дачников, а Melnitsa Space пробует сочетать в себе функции общественного пространства для сезонных жителей, архитектурно-социального эксперимента (лофты в зданиях зернодробилки и остатки архитектурных фестивалей, где разместились коливинги и коворкинги) и образовательной площадки для молодежи. Проект, нетипичный для сельской местности, подчеркивает свое единство с окружающей средой, приглашает к себе тех, кто любит «подземелья, руинированные пространства, силуэты коровников, огромные силосные башни с акустикой готического собора...»⁶, сотrudничает с окрестными фермерами, поставляя жителям арт-пространства свежие местные продукты. Пока он только начинает свою работу.

По мнению Ольги Долговой, горожан в сельской местности местные жители не воспринимают по ряду причин. Во-первых, сельские жители боятся новых форматов, в том числе экопоселений (так,

6. <https://melnicaspace.ru>

Melnica Spase также воспринималась как экопоселение). Даже если горожане приезжают со своими яркими идеями по преобразованию и/или возрождению сельской местности, им не стоит стремиться сразу вовлекать в свои проекты местных жителей, это не будет воспринято адекватно. Во-вторых, деревенские жители воспринимают горожан как тех, кто сбежал из города, кто его отрицает. А сельские жители город не отрицают, поэтому диалог не выстраивается. В-третьих, ни городские, ни сельские жители не видят системности многих проблем развития территорий, каждый обращает внимание только на одну группу проблем, что не позволяет вырабатывать общие решения. При этом, по наблюдениям О. Долговой, если у переселенцев есть хоть какое-то разрозненное сообщество, у местных жителей его нет, поэтому не очень понятно, как в него встроиться и кто будет выполнять функции медиаторов, которые могли бы наладить диалог между сторонами.

В выступлении *Екатерины Затуливетер* были приведены оценки потенциала различных социальных начинаний в сельской местности от команды проекта Altourism⁷. Он является интересным образцом социального предпринимательства. Команда проекта собирает информацию о различных начинаниях и идеях, идущих от сельских жителей или тех, кому не безразличны какие-то сельские объекты, и подключает к реализации этих идей неравнодушных горожан, организуя для них туристические поездки с практической пользой для территории (от банальных субботников до создания и реставрации различных объектов). Помимо приобщения горожан к сельскому и прекрасному организаторы рассчитывают еще и на то, что местные жители, увидев горожан, за собственные деньги приехавших поработать в их деревни, повысят самооценку и осознают ценность проживания в своем населенном пункте.

По наблюдениям Е. Затуливетер, оценить перспективность сельских населенных пунктов для переезда горожан можно всего по одному параметру — готовности местных жителей их принимать. Не обязательно солидарное решение всего сельского сообщества, если такое вообще есть, достаточно, чтобы было несколько жителей, которые готовы взаимодействовать с новыми поселенцами. Наличие жителей, заинтересованных в развитии и готовых что-то делать, — основное условие «перспективности» территорий, в том числе для переселения. Это важнее наличия инфраструктурных благ. Соответственно, горожанам, которые хотят переехать в деревню, необходимо понять, что они ждут от переезда, и найти несколько сельских жителей, которые будут готовы им помочь. Любые программы или инициативы «сверху» (от муниципальных или региональных властей) бессмысленны.

Последним на круглом столе выступал *Андрей Панюков*, представитель русского кооперативного движения, который напомнил

7. <https://altourism.ru>

о важности современной общинности, о том, что решить многие проблемы сельской среды обитания можно силами кооперативов.

Круглый стол позволил увидеть, что стремление переехать в сельскую местность у определенной части горожан действительно есть. Но что понимается под сельской местностью? Вспоминается давний спор географов о том, стоит ли понимать под сельской местностью все внегородское пространство или только его освоенную часть, а то и вовсе совокупность сельских населенных пунктов с прилегающими сельскохозяйственными угодьями. Дискуссия показала, что реальное стремление жителей городов — не в деревню, а из города, поскольку практически все спикеры представляли свои проекты, которые направлены на конструирование новых сельских сообществ или даже новых населенных пунктов. Получается, никому не хочется в деревню, скорее, хочется за город, хочется привнести в сельскую местность городской комфорт и привычные стандарты общения и потребления. А традиционная сельская местность остается наедине со своими проблемами, к которым теперь добавляется необходимость выстраивать отношения с новыми соседями, формирующими новую сельскую реальность.

It's time to go to the village: Materials of the round table at the forum "Sustainable Development of Rural Areas"

Kseniya V. Averkieva, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Staromonetny Per., 29, Moscow, 119017. E-mail: xsenics@yandex.ru

Аграрное развитие через призму истории.

**Обзор национальной конференции «III Гришаевские чтения»
(18–19 ноября 2020 г., Красноярский государственный
аграрный университет)**

Н.В. Гонина

Наталья Владимировна Гонина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории Института истории СО РАН. 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: nv7@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-197-202

Мемориальная конференция — не простая вещь: с одной стороны, мы понимаем, что каков бы ни был масштаб личности, с течением времени память постепенно стирается, а потому именно мемориальную конференцию так легко сделать формальным мероприятием локального характера. Как сохранить живую память и как сделать повторяющееся научное мероприятие востребованным и интересным?

Очевидно, что целями и задачами конференции должны быть стремление к саморазвитию и получению нового знания, причем это новое знание должно носить конкретный характер.

Идеи и символы Гришаевских чтений 2020 года возникли не случайно — многие историки Красноярска и преподаватели кафедры истории Аграрного университета — ученики профессора Василия Васильевича Гришаева (1935–2014), выпускника МГУ, известного ученого, исследователя проблем аграрной и социальной истории России, одного из создателей историко-философского факультета в Красноярском государственном университете. Его научное наследие широко востребовано как в нашей стране, так и на постсоветском пространстве. И наша конференция — дань памяти Учителю и продолжение его научной, социально-организующей и просветительской работы.

Имея в качестве организующего центра Красноярский аграрный университет, мы не замыкаемся на тематике аграрной истории нашего региона. Мы считаем, что национальная конференция должна быть предельно широкой по проблематике, составу участников и территориальному представительству. Впрочем, большинство наших коллег работает с сибирскими материалами, и публикация результатов этой работы также имеет большое значение. Именно поэтому тематика конференции определяется актуальными пробле-

мами отечественной исторической науки в целом, а также значимыми вопросами истории Сибири.

Первые Гришаевские чтения состоялись 11 сентября 2018 года и были посвящены личности и научному наследию В.В. Гришаева. В них приняли участие 58 человек, преимущественно историки и общественные деятели Красноярска, те, кто лично знал В.В. Гришаева. Вторые Гришаевские чтения прошли 15–16 октября 2019 года, их центральной темой стала история природопользования и развития агропромышленного комплекса на евразийском пространстве, но по составу участников (63 человека) она получилась региональной.

Третьи Гришаевские чтения были задуманы как дань памяти ученым-агряриям и их наследию, что отражает тематику исследований Василия Васильевича Гришаева. Кроме того, это отвечает практическим потребностям студентов и преподавателей аграрного университета. Сыграло свою роль и печальное событие — 4 февраля 2020 года скончался выдающийся крестьяновед, историк и социолог Теодор Шанин.

Конференция в этот раз приобрела мультидисциплинарный характер и впервые стала всероссийской не только по названию, но и по тематике и составу участников. В силу карантинных ограничений конференция проводилась через систему zoom, но именно это позволило привлечь большое количество исследователей из разных регионов страны от Санкт-Петербурга и Москвы до Дальнего Востока.

В конференции приняли участие архивисты, историки, социологи, философы и экономисты из МВШСЭН, РАНХиГС, Чаяновского исследовательского центра, Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Орловского государственного аграрного университета, Института истории СО РАН, Сибирского федерального университета, Сибирского государственного университета науки и технологий, Красноярского педагогического университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии.

Работа конференции началась с приветственного слова проректора по науке Красноярского ГАУ д.б.н. *В.Л. Бопп* и заведующего кафедрой истории и политологии Красноярского ГАУ д.и.н. профессора *С.Т. Гайдина*.

На пленарном заседании первым выступил директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ, к.э.н. *А.М. Никулин* с докладом «Крестьяноведы Теодор Шанин, Джеймс Скотт и сельская Россия». Он обратил внимание собравшихся на то, что исследование крестьянства всегда носит междисциплинарный и межрегиональный характер, интегральность темы требует широкого кругозора и определенной смелости ученого, ее разработка невозможна без компаративного анализа. Далее указанный тезис был раскрыт на примере жизненного пути

и научной карьеры Теодора Шанина и Джеймса Скотта, чьи работы охватывали как индустриально развитые страны, так и бывшие колонии, методы исторического исследования переплетались с антропологическими и социологическими подходами. И, конечно, обоих авторов интересовало русское крестьянство. Далее докладчик познакомил слушателей не только с работами указанных авторов, но и с историографическим процессом в целом, показывающим, как развивалось крестьяноведение во второй половине XX — начале XXI в. и какое место занимает в нем история сельской России.

Председатель Ученого совета ИИ СО РАН, заведующий сектором аграрной и демографической истории, д.и.н. *В.А. Ильиных* представил доклад «Николай Яковлевич Гуцин. О коллективизации и классовой борьбе крестьянства: позиция оппонентов». Таким образом, он продолжил тему историографии крестьянства уже на сибирском материале. Новый подход к анализу биографии историка и судьбы его научных трудов позволил обосновать выделение поворотного этапа советской историографии в 1970-е годы, когда однозначно позитивная оценка коллективизации сменяется глубоким анализом ее причин и следствий, а также свидетельством горькой судьбы крестьянства, вынесшего на своих плечах тяготы политических реформ и ускоренной индустриализации. Ильиных подчеркнул важность поддержки учеными Академгородка работ Н.Я. Гуцина и его достаточно свободных лекций в университете, которые формировали у студентов новое представление о советской истории и способах ее анализа.

Доклад заведующего кафедрой всеобщей истории СФУ, д.и.н. *В.Г. Дацышена* «Рисоводство на российском Дальнем Востоке. К проблеме исторической памяти о российско-японском сотрудничестве» перенес слушателей совсем в другую область. Малоизвестная тема позволила по-новому взглянуть на процесс хозяйствования как способ международного взаимодействия и социальной самоорганизации. Актуальный подход через историческую память дал возможность не только представить фактическую основу сюжета, но и ее резонансное воздействие на сознание последующих поколений и отражение в современной реальности.

Выступления вызвали оживленную дискуссию. Далее работа конференции проходила в секциях.

Первая секция «*Роль плановых начал в развитии сельского хозяйства на евразийском пространстве в XX веке*» открылась докладом д.и.н., зав. кафедрой истории и политологии Красноярского ГАУ *С.Т. Гайдина* и к.и.н., доцента кафедры психологии, педагогики и экологии человека *Г.А. Бурмакиной* «Представления руководителей Госплана о развитии сельского хозяйства в период от реформ С.Ю. Витте до начала коллективизации». Представляет интерес тезис о крестьянах и крестьянском хозяйстве как жертвах модернизации экономики, что было очевидно и самим реформато-

рам. Разорение и сопротивление сельских жителей было ожидаемым, более того, и царские и советские управленцы искали пути смягчения ситуации, но они остались нереализованными — государственные интересы и задачи индустриализации были важнее.

В работе второй секции конференции «*Научные школы, труды и концепции социально-экономического развития деревни*» особое внимание привлекло выступление коллег из Санкт-Петербургского аграрного университета. *М.А. Арефьев*, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, и *А.Г. Давыденкова*, д.ф.н., профессор той же кафедры, назвали свой доклад очень скромно и лаконично: «Особенности преподавания курса «История и философия науки» для аспирантов аграрного вуза», но его содержание превзошло все ожидания слушателей. Мы узнали об истории аграрного образования в Санкт-Петербурге, о ведущих специалистах в данной области, об опыте работы коллег с аспирантами и о том, какие проблемы философии интересуют современных молодых ученых-аграриев. Доклад не только идеально вписался в тематику конференции, но и дал коллегам хороший материал для размышления и практического применения.

На третьей секции «*Жизнь ученых-аграриев в биографиях и документах (мемуары, письма, дневники...)*» большинство докладчиков представляли Европейскую часть страны. Важное место в ее работе заняли участники, представляющие Чаяновский исследовательский центр МВШСЭН: специалист *В.О. Афanasenков* и к.э.н. *Т.А. Савинова*. Рассказ о малоизвестных широкой общественности деталях жизненного пути и научной работы последователей А.В. Чаянова позволил глубже понять, как складывалось осмысление крестьянства в науке раннего советского периода и почему оно не получило развития.

Для историков всегда очень значимы сообщения архивистов об открытии доступа к новым фондам, поэтому большой интерес аудитории вызвал доклад представителей Санкт-Петербургского филиала Архива РАН к.и.н. *М.В. Мандрик* и к.и.н. *В.В. Лебедевой* «К биографии ботаника Ф.Х. Бахтеева». Во время его обсуждения на первый план вышел вопрос о богатствах архивных фондов с точки зрения интеллектуальной истории и, увы, недостаточном внимании исследователей к этой теме.

Четвертая секция «*Регионализм в социально-экономической мысли в условиях модернизации*» оказалась самой обширной и многогранной как по географии, так и по содержанию. Ученые представили результаты своих многолетних исследований, которые продемонстрировали, насколько разноплановым может быть разговор об аграрной истории. Основное внимание было сосредоточено на сибирских материалах, но были и участники из других регионов. *А.Б. Гуларян*, к.и.н., доцент Орловского государственного аграрного университета, в докладе «Пореформенное крестьянское хозяйство в экспертной оценке Орловского земства» озна-

комил не только с новыми материалами о крестьянском хозяйстве Нечерноземья, но и дал высокую оценку качеству экспертиз, подготовленных земскими органами. *О.М. Долидович*, к.и.н., доцент кафедры современных образовательных технологий СФУ, представила свой взгляд на трудности продовольственного обеспечения населения Восточной Сибири в годы Первой мировой войны. *Е.Л. Зберовская*, к.и.н., заведующая кафедрой всеобщей истории КГПУ, рассказала о страшной судьбе спецпереселенцев, сосланных на север Красноярского края для добычи рыбы в период Великой Отечественной войны. Завершилась секция неожиданным по тематике докладом д.и.н. профессора СФУ и КГПУ *А.С. Ковалева* «Основные направления социальной помощи «инвалидам крестьянского труда в Сибири в 20–30-х гг. XX в.». Малоизученная тема привлекла общее внимание. Оказывается, советская власть не только эксплуатировала сельских жителей, но и оказывала им социальную помощь.

Пятая секция «*Город-Село. Дихотомия в условиях перехода*» была самой малочисленной, что, однако, никак не отразилось на содержании представленных докладов. Открыло секцию выступление *С.А. Рафиковой*, д.и.н., профессора Сибирского государственного университета науки и технологий, «Сибирские горожане в первом поколении: маргиналы или «свежая кровь». Светлана Анатольевна на материалах коллекции народных мемуаров с использованием метода идентификации признаков городского образа жизни развенчала стереотип о рурализации городской среды из-за массового переселения крестьян. Она доказала, что модернизация охватывает и городское и сельское общество, что маргинал очень восприимчив к новым условиям среды и настроен на перемены в жизни, поэтому переселенцы из деревни формировали в городах сообщество нового типа. Более того, им было легче адаптироваться благодаря поддерживающей социальной политике, которая не распространялась на коренных горожан.

Л.А. Овчинцева, в.н.с., к.э.н. Центра аграрных исследований РАНХиГС, в докладе «Дачные и экологические поселения как возможные элементы структуры сельского расселения» обратилась к относительно новой теме реурбанизации и модернизации села. Если ранее основное внимание исследователей было сосредоточено на том, как растут и развиваются города благодаря притоку сельских мигрантов, то теперь на первый план выходит интерес к возвратному движению за пределы города. Что такое дачное поселение — способ самообеспечения, стремление к получению экологически чистой продукции или реализация «тяги к земле»? Автор рассматривает дачные и экологические поселения как новый вид сельского расселения и оценивает перспективы их развития и условия существования.

Результаты работы секции показали, что разговор о дихотомии «город– село» необходимо вести в полидисциплинарном про-

странстве, привлекая компаративный анализ. Эта тема настолько сложна, что требует отдельного разговора и может быть фокусом отдельной конференции. В то же время исследователи уделяют ей недостаточно внимания, несмотря на ее актуальность.

В молодежной секции были представлены доклады студентов и магистрантов исторического отделения Гуманитарного института СФУ и Красноярского ГАУ. Их тематика очень разнообразна — от проектов ледоколостроения в XIX в. до анализа контента газеты «Пионерская правда», и от золотопромышленности Красноярского края в 1943 году до теории и практики развития всего Агропромышленного комплекса России. Авторами использовались как традиционные, так и современные научные подходы и различные методы: контент-анализ, устная история, историческая память, интеллектуальная история. Стоит отметить хороший уровень проработки материала и грамотные презентации. Интерес студентов к участию в конференции, в том числе и при обсуждении докладов, показывает необходимость привлечения их к подобным мероприятиям.

Подводя итоги конференции, участники подчеркивали, что это только начало большого и серьезного разговора, который стоит продолжать, поскольку на современном этапе очень важно изучение аграрной истории, актуальность которой не снижается, а, наоборот, только нарастает с новой силой по мере трансформации деревни. Индустриальность в свое время была преодолением традиционности и сельскости, сегодня постиндустриальное общество нуждается в преодолении этого раскола и возвращении гармонии в социально-экономические отношения. Более того, как убедительно доказывают исследования, крестьянство — это не просто сословная категория и образ жизни, а структурная составляющая всей системы социокультурных отношений. Наследие ученых-аграрников, как и проблемы села в целом, сегодня также требуют гораздо больше внимания. При этом очень важную роль играют конкретно-исторические и локально-исторические исследования, так как сегодня, к сожалению, изучение вопросов аграрной истории характеризуется ярко выраженным регионализмом.

С материалами конференции можно будет ознакомиться в одноименном сборнике, который будет опубликован в декабре 2020 года и размещен в РИНЦ.

Agrarian development in the historical perspective

Natalia V. Gonina, PhD, Senior Researcher of the Agricultural and Demographic History Sector, Institute of History of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090. E-mail: nv7@mail.ru

Современное захватничество: дисперсное лишение прав и «пограничные» земли¹

И.К. Полещук

Илья Константинович Полещук, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-203-205

В Москве, на базе Научного центра международного уровня (НЦМУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ прошел первый международный семинар в рамках запланированного на 2021 год цикла мероприятий по тематике «Человеческий капитал в сельском развитии России и мира». 3 марта 2021 года серию международных семинаров докладом «Дисперсное лишение прав и присвоение “пограничных” земель» открыл кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии Университета Берна Александр Форбруг. Учитывая нынешние пандемийные ограничения, семинар прошел в режиме онлайн, что позволило его организаторам собрать внушительное число зарубежных исследователей, заинтересованных в данной проблематике.

Предпосылкой и эмпирическим фундаментом доклада стала длительная полевая работа Александра Форбруга (с 2012 по 2014 год) в сельских районах российских регионов (Липецкая, Воронежская, Ростовская области и Пермский край). В ходе исследований докладчик неизменно дополнял свои включенные наблюдения экспертными интервью — с представителями агробизнеса, сельского сообщества, местной администрации и журналистами. Результатами работы стали несколько сотен страниц полевых заметок и цикл статей преимущественно фундаментально-теоретического характера, несколько из которых были опубликованы в журнале Центра аграрных исследований Российской академии на-

1. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-908).

родного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ «Крестьяноведение».

В своем докладе Александр Форбруг предложил два новых концептуальных понятия для обсуждения взаимосвязи между лишением (прав) собственности и захватами земель сельскохозяйственного значения в российской экономике. Во-первых, это «дисперсное лишение прав» — результат затяжных процессов девальвации и дезинтеграции в постсоветский период, обусловленных, в частности, структурными кризисами в сельской экономике, а также отсутствием или недостатком инвестиций. Во-вторых, это «пограничные» земли — конкретные земельные участки, для которых характерны нестабильные и запутанные отношения владения и пользования, вследствие чего высока угроза их забрасывания (отказа вести на них сельскохозяйственную деятельность) и определенных форм их (незаконного) присвоения.

Основное внимание Александр Форбруг уделил понятию «дисперсное лишение прав», полагая, что именно этот процесс порождает неблагоприятные условия хозяйствования и жизнедеятельности для сельских сообществ, а также создает предпосылки для присвоения ресурсов сельских территорий государственными и частными субъектами. По мнению докладчика, понятие дисперсного лишения прав в большей степени, чем понятие земельных захватов, подходит для того, чтобы показать исследователям необходимость сосредоточиться на изучении зависимости сельского населения от поддерживающих его институтов и инфраструктуры вместо того, чтобы анализировать причины, факторы и последствия богатого событиями процесса изъятия сельскохозяйственных угодий из пользования сельских сообществ.

Предложенные концептуальные модели были рассмотрены докладчиком на двух примерах: частные инвестиции в пахотные земли и формирование новых лесных массивов на заброшенных сельскохозяйственных землях. Несмотря на то что доклад опирался на опыт постсоветской сельской России, аналогичные процессы в той или иной степени характерны для сельской местности в разных странах мира.

Участниками междисциплинарной дискуссии стали известные российские и зарубежные исследователи: С. Вегрен, А.А. Куракин, А.М. Никулин, Ш. Мерль, И.В. Троцук, С. Дана.

Например, *Стивен Вегрен*, профессор Южного методистского университета (Даллас, США), высказал следующие соображения: во-первых, каковы критерии выделения процесса «лишения прав» в контексте разведения его незаконных и вполне легальных форм. Профессор Вегрен предложил развести законные и незаконные виды дисперсного лишения прав, поскольку иначе будет сложно описывать, например, тенденции холдингизации в российском сельском хозяйстве — где агрохолдинги незаконно получили права собственности на землю, а где нарушили права и ожидания сель-

ских жителей, но все же в рамках совершенно законной коммерческой сделки. Кроме того, профессор Вегрен отметил, что лишение прав и приобретение земли — это очень разные понятия, нужно более четко их разводить, иначе можно сделать неверные выводы. Во-вторых, он подчеркнул необходимость включения количественного компонента в рассматриваемую проблематику, т.е. уточнения масштабов отчуждения земли среди всех видов передачи земли (на основе статистических данных и экспертных оценок). В-третьих, использование новых концептуальных моделей предполагает четкое разграничение их предметного поля с уже существующими и широко распространенными понятиями — иначе не всегда ясно, о чем идет речь. И, наконец, третье замечание порождает вопрос о том, как сочетаются (соотносятся) друг с другом основные для докладчика понятия, посредством которых он предлагает описывать постсоветские трансформации в российском сельском хозяйстве и сельских сообществах, — отчуждение прав/земли, присвоение прав/земли и «пограничные» земли. К сожалению, эти три понятия и сфокусированные на них три части презентации оказались не вполне логически взаимосвязанными (например, возникает вопрос: является ли лишение собственности уникальным следствием процесса присвоения или же присвоение — типичный элемент различных процессов и разных обстоятельств).

Тематически разносторонняя междисциплинарная дискуссия свидетельствует о том, что докладчик затронул важные концептуальные точки в осмыслении постсоветских трансформаций в сельской России. Действительно, в современном мире земельный вопрос обретает новое звучание, а борьба за землю — все новые изощренные формы, что требует от исследователей разработки как новых методик эмпирических исследований, так и новых концептуальных моделей. Для НЦМУ проблематика доклада важна и потому, что земельные отношения напрямую влияют на сельские сообщества, способствуя или сохранению их человеческого и социального капитала, или их окончательному распаду.

Contemporary grabbing: Dispersed dispossession and 'liminal' lands

Ilya K. Poleshchuk, Junior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

**Памяти Натальи Тормосовой
(12.01.1968–09.11.2020)**

9 ноября 2020 года ушла из жизни историк, краевед, замечательный исследователь Русского Севера, многолетний сотрудник Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея Наталья Ильбрусовна Тормосова. Ушла совсем молодой, 12 января 2020 года ей исполнилось всего 52 года. Из них последние десять лет она мужественно и отчаянно боролась со своей смертельной болезнью — отвоёвывала у нее год за годом, чтобы растить детей, путешествовать, готовить выставки и конференции, писать книги.

Мы познакомились с Наташей (простите, я не могу даже мысленно называть ее Натальей Ильбрусовной — она была так молода, так неофициальна и так жизнелюбива!) в 2011 году на конференции в Кенозерском национальном парке и сразу подружились. У нас оказались общие научные интересы, и все эти годы мы вели совместные исследования, даже получили грант от РФФИ, ездили вместе на конференции и в гости друг к другу. Так я стала невольным свидетелем ее борьбы.

Наташей нельзя было не восхищаться. Только когда она совсем слегла, и невыносимые боли заставили ее регулярно принимать обезболивающие, когда ее руки, ее тело окончательно перестали ее слушаться, только тогда она прекратила работать. А до этого: архивы, поездки по городам и весям, полевые работы, лыжи зимой, велосипед летом. Она была неутомимым исследователем Каргопольского края, обожала свой город, его окрестности, свой музей.

Наталья Тормосова попала в Каргополье в самом раннем возрасте, когда ее родители (отец был агроном по образованию) после Петрозаводского университета получили распределение в один из колхозов Каргопольского района, и с тех пор их судьба и судьба их дочери были связаны с этой землей навсегда. В «лихие девяностые», вернувшись после учебы в родной город, она пришла работать в Каргопольский музей, когда там почти ничего не платили. И хотя у нее была возможность получить гораздо более высокооплачиваемую работу, Наташа мечтала о работе именно в музее. Она всегда делала то, что хотела.

Ее главный труд «Каргополье: история исчезнувших волостей» вышел в 2013 году, она сразу начала работать над продолжением, но не успела... Эта книга, в отличие от большинства ученых книг, интересных только небольшому числу исследователей, немедленно стала бестселлером и быстро исчезла из продажи. Книга единственная в своем роде по достоверности и охвату сведений, иллюстративному материалу и научной и человеческой значимости.¹ Трудно представить, что человек в ее возрасте сумел осуществить такой труд практически в одиночку! Сколько раз я была свидетелем сцен, как к ней подходили люди, благодарили за эту публикацию и предлагали новые материалы для будущей.

И вот все это закончилось... Гораздо позже, чем думали врачи, но так несправедливо, так обидно, так незаслуженно рано!

*О.Н. Трапезникова,
д.г.н., главный научный сотрудник ИГЭ РАН, Москва*

1. Тормосова Н.И. Каргополье: История исчезнувших волостей Каргополь. Каргопольский музей, 2011. — 711 с.

Крестьяноведение

2021. Том 6. № 1

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 31.03.2021. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1051.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru